

ДЗАХО ГАТУЕВ

ЗЕЛИМХАН

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1971 ИЗДАТЕЛЬСТВО "ИР"

Дзахо Гатуев ЗЕЛИМХАН

Редактор К. И. Б о й ц о в а. Художники М. Д ж а н а е в, А. Петров. Художественный редактор У. К. К а н у к о в. Технический редактор С. Х. Гутнева. Корректоры Н. А. Р о м а н о в а, А. Х. А г а с я н. Наборщик Н. П. К и д и н а. Печатник С. К о ц о е в. Сдано в набор 18-VI-1971 г. Подписано к печати 6-IX-1971 г. Формат бумаги 84x1081/3. Усл.-п. л. 11,27. Учетно-изд. листов 10,77. Заказ № 1981. Тираж 80000. Изд. № 40. ЕЙ 01863. Цена 47 коп. Книжное издательство Управления по печати при Совете Министров СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2. Книжная типография Управления по печати при Совете Министров СО АССР г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

7-3-3 30-М-71

СОДЕРЖАНИЕ

Дзахо (Константин) Гатуев.

Вступительная статья Б. Ш. Шелепова.

ЗЕЛИМХАН

Зелимхан

Сватовство Солтамурада

Тюрьма

Абрек Зелимхан

Харачоевский Зелимхан

Атаман Вербицкий

Кизляр

Асса

Саламбек Гасаоджев

Аюб Тамаев

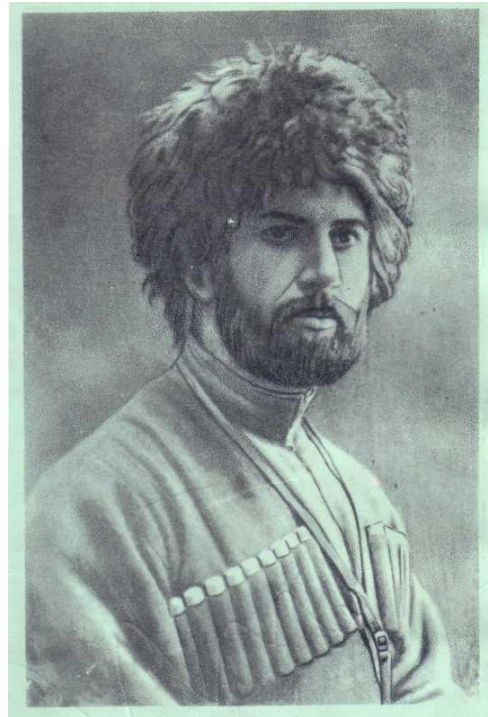
Керкет

Чудо святого Зелимхана

Смерть Зелимхана

Письма Зелимхана

Песни о Зелимхане

ДЗАХО (КОНСТАНТИН) ГАТУЕВ

В ноябре 1910 года в редакцию владикавказской газеты «Терек» пришел худощавый юноша-осетин с умными черными глазами. Он принес стихи на смерть Л. Н. Толстого. Журналист Солодов прочитал стихи и обратился к Миронову-Кирову.

—Посмотри, Сергей.

Сергей Миронович углубился в чтение.

— Настоящие стихи, Саша!

— Да, но не пойдут они у нас!..

— Это не важно.— Повернувшись к посетителю, Мироныч сказал: — А вы напишите еще. Помягче только. За эти нас в лучшем случае прикроют...

С этого дня юный гимназист Костя Гатуев каждую неделю заходил в «Терек». После верстки газеты провожал Кирова до Грозненской. Осенний ветер хватал Мироныча за полы пальто.

«Были годы Шварца и Кассо, громивших университеты, годы реакции,— вспоминал Константин Алексеевич Гатуев.— Миронов сутулился, сопротивляясь ветру. Оба скупые на речи, мы шли, коротко оценивая последние новости.

— А революция все-таки будет, потому что есть пролетариат,— почти прокричал Миронов».

Часто Сергей Миронович приглашал Константина к себе в гости, в домик на узком Лебедевском переулке. Иногда приходил студент Яков Львович Маркус. Здесь в беседах, которые длились допоздна, Костя Гатуев получил первые уроки политической грамоты; они во многом определили мировоззрение будущего талантливого писателя.

В Московском университете Гатуев вступает в марксистский кружок. Находясь в летние месяцы во Владикавказе, он по заданию С. М. Кирова распространяет нелегальную большевистскую литературу в железнодорожных мастерских и среди рабочих цинкового завода.

В октябре 1917 года участвует в вооруженном восстании московского пролетариата.

Многие годы спустя, проходя по Никитской площади с сыном, Константин Алексеевич остановился около кинотеатра «Унион» и погладил угол дома. Видя недоумение сына, пояснил: «Я отсюда в белых стрелял».

В годы становления Советской власти К. А. Гатуев вновь сотрудничает с С. М. Кировым во Владикавказе, выполняет его поручения как журналист, используя страницы газеты «Горская жизнь» для объективного освещения политических событий на Тереке и пропаганды идей пролетарской революции.

Сергей Миронович с первых встреч заметил благородную искру в сердце юного осетина, страстно любящего свой народ, и сделал все для того, чтобы пробудить в нем творческие силы литератора — бойца революции.

Дзахо (Константин) Гатуев не расставался с журналистским блокнотом и фотоаппаратом, «вдоль и поперек» изъездил горы Северного Кавказа, воспел первые ростки нового, социалистического мира на родной земле.

Дзахо полным голосом заявил о себе как писатель удивительно яркого, самобытного таланта. Его произведения были восторженно встречены народом, ими заинтересовался великий Горький.

Исторические судьбы горцев Кавказа с детских лет волновали воображение Дзахо Гатуева. В годы «затишья» после первой русской революции, обращая свой взор к далеким дням шамилевских битв и к романтическим образам абречества, Дзахо писал с грустью:

Мой кинжал, для злой мести кованный,
И стальная кремневка деда
Не блеснули хоть раз очарованно
Ни над кем, предвещающая беды...

Эти школьные стихи подобны первым, робким шагам младенца, который крепко держится за домотканую юбку матери. А через десять лет К. А. Гатуев создает поэму «Азия» — темпераментную оду идеям объединения угнетенных народов южных окраин России. Он обращается к горцам Дагестана, Чечни, Ингушетии, к кабардинцам, осетинам, черкесам, к декханам Средней Азии и кочевникам Калмыкии:

«Все, все лишены хлеба,— слетайтесь!»

В поэме ярко выражено чувство непримиримости к угнетателям, четко определены понятия «Европа» и «Азия», но молодой певец грядущей свободы «изолиро-

вал» Азию от борьбы русского пролетариата — движущей силы революции. Сергей Миронович и не предъявлял к своему юному другу требований как к зрелому марксисту: Киров опубликовал «Азию» в газете «Терек». В этот период Ной Буачидзе, С. М. Киров и другие верные ленинцы стремились к объединению всех революционно-демократических сил против поднимающейся на Кавказе контрреволюции.

Кстати сказать, в эти дни К. А. Гатуев меньше всего интересовался тем, какое впечатление произвела на его друзей и всех читателей поэма; он был занят другим делом. Контрреволюционно настроенные офицеры и черносотенцы разгромили большевистский Совет. Ноя Буачидзе и Мамия Орахелашвили арестовали. С. М. Киров находился в опасности. Костя Гатуев предложил Миронычу покинуть свою квартиру и пригласил его вместе с Марией Львовной Маркус к себе. Сжимая рукоятку браунинга, Гатуев сопровождал их до своего дома на Тарской.

Когда миновала опасность, можно было побеседовать и о новой поэме.

В воспоминаниях о Кирове Дзахо Гатуев с присущей ему скромностью объективно рассказывает: «Будучи в 20-м году в Москве, я показывал эту поэму Маяковскому. Маяковскому она не понравилась. Но в декабре 17-го года во Владикавказе, окруженном «азиатами», она прозвучала сильно».

Первыми наиболее значительными произведениями Дзахо явились документальные повести «Зелимхан» и «Ингуши», написанные почти одновременно — в двадцатые годы. Писатель кропотливо изучал сотни архивных документов в Ленинграде, Москве, Владикавказе, Грозном, ездил в горы Чечни и Ингушетии, подолгу беседовал с близкими Зелимхана на их родном языке (К. А. Гатуев владел многими языками народов Северного Кавказа), с людьми, знавшими друзей и врагов Зелимхана.

Еще слышны были отголоски теорий идеологов антинародных партий, буржуазных демократов из различных «национальных союзов», еще не утихли в ущельях нирваны мракобеса Кунта-Хаджи, апостола «зикры» — учения халифатских дервишей. Кунта-Хаджи давно в могиле, но его мюриды пересчитывают нескончаемые зерна янтарных четок, возводят абреков в ранг святых, утверждают, что только гибель в борьбе с кафурами (нечистыми) во имя аллаха и пророка его ведет в тенистые райские сады.

И писатель-революционер создает мастерски сотканное художественно-историческое полотно, живописует

самого знаменитого абрека и говорит народу: «Вот, правда о Зелимхане. Не верьте мюридам мистической "зикры" и легендам националистов! Зелимхан не был святым» и врагом русских. Он — народный мститель, он — друг и брат русскому бедняку, обездоленному и униженному угнетателями. Вот, правда о Зелимхане!..» Документальная повесть «Зелимхан» являет собой важное звено в цепи творческих замыслов Дзахо Гатуева. Приступая к работе над этим произведением, писатель ставил большую цель — создать цикл повестей, раскрывающих в колоритных образах взаимосвязь событий в период от первой русской революции до великого Октября и гражданской войны, их закономерность, обусловленную экономическими, социальными, этнографическими, религиозными и другими особенностями жизни народов Кавказа.

Пунктир этой линии в планах писателя прослеживается по названиям повестей — «Зелимхан», «Ингуши». «Дикало-Замана», «Серго» (к сожалению, повесть о Серго Орджоникидзе не дошла до нас, она бесследно пропала после смерти писателя) и «Гага-аул» — о днях становления Советской власти в высокогорном селении. Есть основание полагать, что Дзахо Гатуев, создавая цикл исторически связанных между собой произведений, намеревался вернуться к работе над «Зелимханом»; некоторые главы, повести выпадали из ее композиционного и стилистического строя, к тому же они были преходящими и уже к началу сороковых годов утратили свою свежесть. Не случайно К. А. Гатуев не переиздал

«Зелимхана».

В настоящей книге повесть «Зелимхан» публикуется с сокращениями —

исключено введение и ряд документальных материалов. Однако отдельные места из введения («К истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе») представляют несомненный интерес для читателя. Например, говоря о зарождении абречества в Чечне, автор приводит такие данные: «Началу абречества в Чечне положил харачоевский (такова уж судьба этого аула!) Атабай — мюрид Шамиля. Атабай пережил со своим имамом всю радость войны, и после сдачи Шамиля ушел в партизанищину. Счастье не долго сопровождало деятельность Атабая: он был схвачен. Но у него оказались последователи — Эски, Мехки, Осман, Аюб, Зелимхан гельдигенский, Саламбек, Солтамурад, Гушмазуко и, наконец, Зелимхан харачоевский как самый яркий выразитель абреческой славы, озарившей закат старого века».

Дзахо Гатуев рассматривает абречество как протест индивидуума, выражающего настроение трудовых масс,— протест против нищеты, бесправия горцев и произвола царских властей. «... Война считалась продолжающейся. Неписаная история горцев разделила ее, как и войну настоящую, на эпохи, названные именами начальников областей. Смекаловщина, кахановщина, толстовщина, колюбакинищина, михеевщина — яркие моменты этой истории. Смекалов бил розгами «изобличенных и неизобличенных преступников». Каханов ссылал их на остров Чечень (в числе сосланных оказался и великий осетинский поэт Коста Хетагуров). Толстов отдал население произволу начальников округов. Колюбакин пулями умирал горцев после 1905 года. Михеев установил систему прочных семейных ссылок и экзекуции в аулах. Все вместе они создали в области обстановку непрекращающихся насилий, породивших зелимхановщину.

«Нужны были грандиозные сдвиги Октября,- заключает К. А. Гатуев,— чтобы эту обстановку уничтожить».

Писатель ставит на первый план социальные корни зелимхановщины, а «дань всевышнему аллаху» трактует как завуалированный политический лозунг. Зелимхан харачоевский — сложная натура. Его отвага, неуловимость, удаля, жестокость («стойкость в злости») создали ему - ореол героя. Но он не только мстил. Скрываясь в горах, он должен был чем-то жить — питаться, одеваться, покупать патроны. Поэтому — грабил. Вину свою сознавал.

Он много писал, хотя не был грамотен по-русски; диктовал письма толмачам (переводчикам). Прежде чем дело довести до убийства, Зелимхан старался отыскать возможности предупредить зло, отворотить. Вот строки его письма полковнику Галаеву: «Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно. Не стыдно тебе обвинять совершенно невинных? На каком основании наказываешь ты этих детей?

...Вы не можете подняться на крыльях к небу и не можете также влезть в землю. Или же вы постоянно будете находиться в крепости, решая дела так неправильно?..

Куда вы денетесь? Вы никуда не денетесь, пока я жив.

...Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женицин, когда они ходили в горы,— и я их не тронул...» Далее Зелимхан называет имена своих сотоварищей, чтобы пристав не трогал невинных людей, и предупреждает: «Хотя вы теперь радуетесь, но после будете плакать несомненно».

Во втором письме Галаеву абрек Зелимхан дает последнее предупреждение: «Ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, таким же полковником, как и ты... Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слышал и не видел ничего правдивого.

...Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазука е в».

И он сдержал слово: летом 1908 года убил полковника Галаева, о чем доложил в своей «исповеди» Государственной думе. - Я не родился абреком!..— Эти слова Зелимхана звучат как грозное обличение царского самодержавия.

Дзахо Гатуев рассказывает о Зелимхане правдиво, объективно. Как художник незаурядного таланта, Дзахо порой освещает то или иное событие с неожиданной стороны, чтобы проще донести до читателя природу явлений и причины, породившие их. Идя по следам необычайных, удивительных поступков абрека, читатель видит отношение к ним автора. Героизм — подвиг — определяется не собственной отвагой, а тем, во имя какой цели совершен смелый поступок. Когда Зелимхан мстит царским властям за несправедливые репрессии и разбой в мирных аулах,— он народный герой. Когда он грабит банк в Кизляре, стреляет в охранников, чтобы захватить деньги,— он просто абрек, как и многие другие на больших дорогах.

Как уже было сказано, Зелимхан не был врагом русских; бедняков он не трогал и даже одаривал их деньгами. Часть своей добычи от удачных набегов раздавал сиротам, женам и детям сосланных в Сибирь невинных людей.

Зелимхан ждал революции, чтобы покончить с абречеством, сбросить с себя волчью шкуру. Он был мирным человеком, честно трудился, никого не трогал. Но несправедливость, коварство и тирания заставили его стрелять из засады или совершать ночные налеты на врагов. Этот шаг был криком отчаяния человека, несправедливо обреченного на каторгу, гибель в тюрьме или казнь.

Он ждал революцию, которая бы поняла и простила его (так думал Зелимхан). Не дождался — погиб. К сожалению, понятие о революции до Зелимхана донесли анархисты, снабдившие его бомбами и печатью, а не грозненские рабочие-коммунисты, которые помогли бы ему стать на правильный путь борьбы.

Такова документальная повесть «Зелимхан». Как известно, Дзахо экранизировал повесть, и киностудия «Восток-кино» выпустила художественный фильм под тем же названием. Кинофильм «Зелимхан» прогремел по всей нашей стране и демонстрировался во многих странах мира.

Ранние произведения Дзахо Гатуева, как и творчество большинства молодых талантливых писателей того времени, не прошли мимо внимания Алексея Максимовича Горького. Не раз Дзахо встречался с отцом советской литературы, пользовался его консультацией, добрыми советами.

Недавно ростовский литератор П. Х. Максимов, работавший прежде вместе с К. А. Гатуевым в краевой газете и в РОСТА, издал книгу, в которой помещено письмо А. М. Горького. Алексей Максимович просит Павла Хрисанфовича Максимова прислать из Ростова несколько книг, в том числе — «Зелимхан».

По рассказам современника, Горький тепло отозвался о «Зелимхане» Гатуева, рекомендовал молодому писателю проявлять большую активность в создании новых книг о революционных преобразованиях в жизни горцев Кавказа и расширять тематику произведений.

Из Ростова Гатуев переехал в Москву, публиковал очерки в журнале «Наши достижения», выходившем под редакцией А. М. Горького. Очерки К. А. Гатуева «Кавцинк», «Гизельстрой», «Два перевала», а также его многочисленные записки и переводы осетинского фольклора в прозе и в стихах представляют большую ценность для читателей наших дней. Автор проделал значительную исследовательскую работу в области истории Северной и Южной Осетии, поднял ценнейшие документы, подобно тому, как в далекие времена, описываемые им «оссы» впервые добыли в недрах гор несметные сокровища и подарили их потомкам, ставшим подлинными хозяевами своей земли.

Писатель-рудокон Дзахо добыл в недрах истории своего народа предания, легенды-были, повествующие о борьбе трудовых людей за счастье. Он славит зарю счастливой жизни, осветившую родные горы Осетии после великого Октября, славит

творческий труд своих современников.

Во всех очерках Дзахо Гатуева проявляется наиболее яркая особенность творчества писателя: он не замыкается в узких национальных рамках (так же, как и в повестях «Зелимхан», «Ингуши», «Гага-аул»), а выступает в роли друга и брата соседних народов, делит горечь их бед, радуется их радостям. Он — знаменосец дружбы.

В 1960 году гослитиздат выпустил книгу избранных произведений Дзахо Гатуева «Гага-аул». В основу ее легла одноименная повесть. Впервые она вышла в свет в 1930 году. Это был ответ делом на пожелание Горького. Чувствуя ответственность перед ним, Дзахо несколько лет трудился над этим сравнительно небольшим произведением.

С первых же страниц повесть «Гага-аул» захватывает читателя, переносит в суровый и величественный мир Кавказа, раскрывает глубины народного быта горцев, родовые и классовые противоречия, рассказывает о том, как в неприступное ущелье врывается с севера свежий ветер новой, советской жизни.

Писатель отображает сложный процесс проникновения революционных, социалистических идей в глухой аул, затерянный среди ледников и скал. Это высококаллантливое, в своем роде неповторимое произведение почти не поддается цитированию — так органично, слитно в нем единое содержание. Язык красив и колоритен, повествование движется по каким-то неписаным законам самобытной поэтики горской речи, рубленые фразы кажутся кристаллами. Во всем повествовании чувствуется сдержанность, таящая в себе силу. Сдержанный юмор смягчает остроту мрачных явлений жизни в суровых горах, где в период «междувластия» остаются одни лишь законы адата и шариата. Писатель не прибегает к испытанным сатирическим средствам при изображении всесильных Гамзат-муллы и Джабраил-кадия, но они сами по себе убоги и смешны, эти обветшалые правители аула. Джабраил-кадия коснулось жало старческого маразма. Он говорит мулле: «Шариат делается ничтожнее коровьего помета... Хороший плов на поминках был...»

Неуклюже и смешно выглядит кулак Кашкар, объявивший себя большевиком. Пользуясь темнотой сельчан, он обирает их через «копратив», душил «продразверсткой». Этот самодовольный «рывкома председатэл» мечтает лишь о том, чтобы получить в городе от Советской власти френч и «галифлекс».

Мягким юмором светится письмо девушки Айши из города, куда она уехала учиться: «... Я учица читат писат многа подруга учица читат писат Прулитари всех стран содиняйся Совецка власть рабочих и кристан кирепко целувайю Ханисат, Замират, Мадин также Мариам...» Эта весточка в родной аул, где почти нет грамотных по-русски, вселяет уверенность, что луч света уже проник через гранитные скалы, и что вожаками «народа гагааульского» станут Айша и ее друзья, а время кадиев, мулл, Кашкара и Баки кончилось.

От трагического выстрела Лечи-Магомы в брата Джамала до финальной картины, когда развенчанная Баки грозит народу обрубками рук,— вся повесть читается как поэма в прозе. Картины впечатляющие, словно изображенные на кованом серебре тонким резцом искусного кубачинского златокузнеца.

Такое впечатление оставляет «Гага-аул» Дзахо Гатуева, вдохновенного певца гор.

Очерки Гатуева, помещенные в книгу, явились результатом его поездок по Осетии. Писатель наблюдал, как отступает старое перед энтузиазмом освобожденного народа. Большие перспективы открываются для развития промышленности и культуры родного края. Очерки интересны с точки зрения исторической.

Жизнь Дзахо трагически оборвалась в самом расцвете творческих сил писателя.

В 1936 году Гатуев писал по поводу смерти своего друга Сергея Мироновича Кирова: «И когда в бывшем Владикавказе плакали репродукторы, хотелось мгновениями сунуть руки в их широкие горла, задушить их, заставить молчать. Потому что жить да жить должен был Мироньч».

Знакомясь сегодня с кипучей жизнью и замечательным наследием Дзахо Гатуева, хочется эти слова обратиться к нему самому:

— Жить бы да жить тебе, дорогой Дзахо!..

Б. Шелепов.

ЗЕЛИМХАН.

Зелимхан был горец как горец, со всеми чертами настоящего горца, настоящего мужчины. Родина его — Харачой. В дупле российского империализма родился Зелимхан. Первые впечатления детства у Зелимхана те же, что у каждого чеченца: Шамиль, время шариата. И горы. Дегалар, Чермой-лам, Гизгин-лам.

Родословная Зелимхана несложна, если начать ее с Бехо.

Бехо родил двух сыновей. Сыновья родили пятерых. И четырех девушек: Хайкяху, Эзыху, Дзеди и Зазубику. И во всем селении Бехо единственный был седобородым, таким, как века, что выпирают неотесанными плитами на харачоевском кладбище.

У харачоевцев овцы, у харачоевцев шерсть, сыр, масло. Недавно еще харачоевцы сами ткали себе сукно, сами отливали пули для длинноствольных кремневых ружей — крымских, с которыми ходили в ичкерийские леса на зверя и за ичкерийские леса на людей. Недавно еще дагестанские кузнецы переваливали из Ботлиха с грузом топоров, серпов, кос и обменивали его на харачоевскую кукурузу. Иногда привозили харачоевским невестам яркие персидские ткани.

Товар оборачивался из ущелья в ущелье, переваливая высокие кряжи гор, перебрасывая жердяные мостики через бурные реки.

Но когда на полки Веденских лавок в семи верстах, в крепости, легли тяжелые штуки русского сукна, русского ситца, разрисованного, как персидский шелк, а на гвоздях повисли схваченные проволокой подковы, косы, серпы, которые дешевле и крепче тех, что привозили вьюком хриплые дагестанцы, тогда харачоевцы оказались втянутыми в сферу мирового хозяйства. Легче нарубить в лесу тяжелые плахи дров, продать их и купить сукно в городской лавке, чем самим снимать с овец шерсть и перерабатывать ее в черкески. Легче продать шерсть и купить ситец, подковы, гвозди.

Так маленький Харачой, затерявшийся в глубине ущелий, втягивался в мировое хозяйство. Может быть, это втягивание прошло бы незаметно и безболезненно. Может быть, Харачой приобщился бы к культуре через свой естественный рост.

Но эволюция происходит во времени. А Харачой шел в культуру через крепостные ворота Ведено.

Харачой был гололоб, был он азиат, был покоренный. Соединив в себе эти три качества, он выпускался в крепостные ворота не только мимо часовых, но и сквозь стройную систему оскорблений и унижений, придуманную царскими сатрапами. Мало того, чем он уже был в глазах носителей всяческих погон, его заставляли в воротах снимать кинжал, понукали непонятливого ядреным матом, прикладами, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. Часто начальнику казались подозрительными женщины. Тогда он обыскивал их, т. е. лапал, лапал тех, кто всем строем жизни был убежден, что всякое прикосновение чужого мужчины — оскорбление, если не позор.

За прилавками магазинов сидели уверенные в твердости крепостных стен и солдатских штыков купцы. Тоже чужие. В харачоевцах купцов раздражало все: подвох, желание дешевле купить, неумение говорить по-русски.

Если бы можно, харачоевцы, чтобы не видеть и не слышать, вовсе не ходили бы в крепость. Но законы капиталистического развития были сильнее харачоевцев, мусульманства, гор. Всего того, что окружало харачоевцев, к чему харачоевцы привыкли.

И замыкаясь, ища спасения в кругу тех понятий и представлений, в которых их застало время Шамиля, время шариата, они новый мир врагов, ворвавшийся в лесистые ущелья, терпели только как новую, суровую необходимость.

Харачой знал, что всякое зло, всякое насилие имеют предел, установленный адатом и шариатом, что адат и шариат — это дело и слово правды и справедливости в тех формах, которые установил родовой строй. А царизм принес свои формы, которые были как раз противоположны харачоевским.

В имущественных отношениях харачоевцы считали, что око идет за око, зуб за зуб. Имущественными отношениями определялись общественные. Человек равен определенной рабочей силе, как рабочая сила расценивается в случаях покушения на его жизнь, на часть его тела. И наоборот: имущественный ущерб может быть возмещен соответствующим ущербом телу виновника. Такая экономика пронизывала весь харачоевский строй. Царскому чиновнику задумалось изменить харачоевские понятия и представления. И он выделил из среды харачоевцев группу собственников, «лучших людей», для заполнения ими первичных административных должностей — старшин и милиционеров. Группа была выделена врагом. Выделившись, она оказалась во вражеском стане. И вне внутриродовых харачоевских отношений. Основное ядро харачоевцев, остававшееся первобытным, замкнулось в еще более тесных рамках рода. И в религиозном сектантстве, обеспечивающем незыблемость харачоевских основ. По инстинкту самосохранения. Столкнулись два мира. Все, что делал царизм, что, по мысли его, было справедливо, противоречило харачоевским представлениям о справедливости.

Отобрание земли в пользу казаков и собственников, выросших из измены народному делу борьбы. Насилия и оскорбления. Таскания за бороду почетных носителей фамильного авторитета. Насмешки по поводу магометовых способов

проявления религиозных чувств. По поводу происхождения. Женского костюма с его шальварами до самых пят... Разве мало было поводов для насмешек? Были они у чиновника системой, а наивный харачоевец к нему же шел искать защиты. От обид и не находил.

Тогда Харачой решил своими силами восстанавливать справедливость. Свою справедливость. По отношению к себе, по крайней мере.

Зелимхан работал на поле. Пас отцовские стада. Ходил в крепость. Был период, когда Зелимхан даже зачастил в крепость. Стал привычным для обитателей ее чеченцем, скоро узнанным и по имени.

Как чеченец Зелимхан не мог жить в крепостной слободе. Правом владеть недвижимостью в стенах крепости пользовались только офицерские чины. Чеченские офицерские чины. А из русских все, кто хотел. И мог. Зелимхан не мог не только потому, что был чеченцем.

И каждый день Зелимхан отсчитывал версты в крепость, которая старалась жить по европейскому образцу. Карты. Клуб. Ресторан. В нем оркестр. Пьяные офицеры. Проституирующие жены. Чеченцы, выбившиеся на мутную поверхность новой жизни, старались не отставать от европейских образцов. От европейского темпа.

Другие, равные Зелимхану, испытывали равную с ним судьбу обид и угнетений.

И вот Зелимхан ушел. Скрылся из глаз обитающих в крепости. На месяц. На два. На три. Он появился вновь, чтобы встретиться однажды на дороге из крепости в Грозный Веденского купца Носова.

— Стой!

Носов остановился. Давно не видел старого знакомого Зелимхана. А Зелимхан:

— Давай деньги!

— Кунак! Зелимхан! Ты меня? Перестань. Нехорошо так с кунаками делать.

Носов бил наверняка: знал слабое место чеченца.

— Давай деньги. Мне трехлинейную винтовку надо.

Мне деньги надо.

— Э, кунак, хороший кунак. Неужели своего знакомого убивать будешь?

Нехорошо, кунак. Воллай лазун, биллай лазун¹, нехорошо.

Носов знал не только чеченцев. И по-чеченски знал.

— Деньги надо, больше ничего не надо.

Одноглазая берданка смотрела темным оком, определенно угрожая. Носов отличил эту встречу от привычных крепостных.

— Хорошо. Вот у меня шестьдесят рублей. Я отдам тебе их, Зелимхан. Я дал

---

¹ Воллай лазун, биллай лазун — искаженные слова мусульманской клятвы на арабском языке: «Валлахи азим, биллахи азим». (Все примечания — от редакции).

бы тебе больше, но у меня нет. Клянусь своим богом — нет. Возьми их. Поклянись только, что ты не убьешь ни меня, ни сына.

— Воллай лазун, биллай лазун, не убью! — поклялся Зелимхан. — Воллай лазун, биллай лазун, убью, если ты расскажешь в крепости, что я ограбил тебя.

Купец пообещал не рассказывать.

— Теперь давай!

Но купец Носов — хитрый купец. Во внутреннем кармане у него настоящие деньги. Большие. Запасенные на покупку городских товаров. Что если Зелимхан, подойдя за шестьдесятю, доберется и до настоящих рублей?

— Только уговор. Маленький уговор, Зелимхан. Я правду говорю: я боюсь, что ты все же убьешь меня или сына. Дай мне проехать вперед, а ты иди следом. Я буду бросать бумажки, а ты собирай их.

Грабитель и потерпевший сдержали слово. Носов отсчитал Зелимхану 60 рублей, и никому в слободе не рассказал о Зелимхановом явлении.

Опять не приходил Зелимхан в крепость.

Едва ли он посвятил это время посту и молитве! И одиночному философствованию на диком утесе. И теперь и впоследствии, когда вырос,— всегда Зелимхан был настроен практически. Скорее всего, он ходил по кривым улицам Харачоя, Дышни-Ведено, Ца-Ведено. Ходил, прислушивался. Еще больше убеждался в необходимости борьбы, во что бы то ни стало, зла, во что бы то ни стало. Для врагов зла.

Почему чеченец уходит в борьбу? Есть песня. В ней чеченский вечер. В ней чеченец, приютившийся на ночь под одеялом. Всякий разумный в таком положении уснуть должен. Но чеченец нет. Он не разумный, он младенческий. Ему вольность мерещится и рядом с вольностью тюрьма и железная жалость часовых.

— О мое сердце,— поет чеченец,— к чему зовешь меня! Ты же знаешь...

Вольность и тюрьма. Тюрьма и вольность. Два призрака на одном пути. И все же поднимается чеченец, чтобы ускакать на коне во мраке ночи, чтобы стать абреком.

Схожее с этим Зелимхан уже пережил. Теперь он ходил, чтобы искать себе друзей, чтобы искать товарищей.

Хороший абрек, абрек настоящий, должен иметь много настоящих друзей. В каждом ауле, в каждом хуторе. Абрек, который хочет быть большим абреком, должен иметь друзей не только в Чечне. В Дагестане. В Ингушетии. В Осетии. И еще — он должен знать дороги. Тропы людские, звериные тропы. Пещеры, лужайки, родники. Приметы погоды. И горы, вершины которых вместо звезд. В селах он должен знать не так кривые улочки и переулочки, как задние дворы. С их сапетками, в которых кукуруза. С их садами, плетнями, конюшнями, амбарами.

Абрек, настоящий абрек, кроме того, что знают обыкновенные люди, должен знать и то, что обыкновенных людей не интересует вовсе.

И еще — он должен первым взглядом отличать друга от врага. Ах, как много должен знать абрек, настоящий абрек, харачоевский! Зелимхан — абрек. И Зелимхан знал.

А в Ведено продолжалось старое. Заброшенные волею судьбы, в виде занумерованного приказа, в глубину Чечни люди добросовестно выполняли получаемые инструкции, распоряжения, указания — канцелярскую премудрость царского Петербурга. Инженерная дистанция блюла «царское» шоссе, проведенное в свое время для какого-то из самодержцев, вздумавшего посетить покоренные земли. Лесничий блюл леса. Судебный следователь — закон. Начальник округа вкуче с участковым — порядок. Блюли от единственных прирожденных правонарушителей — чеченцев. Блюли от и не для чеченцев. Даже дорога, проведенная для блага царя и населения, оказалась в трудных высокогорных местах непригодной для практических нужд горцев. Она тянется там, вдали от населенных пунктов, и горцы как путями сообщения по-прежнему пользуются старыми дедовскими тропами.

Свободное от выполнения циркуляров время начальство, ограниченное кругозором ближайших хребтов, проводило за картами в офицерском собрании или все в том же ресторане, который, слава богу, делал хорошие дела.

Иногда выезжали за ворота крепости. На прогулки, на пикники. Наслаждаться живописными видами. Что, что, а живописность российский интеллигент всегда любил. Любил располагаться на лужайке около родника. Раздувать самовар снятым в порыве непосредственности сапогом. Вскрывать коробки с консервами. Единым махом выбивать пробку. Стлать на зеленую скатерть матушки-земли скатерть полотняную. Распоясываться. И уйти, оставив на месте становища осколки бутылей. Ржавые консервные коробки.

Так приближали первобытность к современности и наоборот.

Но однажды первобытность подошла к современности иначе: смуглым Зелимханом

и оком трехлинейной винтовки, купленной на деньги купца Носова. Явствовало, что Зелимхан приобщился к современности. На этот раз не один. С товарищами. Офицерские наганы быстро оказались добычей налетчиков. Мужчины опешили. Дамы вновь встревожились за свое целомудрие.

Наглые и грубые в крепостных стенах, культустрегеры запросили пощады. Авансом запросили. Убедившись, что Зелимхан не хочет убивать, они, как купец Носов, даже обрадовались ему.

— Чечен кунак! Зелимхан кунак! Садись, как гость будешь.

Враги сели поделить яства. Русские, мысля затянуть чеченцев в крепость, чеченцы — русских в лес. Но мало ли для чего можно отойти от компании? И лесничий отошел. Удаляясь, он постепенно прибавлял шагу. В крепость. Ноги абрека — чеченские ноги. Быстрее тяжелых русских. Вернули лесничего.

— Такое дело? Кунак, кунак, а сам...

— Зелимхан! Ей-богу, кунак. Настоящий кунак. Чем мы виноваты, что один из нас изменник. У вас тоже были изменники, и Шамиль убивал их. Чечен хороший человек. Чечен хорошего человека не убьет. Разве гость убьет своего хозяина? Ты сейчас гость у нас. Разве хозяин убьет своего гостя? Мы сейчас гости у вас. В Чечне. Разве чечен обидит женщину? С нами женщины.

Зелимхан слушал и соглашался с этой нехитрой мудростью незваных гостей. Соглашался и вспоминал крепость, белой язвой выгноившуюся на зелени равнины.

— Идем в лес! — прекратил он поток дружбы и любви.

— Зелимхан! Хороший Зелимхан, кунак Зелимхан!..

— Идем в лес!

Женщины выказали себя бесстрашнее мягкотелых чиновников. За исключением одной. Глупой. Непонимавшей.

В глубине леса Зелимхан раздел всех. И опять строго наказал не называть в крепости его имени:

— Хуже будет.

Не стоило наказывать. Офицеры знали, что будет хуже, если раскроется тайна раздевания. Могли проболтаться женщины. Но в крепостном быту кто поверил бы, что Зелимхан не тронул их.

Круговая порука спаяла уста любителям первобытности.

В своем письме председателю Государственной думы Хомякову Зелимхан объясняет уход в абречество событиями, случившимися позже. Событиями, которые, по мнению писавшего письмо, могли бы оправдать Зелимхана в глазах либерального русского общества. Чеченские старожилы рассказывают иначе. Они утверждают, что своим исчезновением из крепости и явлением сначала купцу Носову, потом компании вепенцев Зелимхан сознательно предопределял себя абречеству.

К этому времени Зелимхан уже был женат. Семьянином он был отменным даже в том быту, в котором он жил и действовал и который крепок святостью домашнего очага и численностью членов семьи. Зелимхан — второй сын Гушмазуко. Хасий — первый. Солтамурад — третий. В горском быту младший брат не может жениться раньше старшего, младшая сестра выйти замуж раньше старшей. Девичество старшей сестры обрекает на девичество часто очень длинную плеяду младших.

Женитьба Зелимхана открывала новые возможности Солтамураду. Не возможности даже, — обязанность: жениться. И тут возникло событие, не выходящее из ряда обычных в родовых горских отношениях, но окончательно утвердившее Зелимхана в правильности избранного им пути.

СВАТОВСТВО СОЛТАМУРАДА

Горская любовь.

Существовал взгляд, что у горцев такое чувство отсутствует вовсе. Обычай умыкания девиц или же приобретение себе жены через уплату энной суммы денег — калыма — был основанием для такого взгляда, утверждением которого добивались все той же цели: доказать худосочность для культуры и цивилизации горской породы людей. Людей, с позволения сказать. Горская любовь — это не результат сцепления встреч, разговоров, клятв, поцелуев и всего того, что по традиции сопровождает у европейцев «соединение» двух существ отныне и присно и навеки. Она бессловесна, горская любовь. Родится она в летние сумерки у фонтанов, к которым вереницами тянутся за водой аульные девушки. На расстоянии, достаточно гарантирующем девушку от прикосновения чужого, сидят парни. Внешне парни нисколько не заинтересованы в тех, которые, как видения, бесшумно подходят к фонтану с тяжелыми кувшинами на плечах.

Девушки не поют — «Каждый день к Арагве светлой». Они не толстые. И жирные груди не выпирают у них в трескающиеся по ткани лифчики. Они не такие, как девушки, которых мы привыкли видеть хотя бы в «Демоне». Их длинные, по щиколотку, рубахи просто спускаются с их плеч, подоткнутые за шнурок, которым закреплены широкие «хечи» — женские шальвары, схваченные шнурком у пят.

В летние сумерки у фонтанов рождается горская любовь. Бессловесно. Взгляд, брошенный мужчиной, взгляд, который выразительнее тысячи слов и клятв, подхватывается девушкой. Ответным взглядом подхватывается.

Так взглядом закрепляется первая тяга друг к другу.

Иногда бывает больше. Иногда парни и девушки встречаются на вечеринках. В тесную кунацкую набивается их кружок, строго разделенный на две части: праздничную, пеструю — женскую, и суровую, серую — мужскую. Итальянская гармоника, заменившая горцам древние пандуры с длинными струнами из конских волос, тянет поджарую лезгинку. А в перерывах — в комнате молчание и... взгляды. Взгляды, которые могут пронзить смельчака, случайно оказавшегося в их скрещении.

Но бывает еще и еще больше. Больше всего. Бывает, что парень, взгляд которого подхватила девушка, которому взглядом же ответила она, встретит ее, когда поблизости нет никого, когда ничей чужой глаз... Тогда две, три фразы, сказанные так, чтобы ни у кого другого не было оснований сплетничать, говорить, что такие-то, что он и она разговаривали на улице, — такие две-три фразы определяют форму будущих отношений. И тогда три пути у мужчины, у настоящего мужчины: Он должен собирать деньги, чтобы уплатить родным невесты калым.

Он может увезти любимую, будто бы против ее воли. Он должен увезти любимую против ее воли, чтобы заставить полюбить.

Так строится вечное право обладания женщиной. Солтамурад шел к осуществлению своего права обычным путем. Переглядывался у фонтана. У харачоевского фонтана, который между мечетью и владением Элсановых серебряной лентой сбегает по склону горы, чтобы притихнуть в деревянных водоемах, чтобы омыть перед молитвой руки и ноги правоверных, чтобы загудеть своей щедрой струей в медных кувшинах харачоевских красавиц.

Харачоевской красавицей была Зезык, дочь Хушуллы и Душты. С нею переглядывался у фонтана Солтамурад, ее юношей был он на харачоевских вечеринках. Ему повезло. Он переговорил с нею и вечером, подождав ее у условленного выхода, увез к себе. «Похитил».

Событие, не выходящее из ряда вон в харачоевском быту. Обычное событие, когда Хушулла и Душта не оценивают свою Зезык, как доходную статью, в особенности. Но обычай требует от потерпевших, — каковыми считают родители невесты — по крайней

мере, внешних признаков возмущения.

И тогда почетные сельчане приглашают в дом потерпевших. Заедая тяжелые кукурузные лепешки жирной бараниной, они обсуждают событие, вспоминают похожие прежние и кончают решением идти к похитителям. Требовать.

У похитителей тоже лепешки, баранина. И разговоры те же. Так несколько дней, от потерпевших к похитителям и обратно, чтобы закончить миром — уплатой маслаата. Платой за оскорбление, восстанавливающей доброе имя потерпевших.

В переговоры Хушуллы с Гушмазуко вмешалась власть в лице харачоевского старшины. Власть потребовала возвращения Зезык, не дожидаясь конца переговоров. Мирного конца. Гушмазукаевы вернули Хушулле и Душте их цветок (зезык). Вернули с тем чувством двойственности, какое бывает у каждого горца, когда он подчиняется одновременно и обычаю, и власти. Подчинение обычаю — привычное подчинение. Но власти... Кто ее выдумал, "эту власть? Какое она имеет право вмешиваться во внутриварачоевские отношения? Мало ей, что налоги ни за что берет!

И потом: Гушмазукаевым же на улицу нельзя показаться. Каждый односелец имеет все основание отвернуться от них: разве они люди, разве мужчины они, не сумевшие закрепить за собой девушку.

Бабы шальвары им! Платки на головы!

И все-таки Зезык должна быть Гушмазукаевской. Какой угодно ценой должна. Пусть не удалось похитить ни против ее воли, ни с ее согласия. Гушмазукаевы свезут в город последние пожитки. Продадут улья с пасеки. Баранту. Но Зезык должна быть Гушмазукаевской.

Воллай лазун, биллай лазун!

В маленькой сакле Гушмазукаевых чувство обиды переливало за высокие края харачоевской котловины... Оно залило все горы, все ущелья Чечни, когда Элсановский Шугаипп увез Зезык в Эшель-Хотой. Шугаипп, брат Бельгас, второй жены Гушмазуко, от которой родился Бийсултан.

Человека, который не дождался, пока Гушмазукаевы откажутся от девушки, который перебил девушку у Гушмазукаевых, такого человека убить надо, такого человека зарезать надо. Разве такой человек — человек? Разве человек тот, который из-за бабы оскорбляет целую фамилию?

И почему теперь не вмешивается старшина?

— Пойдем. Сами отберем девушку. В Эшель-Хотой пойдем. Отберем Зезык и вернем Хушулле. Пускай у него будет, пока наше дело не кончится. Пускай ни у кого не будет, пока наше дело не кончится.

Пошли в отселок. Гушмазуко пошел. Хасий — старший брат — пойти должен. Хасий не пошел. Хасий с пчелами. Где ему с людьми справиться. Зелимхан пошел. Алимхан — двоюродный брат Солтамурада. Алимхан пошел. Израил — друг Солтамурада. Израил пошел. Ушурма тоже брат. Ушурма тоже пошел.

Пошли. В руках ружья. Злоба в сердцах.

— Уо! Селям алейкум, Сугайд! Хорошо, что ты встретился нам. Пойдем с нами. Покажи, где твой брат нашу девушку спрятал.

Ружья... Пятеро... Пошел с ними Сугайд. В Эшел-Хотое — Хушулла. Тоже дочь ищет:

-Лучше бы я ее Солтамураду оставил.

-Уо! Селям алейкум, Гушмазуко!

-Уо! Алейкум селям, Хушулла! Как же ты Шугаиппу девушку отдал? Или

Солтамурад хуже Шугаиппа?

Или наш дом плохой? Или свои харачоевцы хуже Элсановых? О Хушулла, Хушулла!

-Иди домой, Гушмазуко. Спокойно иди домой. Я, сам свою дочку возьму. Сам Солтамураду отдам. Иди домой, Гушмазуко. Зелимхан пусть тоже домой идет. Алимхан пусть тоже домой идет. Израил пусть тоже идет. Ушурма пусть тоже идет. Я сам свою дочку возьму. Сам ее Солтамураду отдам. Клянусь кораном, отдам.

Возвращались. Сугайд с ними. С утра еще надо ему в Харачой, а скоро вечер. Задержался из-за этих Гушмазукаевых.

Гушмазуко, Зелимхан и Израил втроем впереди шли.' Алимхан, Ушурма и Сугайд втроем позади шли. Отставали: нельзя при старике Гушмазуко курить. Отстали вовсе. Остановились у родника.

— И как это вы позволили себе взять девушку, просватанную моим братом? — не унимаясь, вспоминал Ушурма.

— Да так: взяли и взяли.

— И как это можно позволить себе... Не чеченцы вы, что ли? Обычаев не знаете, что ли?... Гушмазукаевых за мужчин не считаете, что ли?.. Думаете, что они примут позор, что ли?.. Что бы ты сделал, если бы я с тебя штаны снял?

— Я не баба, чтобы позволить с себя штаны снять.

— Я всей Чечне докажу, что вы бабы.

Схватились. Алимхан сзади, протянув руки под мышки Сугаида. Ушурма спереди. Наклонился, чтобы развязать учкур и стянуть штаны, чтобы на завтра показать их в селе: вот-де какие Элсановы мужчины... Штаны-то Сугаидовы. На всю Чечню слава пошла бы. Ни одна девушка после этого не вышла бы за Сугаида замуж.

Сугайд — чечен. Сугайд — хоевец. Чеченская честь! Хоевская честь! Кинжалом наклонившегося Ушурмы он заколол Ушурму. И спрыгнул на дно балки.

Алимхан выстрелил вслед Сугаиду. Алимхан не попал. Вернул только выстрелом ушедших вперед.

—Из-за нас убит. Мы отомстить должны. И заторопились в Харачой. К Элсановым.

В воротах бросались на непрошенных гостей черномордые, зубастые псы. Дулами винтовок отгоняли их Гушмазукаевы и Израил, крича в саблю:

— Выходи, храбрый мужчина! Мы тебе докажем, что ты не таков, как ты думаешь.

Не Сугайд вышел. Элсан вышел. Сугайд в Дышни-Ведено бежал. Не Сугайд вышел, но разве заметишь ночью: выстрелили. Упал Элсан. И Гушмазукаевы ушли домой. Убили.

Это — не простое дело, у горцев даже. Это — высечь из гранита кровавый ключ, который будет клочкотать для многих поколений.

Но сейчас счеты уравнивались. Элсановский Сугайд убил Ушурму. Гушмазукаевского Ушурму. Гушмазукаевы убили Элсана. Опомятая дома, Гушмазукаевы рассчитывали па мирный исход, ведь уравнились чаши крови, и канлы¹ должны были кончиться. Почетные старики будут ходить от Гушмазукаевых к Элсановым и обратно. Будут торговаться о маслаате², поедая баранину с лепешками. И, в конце концов, помирятся. На пиру, куда соберется вся мужская половина аула и где фамилии, пролившие кровь, прольют друг перед другом слезы сожаления и раскаяния.

Но начальство, начальство как?

Утром, не дожидаясь приезда начальника участка, Гушмазукаевы ушли из селения. Они знали, что старшина вызвал их, старшина, который благоволил к Элсановым, который отнимал Зезык у Гушмазукаевых.

Раненый Элсанов еще только умирал. Умирая, он не называл убийц. Он чеченец, старый чеченец - Он понимал, что с его смертью легче всего кончатся и канлы. Но не отходил от умирающего Чернов, не отходил и старшина. Вдвоем, добываясь

подтверждения, называли они имена Гушмазукаевых.

Не добившись ответа, уехал Чернов в свою веденскую ставку, наказав старшине «представить» в крепость Гушмазуко, Зелимхана, Израила и Алимхана. Но Зелимхан не захотел быть арестованным. Не захотел тюрьмы:

—Мы сами помирился с Элсановыми. Какое дело Чернову? Чернов — пристав. Чернов арестует нас, чтобы сослать в Сибирь. А наша вражда останется враждой. И ежедневно приезжали в Харачой нарочные. Представить... Разнесу... Экзекуция... Почетные харачоевцы приходили к Гушмазукаевым. Уговаривали:

—В прошлом году было. В Центорое. Баракаевы убили Гудиева, Гудиевы Баракаевых. Никому не досталось от русских. Езжайте. Вам тоже ничего не будет.

Экзекуция... Разнесу... Разгромлю... И Гушмазукаевы собрались. Вчетвером приехали в Ведено.

¹ Канлы (тюрк.) — кровная месть.

² Маслаат (араб.) — примирение, заключение перемирия между враждующими сторонами.

У ворот соскочили с арбы, побросали в нее оружие, наказали возчику доставить все домой. И прошли крепостными улицами к начальнику участка.

— А-а, пришли, молодчики. Я вам покажу... Я вам покажу... В холодную их!

Зелимхан входил последним. Зелимхана ударил Чернов. Ему ли бояться чеченцев. Безоружных чеченцев. И в темной холодной за решеткой заметался Зелимхан.

— Говорил я, что не надо идти. Дождались, чего хотели.

Старому Бехо — сто один год. Старый Бехо под Шамилевскими мюридами не просил пощады. Старый Бехо первый человек в Харачое. Он Кази-муллу помнит. Он Шамиля помнит. Он один харачоевских дедов и прадедов помнит.

Чернов что, Чернов — маленький падишах. Бывает, что в Харачой наезжает большой — полковник Добровольский — падишах. Чернов молодой, а Добровольский поймет, что старому Бехо трудно без сына и без внука. Что Гамзе без Израила и Алимхана трудно. Добровольский большой падишах: он поймет, что канлы кончились, когда Гушмазуко убил Элсана.

Старому Бехо — сто один год. Век, и какой век! Подошел к Добровольскому на сходе:

— Падишах! Отпусти моего сына и внука. Не виноваты они уже.

— Что ему надо? Отец? Чей отец? За Гушмазуко просит? Дурак. Старый дурак. На что у тебя эта борода, козел? — потянул за бороду Добровольский старого Бехо.

Сто один год старому Бехо. Ни ударить, ни убить падишаха он не сможет. Сто один год старому Бехо — кто еще мог оскорбить его так, как этот русский падишах.

Месяц прошел. Два, три, шесть. Пришло известие в Харачой: на неделе Гушмазукаевых в город отправят. Недолго жить тебе, Бехо. Выезжай с сыном проститься. Ушлют его и внуков ушлют. В далекую Сибирь ушлют.

Женщины с узелками, в которых прощальные гостинцы, собрались в Ведено. Бехо с ними собрался. Вышел старый Бехо из дому. Споткнулся, на арбу взбираясь. Упал. Ушибся. Внесли его в комнату. А сами уехали прощаться с арестантами в Ведено. Умер Бехо.

ТЮРЬМА

Грозненская тюрьма—паршивенькая. Невзрачная, на широкой площади. Ермолов, рассказывают, крепость Грозную с тюрьмы начинал. Так и было. На Сунже — на левом берегу — тюрьму и крепость строили, а на правом— чеченские приволья, солнцем

опаленные, стыли. До сих пор еще в Грозном-городе вокруг тюрьмы крепостные валы и бойницы разглядеть можно.

В Грозненскую тюрьму привезли арестантов, как полагается, приложивши их к соответствующему исходящему номеру канцелярии начальника первого участка Веденского округа.

«Открытый лист.

На арестанта, препровождаемого из _____ в распоряжение судебного следователя 27 января 1901 года.

Арестант: Зелимхан Гушмазукаев-Чеченец.

Рост — средний.

Лет —28.

Волосы на голове — черные.

Брови — черные.

Нос - умеренный

Рот - умеренный

Лицо — чистое.

Глаза — карие.

Подбородок — стрижен.

Особых примет — нет».

Еще в Ведено были допросы и переспросы.. В Грозном тоже. И потом вручили обвинительный акт. В камере № 1, «мусульманской», рассчитанной на 60 человек и вмещавшей 160, акт переходил из рук в руки. Сто шестьдесят пар глаз смотрели в его синие, выбитые машинкой строки, перелистывали, мусоля мягкие от тюрьмы и безделья пальцы. Глядели, перелистывали и не понимали.

На прогулке встретились Гушмазукаевы с политическими.

По-русски не знаем. Объясните, пожалуйста. Объяснили политические. Объяснили так, что у Зелимхана на всю жизнь осталось. Пока царь будет, пока царская власть над Чечней будет,— всем бедным, казакам ли, горцам ли, русским ли — всем плохо будет. Надо с царским начальством воевать. Тогда хорошо будет.

Подошло 24 мая. День суда, который должен внедрить в сознание горцев начала гражданственности. Четверо их перед судом. Обвиняемые. А свидетели: Сугайд и Чернов.

Обвиняемые виновными себя не признали. Суд вызвал Сугайда. Сугайд поклялся на коране «волла-ги, билла-ги, талла-ги»¹ и показал, что Ушурма заколол себя сам, что

---

¹ Волла-ги, билла-ги, талла-ги (араб.)- мусульманская формула клятвы именем аллаха.

Гушмазукаевы так себе, от нечего делать, убили Элсана. Вызвали Чернова. Чернов клялся над святым евангелием и тоже показал, что, умирая, Элсан назвал убийцами этих четырех. Сказал обвинительную речь прокурор. Дело было маленькое. Речь была маленькая. Ровно такая, какая полагалась за установленное жалованье и для внедрения в умы горцев начал. Речь прокурора Гушмазукаевым не переводили. Сказал защитную речь защитник. Тоже ровно на двести рублей. Ведь не выходило дело из рамок обычных в горском быту. Мало ли таких проходило перед всеми участниками этой процедуры.

Возвратившись из совещательной комнаты, суд объявил, что, принимая во внимание... и на основании статей, Гушмазуко Бехоева, Зелимхана Гушмазукаева и Израила Гамзаева считать по суду оправданными. Алимхана Гамзаева, как находившегося на месте убийства Ушурмы, к трем годам исправительных арестантских отделений.

Уже арестованные выходили из-под стражи, уже Алимхан один должен был нести

наказание за преступление всей фамилии. Но встал Чернов:

— Господа судьи! Если будет на свободе Зелимхан, если будут на свободе эти двое еще, я не гарантирую спокойствия в Веденском ауле.

Суд внимательно выслушал Чернова. Выслушал и не вышел даже в соседнюю комнату, вход в которую охранялся судебным приставом. Суд передумал здесь же, в присутствии обвиняемых, свидетелей, защитника и двух-трех случайных посетителей. Можно ли, в самом деле, допустить, чтобы в Веденском округе не было спокойствия? Можно ли, чтобы какой-нибудь Зелимхан?.. Можно ли, чтобы горцы?..

Суд постановил: принимая во внимание... и на основании статей, Гушмазуко Бехоева, Зелимхана Гушмазукаева и Израила Гамзаева на три с половиной года в исправительные арестантские отделения каждого. Алимхана Гамзаева к тем же трем годам.

Напрасно кукарекал защитник. Его хватило еще на то, чтобы написать жалобу в Тифлисскую судебную палату.

— Хорошо, Чернов,— сказал Зелимхан,— хорошо. Сегодня ты добился своего. Придет день, я припомню тебе сегодняшний.

Вернули Гушмазукаевых в тюрьму ждать отправки. Из дому приезжали. Рассказывали новости. Бехо похоронили, и хозяйство ослабло. Из-за поминок, из-за двухсот рублей, которые пришлось уплатить адвокату, из-за того, что четыре работника в тюрьме. Ослабло хозяйство. Фамилия тоже. Дома: старший Гамза, смирный Хассий, Солтамурад. Остальные — дети. Что они могут? Ослабло хозяйство, и Зезык, отобранную у Шугаиппа, за калым отдал сыну махкетинского старшины.

Новый позор. Обида новая. В Харачое думают, что ослабли Гушмазукаевы вовсе и навсегда.

— Нет. Зезык или наша будет или не мужчины мы. Из тюрьмы уйдем, из Сибири вернемся, но возьмем Зезык.

Приказал начальник собираться. Молодых Гушмазукаевых отвезли в Ростов, в Харьков, еще куда-то. Довезли до Оренбурга. Из Оренбурга в Илецкую Защиту. В арестантских ротах соль копать. А Гушмазуко во Владикавказ отправили — старик.

Дома — леса и горы. В защите — степь и соль. Дома — ружье на плече и баранта на высотах, а в защите — матюгающиеся надзиратели.

— За что?.. Подожди, Чернов!

И, наконец, пришло в Защиту отношение. Новое дело на Гушмазукаевых, и горский словесный суд потребовал их в Ведено, чтобы судить по адату и шариату. Приехали в Грозный, и умер Израил в тюрьме. Сообщили родным в Харачой, и они выпросили тело, чтобы похоронить хотя бы в родной земле. Лучше бы не выпрашивали: узнал Чернов, что в Грозном Гушмазукаевы. Понял, почему. Потребовал от начальства, чтобы их опять в Защиту отправили. Еще бы не потребовать: вся мусульманская камера знала, что убежит Зелимхан. Вся камера знала. Вся помогала ему. Пением. В определенные часы запевал песню Ахмет Автуринский, остальные вторили, а Зелимхан под нарой выдалбливал отверстие в стене.

Лежа ночью рядом с Гушмазуко, с Алимхаимом, уславливался Зелимхан:

— Вам лучше пока в тюрьме остаться. Если не хотите, побежим. Но тогда уговор — на воле во всем меня слушаться. Хоть и отец ты мне.

— Не годится мне, старику, абреком быть. Беги один. Самое главное — Зезык возьми. Чтобы не на позор возвращался я домой. Чернова тоже убить надо. Тишаболх¹ Чернов!

В стене грозненской тюрьмы долго был виден след Зелимхановского пролома. Бежал он вечером, во время проверки. В проверку вся тюремная администрация сопровождает начальника. Прокричали первую камеру. Ушли кричать в другую. И Зелимхан, забравшись под нару, вытолкнул последние камни. Следом за ним выползли во двор Мусса Саратиев, Бейсултан Шамаюртовский и Дики Шалинский. Между стеной и корпусом — уборная; деревянная будочка с дверью. Дверь сорвали, приладили к стене. И

кинулись на растерявшегося наружного часового. Один, другой. Все! Деревянная будочка осталась стоять без двери: старое начальство после побега Зелимхана признало наличие двери нецелесообразным.

АБРЕК ЗЕЛИМХАН

Бегством четверых было положено начало абреческой шайке Зелимхана. Шайка мыслится как вооруженная организация группы лиц. Зелимхановская шайка только год подходила под такое определение. Бежавшие четверо, вынужденные скрываться от глаз начальства, должны были держаться

---

¹ Тишаболх (ингуш.) — подвох, предательство

друг около друга, чтобы объединенными усилиями утверждать свое право на жизнь. Не легко давалось это утверждение. В нем выдерживал тот, у кого были крепче нервы.

Дики Шалинский не выдержал первый. Побегом из Грозненской тюрьмы он спасал себя от долгосрочной каторги. Абреческая жизнь, вечная абреческая настороженность утомили его. Он приехал в Шали. Отдохнуть приехал. И, преданный, попал в ту же ветхую грозненскую тюрьму. Из тюрьмы в каторгу. На этот раз — двадцатилетнюю.

Мусса Саратиев и Бейсултан Шамаюртовский тоже отошли скоро, оказавшись слишком легкомысленными и доверчивыми. Они были убиты кровниками.

Упорный Зелимхан остался один. Он бежал из тюрьмы с твердым решением уничтожить начальство. До тюрьмы и в тюрьме он понял, что это борьба нелегка. Клявшийся над кораном Сугайд убедил его в свое время, что даже из среды народа, угнетаемого и оскорбляемого на каждом шагу, могут вырастать предатели. Поэтому он был осторожен даже в отношениях с чеченцами.

В тюрьму Зелимхан пришел грубым и непосредственным горцем, продолжающим наивно думать, что горская правда, горская справедливость должны руководить действиями начальства в его соприкосновениях с горцами. Из тюрьмы вышел совсем другим. Тюрьма научила его общественности, основанной на личных достоинствах члена данной среды. В тюрьме же он прошел школу политическую. Около Грозного, изо дня в день сказочно вырастал лес нефтяных вышек. И грозненская тюрьма в равной с чеченцами мере наполнялась политическими, проводившими революционную работу на юге в начале 1900-х годов. Архитектура тюрьмы не давала возможности администрации строго изолировать одну часть населения от другой. Политических «пленял народ суровых племен, возросших для войны». И в тюрьме все свое внимание они дарили горцам, пытаясь проникнуть хотя бы здесь в тайники их быта и психологии. Проникая, они открывали горцам глаза на причины. На следствия не надо было. Следствием, большим следствием, была сама тюрьма.

И после тюрьмы начальство было предметом исключительной ненависти Зелимхана. Безмерной ненависти. И все связанное с ним. Все его действия, все начинания, в общем и целом сводившиеся к обезличению Чечни. Старое вхождение в число последователей Кунта-хаджи, в бедняцкий зикризм. последующие встречи тюремные утвердили Зелимхана в одинаковости доли всех трудящихся, всех бедных независимо от

племенного происхождения. Но чрезвычайно примитивно утвердили: Зелимхан так и не вырос до ненависти к нарождавшейся чеченской торговой буржуазии.

Зелимхан не вырос до понимания мирового хозяйства и полицейско-административной системы управления. Личные фамильные поводы, определившие его абреческую судьбу, возникшая от них ненависть к начальству, как к началу анархическому во внутриварачоевских отношениях, и ко всем прислужникам начальства, выросшим из харачоевской среды,— были общи всему чеченскому населению. Чеченской бедноте в первую голову.

Из этой общности выросло впоследствии общественно-политическое значение Зелимхана, его многолетняя неуязвимость. Дошло до того, что беднота верила в чудодейственные свойства Зелимхана. Считали его хранителем талисмана, охраняющего от пуль. Беднота не подозревала вовсе, что сила Зелимхана была ее силой. Силой бедноты, непоколебимой, несмотря на сплошные экзекуции, штрафы, поборы, высылки.

С чего начал Зелимхан свое абречество, абречество героическое? Прежде всего, он восстановил авторитет фамилии.

Он отнял Зезык у сына махкетинского старшины, чтобы вернуть ее все еще оставшемуся законным претенденту Солтамураду. Отнял просто, по-чеченски отнял. Чтобы получить Зезык, Зелимхан, встретив старшину в ущелье, ссадил его с коня, отобрал оружие и отпустил.

— Нашу девушку вы сумели взять. Попробуйте теперь взять своего коня.

Старшина пришел домой опозоренный больше, чем Гушмазукаевы, потерявшие когда-то девушку. Что значит потеря девушки в сравнении с потерей коня и оружия? И кем? Старшиной! По обычаю Махкети должны объявить едва ли не войну Харачою, махкетинцы — Гушмазукаевым. Но тогда — потеря «места» старшины, и вместе с позором ограбления, потеря общественного авторитета, потеря сладостной близости к начальству и привычных прерогатив старшинской власти.

И из-за кого? Из-за Зезык. Той самой Зезык, которая не подпускает к себе мужа, которая издевается над ним, называет его вором... Да ну ее! Стоит ли такая жена хорошего коня и винтовки.

Махкетинцы вернули Зезык Солтамураду - Махкетинцам — коня и винтовку Зелимхан. Чаши весов уравнились. Правда, чеченская родовая правда восторжествовала. Оставалось восстановить правду человеческую. Ее торжеству мешало начальство. Чернов был постоянным и живым укором ей.

Но Чернов нашелся. Чернов водился с ворами и разбойниками. С такими, которые выделяли ему часть добычи. Одного такого он подослал к Зелимхану, чтобы передать свое раскаяние и сожаление по поводу случившегося:

— Уо, селям алейкум, Зелимхан, хороший Зелимхан, харачоевский Зелимхан!

Старое, пастушеское в Зелимхане поверило приставу Чернову, Зелимхан размяк и решил не мстить ему, не убивать. Будет теперь хорошим Чернов, перестанет, как обещал, преследовать Зелимхана.

Чему верил Зелимхан, не верил 'сам Чернов. Рапортами он выхлопотал себе перевод в другой округ — Назрановский. И, прощаясь с Веденским, арестовал на три месяца жену Зелимхана — «за укрывательство и сношения с порочным элементом».

Опять оказался обманутым Зелимхан. В последний раз обманутым. Волком бродил он вокруг крепости, не решаясь показаться в ее стенах, в которых за решеткой сидела не только Бици, но и годовалая Мэдди.

Волком бродил, по-волчьи жил Зелимхан. Но мстить некому — уехал Чернов. И через горы ушел Зелимхан в Шатоевское ущелье. Там тоже укрепления, тоже казаки и русские. Больше, чем в Ведено, даже. И горы там выше. Голые, скалистые, обрывистые. Остановишь тройку, и ей деваться некуда: вниз обрыв, вверх каменная стена. Или сдаются пусть, или умирают.

Над дорогой на скалах посадил Зелимхан товарища. Сам навстречу вышел. Не был бы Зелимханом Зелимхан, если бы тоже на скалах, укрывшись, сидел:

— Стой, пошта!

Не остановился почтарь. Казаки, которые верхами, и милиционер, который на козлах, залп дали.

— Такое дело?!

Подкосились подбитые лошади. Скользнули с седла, продырявленные пулями казаки. Унес Зелимхан почту, деньги, которые в ней были, казенные пакеты.

Кто виноват? Кто прав? Зелимхан думал, что если уж заставляют его волчьей жизнью жить, то и нрав у него должен быть волчий. Начальство думало, что должен быть смиренным Зелимхан, таким должен быть, каким начальство хочет. Пусть даже абреком будет, если такая судьба его. Но начальство все-таки уважает. Вот Осман Мутуев. Абрек, а какой друг-приятель с Высоцким-приставом был.

Но волчьим сыном и волком был Зелимхан.

Осман Мутуев что? Османа Высоцкий три раза по дружбе в тюрьму сажал. Три раза Осман бежал из тюрьмы. Легко ли? Да и зачем? Зачем начальству долю давать? Бить надо начальство.

Зелимхан абрек. Плохо, что Зелимхан абрек. Почему они и Солтамураду жить не дают? Почему Бици с маленькой девочкой в тюрьме гноят? За что? Напрасно они думают так Зелимхана взять. Напрасно думают. Зелимхан их скорей возьмет.

И еще раз по дороге в Шатой ограбил почту Зелимхан. Зелимхан — почту, а Добровольский-полковник Солтамурада душит:

—Из-за тебя Зелимхан бунтует. Усмири его.

Где Солтамураду Зелимхана усмирить. Когда в Чечне так было, чтобы старший брат покорен был младшему, чтобы брат брата начальству выдавал? Добровольский это не хуже Солтамурада, не хуже любого чеченца знает. И, нажимая на Солтамурада, Добровольский приближал к себе Элсановых, Гушмазукаевских кровников. Адоду Элсанова. Харачоевским старшиной обещал его сделать, если он Зелимхана поймает. Верный человек для Добровольского Адода был... Русский интеллигент любил природу. Кавказ любил. Проезжать любил интеллигент мимо горских, домиков, придавленных плоскими кровлями. Летом в Грозном пыльно и душно. Летом из Грозного тянет на сочную траву горных пастбищ, в прохладе ичкерийских лесов, хоевских скал. На форельное озеро Эзенам, которое на царской дороге, в котором, как живые, повторены вздыбившиеся над ними горы.

Поехали. Байзыренко поехал с женой, Крошкевич и Хренов. Упросили Муссу Курумова поехать с ними. Чеченский интеллигент Мусса. С ним безопаснее. В Ведено Добровольский посоветовал прихватить в Харачое проводником Адоду. Верный человек.

Прихватили. Побыли на Эзенам. Как полагается, побыли. С костром, бутылками, форелью. И, когда возвращались, получил Адода две пули в грудь и живот.

— Вот тебе, змея, предатель!

В Муссу одна шальная тоже попала. Ранила. Чтобы утвердить в будущем дружбу его с Зелимханом.

Адода убит. Вышли абреки. Цвет абреков чеченских вышел: харачоевский Зелимхан, гелдыгенский Зелимхан, азаматюртовский Осман и дагестанский Лечи-Магома.

— Денег!

Нет денег. Обыскали. Верно, что нету. Тогда, значит, Байзыренко и Хренова в плен — за них выкупа больше дадут, а Крошкевич пусть едет. Пусть провожает Байзыренковскую жену и раненого Курумова.

После Эзенама вовсе от Добровольского житья не стало Солтамураду. Встретились они в ущелье:

— Кто тебе, сукиному сыну, разрешил ружье носить?

— Кровники у меня, полковник. И какое это ружье — кремневое ружье.

— Кровники! Так вам и надо. Наделали делов, трусите теперь. Зелимхан, как стерва, какая (полковник назвал Зелимхана хуже), скрывается. На глаза показаться боится... Все равно, попадется он мне. Повешу мерзавца... Отдай ружье!

— Не могу, полковник. Кремневка у меня. Ее до сих пор всем разрешали носить.

— Отдай, сукин сын!.. — привстал полковник, нацеливаясь винтовкой в Солтамурада.

Солтамурад стегнул коня. Напрасно стрелял ему вслед пьяный полковник. Не попал. А в Грозном потребовал, чтобы экзекуцию в Харачой поставили, не проймешь иначе это разбойное гнездо.

Пришел отряд на экзекуцию в Харачой, а Солтамурад ушел. В Анди. В Дагестан. Не к Зелимхану, чтобы окончательно не опорочить себя перед властью. Надеялся все еще, что удастся ему добиться правды и вернуться домой. Ведь он и Хассий работники дома теперь, одному Хассию не управиться.

Ночью пробрался в Харачой Зелимхан. Разбудил Хассия, сестер.

— Что же будет, если Солтамурад тоже абреком станет? Пойдите вы к Добровольскому, упросите, чтобы перестал Солтамурада трогать.

Пришли к полковнику сестры. Рассказали через переводчика, зачем. Просят. Одна даже платок с головы сняла: то же, что для русской на колени встать.

Но выругался лишь полковник в ответ:

— Суки, стервы!

Тогда сам Зелимхан к полковнику пришел. Ночью. Перескочив в крепостную стену.

— Полковник, зачем Солтамураду жить не даешь? Мало тебе, что я абреком стал, мало, что моя жена в твоей тюрьме сидела? Перестань, полковник. Брат не со мною теперь. В Дагестане он. Верит еще, что смилостивись ты, что сумеет вернуться домой. Не трогай его, полковник. Пусть дома живет.

— Дежурный!

— Дежурный придет, когда меня здесь не будет. Чернов бежал от моей руки — полковник не убежит.

И скрылся в ночи Зелимхан.

А наутро полковничий писарь строчил:

«Во вверенном вам округе... оказавший вооруженное сопротивление начальнику округа... Солтамурад Гушмазукаев... приметы... арестовать... направить в распоряжение».

Бумага пошла в Грозный. Из Грозного в Темир-Хан-Шуру. Оттуда в Анди: «Для исполнения». Исполнил начальник. Арестовал. Направил в Петровскую тюрьму. Что на гребне горы, на знойном солнцепеке, откуда простор моря и простор гор видны.

Бежал Солтамурад. К брату. Абреком быть. Волком лесным.

К этому времени Гушмазуко из тюрьмы вернулся. В дом, опустевший, тревожный. Один Хассий в нем. Тихий, как ягненок, кроткий. Даже, кровники его, такого не трогали.

Плохие дома дела. Хозяйство разорилось. Дом валится. И Добровольский каждый день или через старшину, или сам требует.

— Утихомирь сына. Иначе я, мать твою в кровь, в тюрьме тебя сгною, в Сибирь в кандалах вышлю.

Подумал Гушмазуко. В лес даже ушел думать. В лесу прыгал через рвы, через камни. На деревья карабкался и:

— Если Зелимхан волк, я двадцать раз волк, — сказал.

И, чтобы не вековать в тюрьме и в Сибири, стал Гушмазуко абреком.

— Хорошо, полковник. Я абрек, это плохо. Зачем Солтамурада абреком сделал? Зачем Гушмазуко абреком сделал? Хорошо, полковник. Ты не попадайся мне — я сам к тебе выйду.

Вышел Зелимхан к полковнику. На Веденскую дорогу вышел. И убил. Полковника убил, писаря Нечитаева и грозненского реалиста Саракаева.

Плохо. Потому что новых кровников приобрел Зелимхан — эгишбатоевцев. Эгишбатоевец был Саракаев. Эгишбатоевцы предали Зелимхана.

ХАРАЧОЕВСКИЙ ЗЕЛИМХАН

И все-таки, если было до сих пор абречество Зелимхана индивидуальным, если было оно до сих пор обычным, таким, к какому привыкла чеченская придушенная беднота, то с этого дня, со дня убийства полковника, Зелимхан вырос в глазах бедноты в героя. В Зелимхана харачоевского.

Пусть опять арестовали его жену, пусть экзекуционными отрядами наполняли селения Веденского ущелья, пусть ягненок Хассий, кроткий Хассий тоже оказался в тюрьме — Зелимхан убил полковника- Того самого, о котором сказал молившийся на дороге чеченец, когда ему предложили сойти с нее, так как должен-де, проехать здесь какой-то всекавказский начальник:

— Пусть сам Добровольский едет, я все равно не сойду.

До сих пор убивали абреки полицейских урядников и служилых казаков много. Но пустяки же служилого убить. Ну, убили! Ну, начальство будет искать убийцу. Выжмет штраф из сельского общества, оказавшегося владельцем территории, на которой убийство произошло. А полковника?.. Кто решался в полковника стрелять?!

Зелимхан. Харачоевский Зелимхан. Полковник думал, что он все может и ничего ему не будет за это: за то, что обругал сестер зелимхановских, за аресты Зелимхановой жены, за преследование Гушмазуко, Солтамурада и Хассия, которого даже кровники не трогали. За присылки в Харачой солдат, солдат, лапавших харачоевских девушек, осквернявших чистоту мусульманских жилищ. Думал полковник, что ничего ему не будет за это все и что ругать он может и Зелимхана и всех последними словами.

О! Молодец Зелимхан, харачоевский Зелимхан!

Зелимхан уже потерял друзей. Османа азаматюртовского убили кровники, Зелимхана гелдыгенского убили русские. С женой убили. Тоже абречила она. Теперь Зелимхан абречил со своей семьей — с отцом и братом. Это было лучше. Никому и никогда не верил Зелимхан после смерти товарищей. Когда еще были с ним они. не всегда спал Зелимхан так, как нужно было ему — волку. С отцом и братом спокойнее было Зелимхану, нежели во все другие времена и дни. Родной брат, кровный, охранял его сон. Был с ними еще ингуш — Юсуп. (Хороший абрек отовсюду должен друзей иметь). Полный Юсуп. Веселый Юсуп. Не любил его Гушмазуко, говорил Зелимхану часто:

— Когда-нибудь этот волк предаст тебя.

Гушмазуко отец. Гушмазуко, как отца, как старшего, слушаться надо. Но разве же можно такого волка слушаться... Зелимхан волк, Гушмазуко двадцать раз волк. Гушмазуко всех Элсановых убить хочет. И женщин даже. Свою Бельгас убил бы, не будь она матерью Бийсултана. Элсановская ведь она!

— Уо! Какой Гушмазуко волк!

На перевале встретился грузин. Гнал ослика, вьюченного какими-то горными травами. А поверх мешочек с хлебом, с сыром. Остановил Гушмазуко:

— Деньги!

Но откуда у грузина деньги? Трава одна.

— Деньги!

Грузинское счастье, что Зелимхан подошел: убил бы его Гушмазуко. Грузинское, но не Зелимханово:

— Какое такое право сын имеет в отцовские дела вмешиваться? Какое такое время настало, когда щенята волков учат? С Элсановыми тоже: всех Элсановых убить надо,— Гушмазуко говорит,— от них житья не будет. Они первые шпионы будут у начальства. Элсана убили. Адоду убили. Со всеми надо кончать. Все равно.

Зелимхан говорит, что хорошо, убьем, говорит. И не убивает:

- Они убили. Мы убили. Довольно. Мы еще Адоду убили. Пока довольно.

Байзыренко и Хренова отпустили, получив две тысячи рублей. Выкупа. Этот случай был первым случаем пленения. Зелимхан ввел пленение «в моду». От него перекинулись пленения в Дагестан. В Азербайджан. Были они хлопотливее, правда. Но результаты оказывались прибыльные. Убить всегда можно. Но не всегда от убийства деньги. Лучше убивать, когда никакой надежды на деньги.

Убийством Добровольного и Адоды, пленением Байзыренко и Хренова Зелимхан уничтожал всякие возможности возвращения к мирной жизни, к которой привык. За 28 лет мирного житья. С ее пахотой, стадами, кислым запахом овец. Снова озлобив Элсановых, Гушмазукаевы уже не могли приходить на более или менее спокойные ночевки в Харачой. Абреку кунаков надо иметь. Таких, у которых ночлег и приют. Не к старшинам ходил Зелимхан, не к лавочникам. К беднякам. Входил в их дом с миром, с заботой. Был абреком Зелимхан, но оставался чеченом — землеробом и пастухом. Как все, кто не продался врагу, кто не был мертворожденным для угнетенной Чечни.

О чем говорил с кунаками Зелимхан? О хозяйстве и хозяйствовании. Он молчал о своих подвигах, о меткости своего глаза? Наоборот, всегда выдвигал на первый план кого-либо из товарищей: он-де храбрее меня, метче меня. Беседуя с землеробом, Зелимхан оживал, погружаясь в вопросы посева, урожая. Спрашивал о рабочем скоте. Как он? Что он? Жеребая ли кобыла? Начали ли котиться овцы? Много ли кукурузы в хозяйской сапетке? Налоги как? Сколько штрафов уплатило общество за месяц, за два? С тех пор, как был он здесь в последний раз? За что уплатило? За следы? Ваши украли?

— Нет, соседские.— Уо, начальство, проклятое начальство!..

Наступал канонический час. Приносил хозяин кумган с тазом. Омывался Зелимхан, омывались сподвижники. Хозяин.

— Бисмилла. Аррахман. Аррахим¹.

---

¹ Бисмилла, аррахман, аррахим (араб.) — во имя бога милостивого, милосердного.

Установленная молитва кончалась. Правоверным только после этой догматической молитвы разрешается обращаться к богу с просьбами личными, импровизированными для случая. После молитвы разрешается правоверным делать «дуа».

— Аллах,— просил,— если я задумаю что-нибудь несправедливое, то отврати мои мысли и удержи мою руку. Если я задумаю дело правильное, то укрепи мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердою. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моею дорогою.

Наутро или в ночи уходил он. И хозяин, возвращаясь к своим, рассказывал, каким гостем был Зелимхан, что говорил, о чем спрашивал Зелимхан. Много ли надо бедняку-чеченцу, чтобы очаровать его, чтобы дать почувствовать в себе своего, бедняцкого.

В Харачое тревожно. Опасно. Там кровники и жена там. С нею дети: Мэдди, которую, лаская, называл Зелимхан — «Бадик», грудная Энист. И приходил в Харачой Зелимхан. Не мог не приходить.

Однажды утром пробирались из Харачоя Гушмазукаевы. Зелимхан шел, отец шел и

Солтамурад. Зелимхан впереди по тропинке, на дне ущелья. А Элсановские женщины на склоне над своим посевом работали. Увидели Зелимхана женщины.

— Зелимхан, проклятый Зелимхан! За что ты Элсана убил? За что ты Адоду убил?

— Сами знаете, за что убил.

— Уо, Зелимхан! Проклятый Зелимхан! — скатили на Зелимхана камень женщины. Увернулся Зелимхан.

— Эй, женщины! Элсановские вы, но не буду я стрелять в вас, потому что вы — женщины все же. Но сзади Гушмазуко идет. Воллай лазун, биллай лазун, перестаньте! Знаете же отца моего.

Но скатывали на Зелимхана камни женщины. Гушмазуко подоспел. Увидел.

— Уо, санти, нана! — выстрелил и убил одну.

И тогда спустились с высоты мужчины Элсановские. Трое их было тоже. Наконец-то постреляли друг в друга Гушмазукаевы и Элсановы. Но опять Гушмазукаевы невредимыми ушли, а Элсановы полегли. Ранеными: Хаджи в руку, Бийбулат в ногу, Гобуз в голову. Поправились раненые и отомстили Гушмазукаевым-Бехоевым: встретили у фонтана около харачоевской мечети, там, где зачиналась любовь Солтамурада, Гамзу, брата Гушмазуко, и убили. Напрасно Гамза умолял не трогать, говорил, что стар, что беззащитен, что скоро умрет сам. Убили.

И опять начальство не арестовало никого из Элсановых, опять признало за ними право безнаказанно убивать, как тогда Ушурму. И опять Гушмазукаевы уравнили чашу весов. Пришли днем к фонтану и улеглись около него. Как усталые косари - тавлинцы, прикрывшись от солнца и от мух ветками. И когда вышел мужчина элсановский, молодой Элсанов Элсан, — убили его.

Шум в Харачое. Тревога в Харачое-

— Убили, убили! Элсанова убили! Гушмазукаевы убили!

Элсановы у подножья горы живут, Гушмазукаевы ниже у ручья живут. Недалеко. Слышно:

— Убили, убили.

Бици дома. Маленькая Мэдди с нею, Энист, Зезык. девятилетний Бийсултан с матерью у своих, у Элсановых. В селе тревога, у Бици тревога. Пусть озлобленные Элсановы ее убьют — это ничего. За что маленькие погибать будут? Заперлась Бици. Завалила рухлядью ставни, двери. Ждет. А наутро:

— Трудно нам без мужей наших. Я с детьми пойду к своим Дударовым. Ты, Зезык, пойдешь к своим Хушуллаевым. Поживем пока так.

Продали коров. Восемь. Баранту продали. Триста. Что не продали — раздали родственникам и ушли из дома, в котором была своя семья, своя жизнь. Конец. Нет Гушмазукаевых в Харачое. Что они теперь в Харачое? Ничего они теперь в Харачое, раз у них ни баранты, ни коров, ни хозяйства. У Дударовых родила Бици Магомета. Улыбнулось счастье Зелимхану. Больно улыбнулось: хозяйство разорено, дом разорен. Ну, ничего: сын родился. Мужчина будущий. Работник. Горец. Боец.

И опять по ночам зачастил Зелимхан к Дударовым. К Бици. Зелимхан. обыкновенный человек, отец обыкновенный, ласковый, добрый. Усаживал маленькую Мэдди на колени, гладил ее, называл придуманным ласковым «Бадик», Эниста называл «Эни». Смотрел и не мог оторваться от Магомета, спеленатого в зыбкой деревянной люльке. Смотрел и мечтал. Вернуться домой, и зажить всем вместе. Нет, уйдем в Турцию.

— В Турцию?!

— В Турцию, Турцию. Не страшись. Не навсегда. Когда царя не будет, когда царского начальства не будет — вернемся.

— Да разве может быть так, чтобы царя не было? Чтобы начальства не было?

— Может. У нас в Чечне до русских так было. Этот царь — не наш царь. Русский. Русские пришли и заставили слушаться своего царя. А французы сами себе царя

выбирают.

— Что же делать? Поедем в Турцию.

Выходили старики Дударовы. Советовались с ними.

— В Турцию? Как же из-под родного одеяла уйдете?

— Что же делать!

— Бици, ты не поедешь, да? Оставайся лучше дома. Бици. Куда тебе уезжать, Бици. «Бывало волк холодной ночью воет. Мы думали — он с голоду воет. Нет, он от стаи оторвался». Помнишь эту песню, Бици. Не будешь ли на этого волка похожа, оторванная от родины и от родных могил.

— Я от вас, любя, за Зелимхана пошла. Любя пошла — судьбу с ним делить должна.

— Ой, беда, беда!

В предутренней мгле уходил Зелимхан в ущелье, в пастушеские коши или в отселки, десятком домов обозначившие место, где найдена новая земля, годная для посева.

Зелимхан убил Добровольского. Зелимхан приобрел авторитет. Не только у бедноты, чеченской.

С 1859 года государственная власть выделила несколько фамилий, чтобы через них осуществить в Чечне институт частной крупной собственности на землю. Выделила из числа служащих. Первое поколение служило ради закрепления за собой этого права. Поколение же следующее выросло в чеченскую промышленную буржуазию, интеллигенцию тоже. Конкуренция с капиталом великодержавным и казачьим и для него перерастала в форму буржуазно-национальной борьбы. Нация, угнетаемая сверху донизу, чувствовала себя единой в борьбе. Одна часть нации вела ее, используя флаг национальный для овладения нефтяной промышленностью края, другая же, глубинная, — за средства производства, которые не замысловаты, которые в земле, как таковой. Лишившись земли, отнятой великодержавным государством в пользу казачества, племя вело непрестанную активную борьбу за нее, как основу для своего культурного развития.

Когда Зелимхан вырос в героя, когда определилось политическое значение его абречества, все национальные группы признали его своим. И группа чеченской буржуазии даже связалась с ним. Внешне она оставалась лояльной. К власти, грозненскому обществу, сплошь нефтепромышленническому, сплошь инженерно-директорскому. Но ближайшие к Грозному хутора чеченских владельцев не раз бывали местом, в котором Зелимхан мог найти приют. Безопасный и не чреватый последствиями для хозяев: кто мог оштрафовать их, выслать, арестовать, не имея никаких определенных улик? Кто мог сделать с ними то же, что и с бедными чеченцами, которых подозревали хотя бы только в симпатии к Зелимхану? Как с богачами сделать то же?

Начало деятельности Зелимхана совпало с русско-японской войной, с 1905 годом. Освободительное движение всколыхнуло горцев. Даже казаков (был в Георгиевске случай, когда казаки отказались бить. Но было это в Георгиевске, далеко от Чечни). Всколыхнувшиеся горцы оформляли свои задачи освободительного движения на общенародных съездах, обсуждавших вопросы государственного и местного управления, земельный и другие, имеющие отношение к быту. Кое-где происходили вооруженные столкновения с казаками. (Яндырка, Наур).

В воскресенье, 10 октября пятого года, грозненские власти учинили на базаре чеченский погром. Начало обычное. Поссорилась с чеченем баба. Шум. Толпа. То ли он кого из толпы убил, то ли толпа его убила за чеченское происхождение. В результате вышел из казарм под командой полковника Попова Ширванский полк и расстрелял семнадцать чеченов.

— Мы все готовы были тогда в абреки уйти,— прибавил мне рассказчик, чеченский интеллигент.

Готовы были, но не пошли.

А в воскресенье 17 октября около станции Кадюрт остановил Зелимхан

пассажирский поезд. Он сделал то, что надо было сделать простому абреку: он ограбил пассажиров поезда. Он сделал еще и то, что надо было сделать абреку, который выросал в народного героя рядовой кровнической Чечни — он расстрелял семнадцать пассажиров поезда. Семнадцать. Ровно столько, сколько расстреляли одуроченные солдаты в Грозном.

— Передайте полковнику Попову, что жизни, взятые в Грозном, отомщены, — простился он с уцелевшими пассажирами поезда.

По-своему, как умел, отомстил Зелимхан за побитую Чечню, тот самый Зелимхан, который уже посмел убить чеченского насильника Добровольского. К нему паломничали родственники отмыченных, к нему стягивались протестанты со всей Чечни. Взыбься волны революции, и Зелимхан в силу объективных условий оказался бы народным вождем, не зная ни культурных форм революционного движения, ни законов развития революции.

Был бы российским Саттарханом¹ харачоевский Зелимхан.

Инструкция сподвижникам была одна. Грабить только состоятельных. И только не чеченцев. Один лишь случай был у Зелимхана, когда вздумал он ограбить чеченского кулака. Но убедил его кулак, что позорно грабить единоверцев. Будь Зелимхан более доверчив, развивайся революция, — и он объединил бы вокруг себя шамилевскую Чечню, ту, которая не могла замкнуться в пассивности. Но был Зелимхан строг в выборе, инстинктивно сознавая, что группа его сподвижников должна быть в некотором роде партией. Простого заявления о желании войти под зелимхановское начало было мало. Прозелит² должен был доказать, что он порвал с мирным прошлым, что он не вернется к нему, что не сможет вернуться, если бы даже захотел.

---

¹ Саттархан (род. в 70-х гг. 19 в. — ум. в 1914 г.) — выдающийся деятель демократического движения в Иранском Азербайджане, народный герой Ирана. В 1908—1909 гг. возглавил народное восстание против шахской власти и феодалов.

²Прозелит (греч.) — новый и горячий приверженец чего-либо.

Был случай, когда в числе протестантов, пожелавших абреческого подвижничества и сподвижничества, оказался милиционер из управления Грозненского округа, Сулейман.

Сулейман отыскал Зелимхана на лесной лужайке.

— Уо! Селям алейкум, Зелимхан! Я к тебе пришел. Я не хочу больше служить начальству. Ты знаешь, что я храбрый, что на войне я тоже храбрым был. Другим дали четыре Георгия, мне дали два Георгия. Разве справедливо это? Разве можно служить начальству, которое так обижает людей?

Много еще говорил Сулейман про начальство, про несправедливость его. Зелимхан слушал. Много и терпеливо. И сказал, выслушав:

— Ты думаешь, что я дурак, Сулейман? Ты думаешь, что так легко поверю тебе. Иди, убей начальника округа и тогда возвращайся ко мне.

Сулейман ушел, но не вернулся. Не убил.

К 1906 году в ядре группы были Зелимхан, Гушмазуко, Солтамурад и Саламбек Гасаоджев. Ингуш из селения Сагопш. О нем писали: «С именем Саламбека связаны самые дерзкие разбои Зелимхана; в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью и своей безумной отвагой. За ним абреки шли почти на верную смерть, в самый центр города, отдаваясь прямо в руки войск. Кроме храбрости, Саламбек отличался необычайной силой воли, свойством не теряться в минуты опасности и, главное, — беспощадностью. Безумная храбрость Саламбека — это идеал, которого желал бы достигнуть каждый абрек. Словом, Зелимхан и Саламбек взаимно друг друга до-

полняли».

Уже давно в Харачое сломлено было сопротивление двух родительских пар — Дударовых и Хушуллаевых. Бици с детьми и Зезык собрались в Турцию. Продали последние остатки домовства и хозяйства и переехали в Урус-Мартан к Домбаевым. Но не было покоя в Урус-Мартане. Разговаривали, что может узнать начальство, могут донести начальству. Тогда арест гостей и разорение хозяевам. Надумали поселиться в лесу. Поселились. В избушке, построенной зелимхановскими друзьями на лесной поляне, у родника.

— В Турцию, в Турцию!

Оставляя своих в лесу, уезжал Зелимхан в гости к друзьям. К влиятельным интеллигентным друзьям. В рассуждении паспорта. Взятся добыть во Владикавказе паспорт кумыкский князь А., согласился устроить переход через границу бакинский доктор К. На Баладжеры уславливался он выслать тюрка, долженствовавшего проводить Зелимхана в персидский Азербайджан. Но в Турции тоже нужны деньги. Чтобы деньги — надо ограбить кого-то, удумать надо что-то...

Мне пришлось уже рассказывать об овцеводах. Они ведут почтенную роль в зелимхановской эпопее. Они влияли не только на содержание администраторских приказов. На экономику, на хозяйство Чечни влияли они тоже.

Цель переселения овцеводов в Терскую область была, конечно, культурная цель: ознакомление горцев с культурой овцеводства, поднятие овцеводства в горах. На практике культуртрегерство вылилось в конкуренцию с самобытным горским овцеводством, которое, как и культурное таврическое, нуждалось в зимних пастбищах на левом берегу Терека. Даже эта конкуренция не была свободна. «Свободно» конкурируя на торгах, тавричане исподволь агитировали в казачестве против чеченцев, обвиняя их в разбойничестве, в воровстве и прочих смертных грехах. И добились губернаторского приказа о недопуске воров-туземцев с их стадами на левый берег. Обострившаяся в поисках денег мысль Зелимхана остановилась на овцеводах. На ближайшем из них — Месяцеве.

Архип Месяцев — тавричанин Хасавюртовского округа, соседствующего с Чечней. (Тавричане, как в свое время и казачья линия, обосновывались на стыках колонизаторского населения с горскими племенами.) Интересы Архипа Месяцева чаще других сталкивались с интересами овцеводов чеченских. В борьбе сталкивались. И мысль Зелимхана остановилась на нем. Пленить и взять выкуп.

Экономия Месяцева в сорока верстах от Хасавюрта — российской твердыни на тихой кумыкской плоскости. Месяцев утвердился в бывшем имении пропившегося кумыкского владельца. Кумыкская плоскость — степная. Болотистая. 30 августа года 908 увидел Месяцев точки всадников вдали. Мало ли на Кавказе таких точек, которые, оформляясь в зыбком зное, одинаково легко могут вырасти в разбойника или обычного милиционера. На всякий случай Месяцев заперся в доме. Забаррикадировав болтами двери, вооружившись маузером, в одной обойме которого десять смертей.

Всадники въехали в ворота. Старшой в офицерских погонах. Зелимхан старшой. Спешился сам и приказал спешиться. Подошел к двери. Постучался.

У Месяцева маузер. В своей позиции он не только пятнадцать абреков расстрелять может. И Месяцев открыл дверь:

— Не откроешь — хуже может быть.

Вошел Зелимхан в комнату, снял с Месяцева маузер, часы и другую мелочь.

— Поедем с нами. Скажи жене, чтобы 15 000 приготовила. Когда 15 000 будет, тогда ты у нее будешь.

Увез, посадив Месяцева на одну из четырех выведенных из его конюшни лошадей.

Курьер в Хасавюрт скачет. Телеграммы в Грозный. В Ведено. Телефоны дребезжат в сельских правлениях:

— Пленен... Шайкой Зелимхана... Перерезать путь... Задержать...

Одна команда выехала вдогонку из Хасавюрта. И старшина встречного селения с жителями направил ее по ложному следу:

—Зачем из-за чужого Месяцева нашего Зелимхана выдавать!

Дозорами встали на Качкальковском хребте команды сельские. Зелимхан около Бачи-юрта миновал их. Переночевал в лесу. После утреннего намаза двинулся дальше через земли беноевцев. На поляне остановился, чтобы сделать намаз полудневный.

На поляне мелкий кустарник. Месяцева и Зокка послали вниз, к роднику. К роднику же спустились первыми Гушмазуко и Аюб Атагннский, чтобы омыться. Оставшиеся расположились отдохнуть. Но увидел кто-то и крикнул:

— Дже!

Дже — значит «тревога». На тревогу вскочил Зелимхан. Нацелился.

— Воллай лазун! Биллай лазун! Не буду стрелять, Зелимхан. Я с тобой поговорить хочу только.

— Уо! Селям алейкум, Буцус беноевский! Отчего же не поговорить нам с тобой.

Вплотную подошли друг к другу беноевцы и зелимхановцы. Буцус, здоровенный Буцус к Зелимхану подошел. Остальные кто как. И в упор выстрелили вероломные беноевцы. И убили Солтамурада и трех ингушей. А Буцус, здоровенный Буцус, обхватил Зелимхана, чтобы взять. Живым чтобы взять.

Саик и Тюрлик остались в живых. Саик и Тюрлик легли в кочки, которые около кустарников, чтобы стрелять по беноевцам, которые уже отходили, потеряв Буцуса, оставляя поваленных Бургуная и Гомзата. Тогда лишь подоспел на тревогу старый Гушмазуко.

Гушмазуко выскочил на гребень догонять отходивших беноевцев. Чтобы мстить за сына. За двух сыновей. Чтобы убивать. Всех до одного. Гушмазуко вздыбился на гребень и свергнулся с него. Беноевцы залпом пронзили его волчье тело, его сердце, бьющееся злобой. Саик бросился вслед за Гушмазуко. На гребень. Саик расстрелял все патроны в орешник, который уже не отзывался. Молчал. Когда стихло, живые собрались около Месяцева: Саламбек, Аюб, Абубакар, Саик, Тюрлик, Зокка. Зелимхана нет, Солтамурада нет, Гушмазуко нет. Погибли.

Абреческая традиция не знает оплакивания погибших. Погибших абреки могут оставить врагу. Абречество — это не война. Абречество — не единоборство. В абречестве один за себя и один за всех. И один против всех.

Абреки подняли продолжавшего лежать Месяцева. Посадили на коня и поехали дальше. Перевалили гребень горы. Один. Довалились до второго, склон которого долгий и пологий. Одни довалились, без Зелимхана, который остался там, на месте побоища. Зелимхан остался, схваченный Буцусом. Схваченный Буцусом, он вместе с Буцусом свалился на землю. Вместе с Буцусом скатился вниз на дно балки. Пришел твой час, харачоевский Зелимхан. Пришел час харачоевского Зелимхана. Волчий Буцус схватил его. Волчий Буцус грыз ему шею волчьими клыками. Пришел твой час, харачоевский Зелимхан!..

Схвачены руки Зелимхана, прижаты рукоятью Буцусовского кинжала к газырям. Беспомощные руки. Бессильные. Одни только пальцы.

С Месяцевым довалились живые до второго гребня, склон которого долгий и пологий. Случайно оглянулись с гребня и увидели: ползет снизу человек и машет им. Кричит. Видно, что кричит, — не слышно. Остановились и дождались:

—Уо, Зелимхан!

На дне балки, придушенной орешником, в которую скатились Буцус и Зелимхан, в которой грыз Буцус шею Зелимхана клыками и проклятиями, вытянул Зелимхан, пальцами держа лезвие, кинжал. Пальцами, держа лезвие, порезал шею Буцуса. Немного порезал шею Буцуса. Немного порезал, но умер Буцус.

Так отвоевал себе жизнь харачоевский Зелимхан.

Потом была перестрелка около Шали. Была еще перестрелка. На Аргуни. Недалеко

от Бамутовского хутора на пригорке, засеянном кукурузой, оставили абреки Месяцева под охраной Зокка и Аджиева. Через пять дней приехал Зелимхан. С неизвестным, лицо которого в башлыке. Приказал Месяцеву написать вторую записку: на 18 000.

—Отца убили, брата убили, трех товарищей убили. Не отпущу меньше, чем за восемнадцать. И чтобы на станцию Самашкинскую привезли.

Месяцевский Проня приехал на станцию с 15-ю: не получил второй записки. Зелимхан не принял его. Зелимхан отослал его назад. И чтобы не встречаться опять на Самашкинской, приказал Месяцеву написать еще:

«Ногай (работник Месяцева) и Проня, с подателем сей записки поезжайте туда, куда он вас повезет; не бойтесь».

Податель привез Ногаю и Проню на Слепцовскую. Зелимхан встретил их на платформе и на бричке повез к Ассиновской. Там около стога сена под охраной Зокка и Аджиева ждал своего освобождения Месяцев.

Бици и Зезык жили в лесу. Бици и Зезык — мужние жены. Чтобы жить, горцу нужно молоко и хлеб. Муку привозил Зелимхан, пригнал пару коров. Настал день, в который приехал Зелимхан один — без Гушмазуко, без Солтамурада. Зезык вдова теперь - Младшего брата вдова. Мать его ребенка. Когда еще из Харачоя выезжали... А теперь всякому ясно, что она мать. Она одна будет растить сына. Убит отец, Солтамурад убит. Приехал Зелимхан. Один приехал. На Качкалыке перестрелка была. Около Шали перестрелка была. На Аргуни перестрелка была. Опасно оставаться в этих местах, в лесу даже. Новый начальник округа Галаев-полковник клятву дал: поймать. Семью поймать. Всех родственников поймать и в Россию, в Сибирь! Уезжать надо. Разыщут еще.

Собрали скарб. Поехали. В сторону Ингушетии. Через затемненные лесами отселки, через мелкие аулы, лежащие на пути. Останавливаясь в них на три, на четыре дня, чтобы передохнуть детям и обремененным женщинам. Так медленно добрались до ингушей, в Экшкун-юрт. В Экшкун-юрте люди, соседи.

— Кто приехал? Почему приехал?

— Чеченцы приехали. Урусмартановские. От кровников скрываются.

— От каких кровников?

— Забыли мы фамилию их. Всякий человек кровников иметь может.

Только хозяева знали, кто гости, от каких кровников скрываются гости. Зелимхан не был Зелимханом. Мужем двух жен был он, отцом четырех детей. Спасаящимся от кровников. Он часто уезжал в Назрань и привозил своим мануфактуру и газеты:

— Послушаем, что про меня пишут,

В Чечню уезжал. Из Чечни возвращался злой:

— Аи, аи, аи, что новый полковник делает!

Галаев свирепствовал. Галаев сам горец, из казаков моздокских. Как горец, Галаев подошел к корню вопроса, как царский администратор, он мечтал об устранении причин явления полумерами. Таковых, по его мнению, было две: малоземелье и родовой дух, в котором продолжала консервироваться Чечня. Для увеличения земельной площади он мечтал осушить Истисинские болота. А родовой быт и существовавшие в нем право и мораль решил уничтожить действием административным. Всех, так или иначе заподозренных в сношениях с Зелимханом, он ссылал или в Россию, или в Сибирь. Ссылал Галаев беспощадно и по рецепту генерала Михеева. Ссылки предшествующих администраторов не давали желанного результата. Ссылные возвращались и пополняли абреческие кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал высылать с семьями. Каждой высылке предшествовал арест, и тюрьмы наполнялись преступниками от грудного и до старческого возраста.

Галаев видел экономические причины абречества, видел родовые причины его. С тем большей настойчивостью проводил он систему семейных высылки.

—Уо! Полковник. Вспомни Добровольского, полковник!..

Отношения между Зелимханом и полковником обострились, в особенности после

убийства Турченко.

Турченко — дорожный мастер. За что Зелимхан мог убить Турченко? Какое дело Турченко до Зелимхана, Зелимхану до Турченко? Разве тронул когда-нибудь где-нибудь Зелимхан рабочего или хлебороба? Обидел разве? Ведь было, что встретил Зелимхан в степи извозчика, плакавшего над опустелыми оглоблями. Зелимхан ограбил извозчика.

— Какой Зелимхан? Я Зелимхан. Разве я тебя грабил?

— Не ты. Абрек Зелимхан ограбил.

— Я абрек Зелимхан. Я таких, как ты, не граблю. На тебе 60 рублей. Абрек Зелимхан дал тебе 60 рублей, чтобы ты себе лошадь купил.

Было еще, что Зелимхан поймал такого грабителя. Отстегал нагайкой и приказал вернуть. И добавить из своих средств «за беспокойство».

— Разве же можно грабить бедных людей? За что мог Зелимхан убить Турченко?

Турченко — дорожный мастер, соединивший с этим званием подряды. Он чинил дорогу, он поставлял материал для ремонта. Чеченцы поставляли Турченко, Турченко — дорожному начальству. Ставши подрядчиком. Турченко вошел в тот механизм угнетения, который наладило начальство для Чечни.

Чеченцев, поставляющих материалы Турченко, он всякий раз убеждал в том, что они жулики, что гололобы, что азиаты, что разбойники. Только наличие такого рода свойств, специфически горских, по колонизаторскому мнению Турченко, давало ему право обеспечивать поставщиков. На то ведь чеченец и жулик, на то он безграмотен и не знает русского языка, чтобы его обсчитывать. И Турченко обсчитывал. Жалобы чеченцев в инженерную дистанцию кончались новыми обидами. Для чеченцев же.

Тогда на дорогу вышел Зелимхан и схватил за узду турченковского коня.

— Слезай! Давай деньги!

Взмолился Турченко. Так, как купец Носов взмолился, как интеллигенты на пикнике.

— В крепости у меня деньги. Ты же не пойдешь в крепость. Как я тебе дам?

— Приду в крепость.

— Придешь?

— Приду.

В крепости насторожились: Турченко сообщил. Но пришел все-таки Зелимхан. И не один. С товарищами. Постучался в дверь к Турченко. Открыл хозяин: кто злой может прийти ночью в насторожившейся крепости?

— Уо! Селям алейкум, Турченко!

— Зелимхан!..

— Зелимхан, Зелимхан, здравствуй. Пожалуйста, здравствуй.

— Каррр!.

— Не кричи. Где деньги?

— Каррр!

— Обманывать не надо — кричать не надо.

Опять убил Зелимхан и ушел, перепрыгнул через стену встревожившейся крепости.

Зелимхан был абрек. Зелимхан был разбойник с точки зрения культуртрегерствовавших

администраторов, следователей, инженеров. И знал все же, что обманывать не надо, что обещать попусту не надо.

Полковник рассвирепел вовсе. Полковник арестовал семейства, доводившиеся Зелимхану родственниками. По женской линии, т. е. такие, которые в родовом быту вы-

черкиваются из списков данного рода. Была же мачехой Зелимхану Бельгас Элсанова, вторая жена Гушмазуко, и все-таки убивал ее родственников громокипящий старик.

Зелимхан писал полковнику. Предупреждал. Просил. Но не унимался полковник. Больше даже. Он поймал Мэхки-абрека, дышни-Веденского Мэхки, и сказал ему, что он тоже убивал Турченко. Напрасно говорил Мэхки, что нет, что не был он с Зелимханом. Напрасно Зелимхан в письме к полковнику точно перечислял сообщников.

Полковник договорился с начальником гарнизона, начальник гарнизона назначил офицеров и изобразил суд. Военно-полевой суд, который постановил повесить Мэхки.

Кто во всем мире мог наказать полковника? К кому мог обратиться Зелимхан, чтобы наказали полковника? К начальнику области? Но начальник области уверен, что Зелимхан сам первый отступил от закона и что, поэтому хотя бы, Зелимхан не может жаловаться на беззакония властей. Полковник знал, что начальник области смотрит на вещи именно так. Полковник был спокоен за стенами крепости. Что из того, что Зелимхан внутри их убил Турченко. Турченко без охраны жил у себя дома. А у полковника целый взвод. Захочет два взвода — будет два. Три — три.

Один сектор крепости Ведено не обнесен стеной. Вместо стены крутой обрыв оврага, глубокого и широкого, каменистое и гладкое дно которого, как ладонь с узкой складкой прозрачного ручейка. Крепостной обрыв оврага заткан колючей проволокой, по крепостному обрыву оврага спускается к ручейку крутая галерея. Другой берег оврага тоже обрывистый. Вражеский он. В одном месте прикрыт он одеялом кустарника. А дальше — открытая поляна, сочная от зелени травы и одиноких деревьев, еще дальше сливающихся с лесом, с горами.

В крепости парк. Вековой, тенистый. В нем скамеечки. Одна над обрывом. Полковник любил сидеть на ней, смотреть на дно оврага, на горы дальние и близкие, которые надо покорить, на которые надо еще так много труда, государственного, петербургского.

Утром полковник выкупался. Утром полковник позавтракал и пошел в парк. Погулять, прежде чем идти в душный кабинет своего управления. С телохранителем пошел. Задумался на скамеечке и очнулся, когда пуля ударила в ствол ближайшего дерева. — Не в нас ли стреляют? — пошутил полковник и обернулся на выстрел.

Тогда вторая пуля ударила в висок полковника: выстрелив в дерево, Зелимхан заставил полковника обернуться, чтобы попасть в него наверняка, чтобы в висок попасть.

Кто мог восстановить справедливость в Чечне? Начальник области? Нет. Царь? Тем более нет. Зелимхан, только Зелимхан своею твердой рукой, своим метким глазом.

Читатель помнит зелимхановское дуа — молитвенную импровизацию Зелимхана: «Если я задумаю дело праведное, то укреплю мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердою». Зелимхан попал в висок полковнику за 400 шагов. Зелимхан мыслил примитивно: попал, значит, совершил праведное.

Все зелимхановские дела были праведные. Мэдди, как о чудесном, рассказывает, что, задумав новое предприятие, отец ложился спать на левый бок и только наутро такого сна сообщал близким свое бесповоротное решение, которое всегда было в зависимости от сновидения. Мэдди не знала курса нервных болезней, близкие тоже не знали. И такое предвидение они почитали за сверхъестественное, заключенное в зелимхановской оболочке. Все зелимхановские дела были праведные. И все же не выдерживал Зелимхан. Все же овладевали им настроения мрачные, смертельные. Тогда он ненавидел людей, себя ненавидел. Кричал, точно от боли.

— Для чего меня родили на свет? Я же готов быть бедняком в полной безвестности. Готов прервать свою жизнь. Но аллах запретил мне прекращать ее тяжелое бремя. И оставался жить, чтобы закончить начатое. Ведь он был большим общественником, большим оратором. При конкуренции родов в Чечне мужчина должен быть тем и другим. А он должен был молчать. Должен был таить свое искусство в лесных дебрях, в пастушеских кошах.

Ведь он был красив. По-чеченски красив, по-мужски. Не так лицом, как станом и плечами в косую сажень. Не даром всплакнула как-то Бици, провожая его, глядя вслед:
—Такой красивый, такой красивый, и должен скрываться от людей.

Близкие часто уговаривали Зелимхана. Дышни-Веденская двоюродная сестра Деши Заракаева уговаривала Зелимхана бросить это. Попросить начальство, чтобы простили его, и зажечь мирно. Зелимхан раздумывал. Не одна Деши советовала ему бросить. Многие.

—Попробуй-де.

Попробовал Зелимхан. Результат пробы опубликовал владикавказский «Терек». Опубликовал в редакции, заготовленной канцелярией губернатора:

Несколько времени назад вр. генерал-губернатором г.-л. Михеевым было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке.

Выражая желание сдать в руки властей, Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком благодаря несправедливости отдельных представителей окружной администрации потому, что видел вокруг себя зло. Вместе с тем, он просил генерала Михеева взглянуть на его дело беспристрастно и помиловать его. В ответ на это письмо генерал-губернатор разослал начальникам всех округов области, за исключением Нальчикского, следующий циркуляр:

«Я получил от абрека Зелимхана Гушмазукаева письмо, в котором он, описывая причины, побудившие его стать абреком, просит меня расследовать и убедиться в правдивости его слов и затем «во имя бога и царя» помиловать его. Предлагаю объявить всем муллам и кадиям, для оповещения населения в мечетях, что письмо Зелимхана я прочел и со своей стороны отвечаю:

...Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда принимаются люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Мне также хорошо известно, что от этого страдает служба и справедливость и что с этим злом надо бороться беспощадно. Но зачем Зелимхан говорит о них, когда он первый отступил от закона, когда он нарушил его больше, чем кто-либо, сделавшись абреком.

Всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которых никогда не одобрит ни бог, ни государство, ни человеческая совесть. Пусть Зелимхан знает, что я как представитель закона и порядка в области считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона и виновником перед богом и царем, а потому заслуживающим понести тяжелую кару...

Относительно же его просьбы о помиловании добавляю, что, во-первых, миловать я не вправе. Это не в моей власти. Эта власть принадлежит только царю. Во-вторых, меня крайне удивляет, что Зелимхан говорит о помиловании. Где же его уважение к закону, если он же склоняет меня на беззаконие, т. е. призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его. Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но, во всяком случае, Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия».

Зелимхану прочли ответ Михеева. — Все равно меня в живых не оставят, Деши. Лучше уж я уничтожу начальство, чем оно меня, - отвечал он после письма Михеева.

Деши — родственница Зелимхана. Деши уговаривала его вернуться к мирному труду, пока... ее самое не выслали со всем семейством в дальнюю, неприветливую Россию. После этого ей не пришлось ничего говорить Зелимхану. Да и вряд ли она убеждала бы его вновь.

АТАМАН ВЕРБИЦКИЙ

В приказе по Терскому войску от 14 декабря пятого года наказной атаман, он же начальник области, под влиянием общественной весны, долженствовавшей кончиться через десяток дней введением военного положения, выражал надежду на то, что «развитие

и просвещение изменят теперешнее грозное положение вещей и изгладят взаимные обиды и оскорбления местных народностей». Не знаем, искренне, нет ли писал начальник области, искренне ли увлекался старый палач такой весенней мечтой. Помним только, что 24-го декабря он же ввел военное положение в области и наполнил тюрьмы и судебные установления делами привлекаемых по 129 ст.

В дальнейшем развитие и просвещение пошли соответствующим темпом, и 7 марта 1909 года приказом по области формируется временно-охотничий отряд, задачей которому ставилось «возможно, спешное искоренение краж, грабежей, разбоев в пределах Хасавюртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь и в сопредельных районах отдельными порочными лицами из туземцев».

Мысль об организации отряда занимала терскую администрацию долго. Задолго до приказа, в порядке производственном, был набросан сюжет предполагаемой драмы. Недоставало героя. В Терской области соответственного не нашли. И из Кубанской выписали Вербицкого.

Итак, герой был найден. Официозная пресса подняла вокруг его имени необходимый шум. Частная, буржуазная, не отставала. Не отставал и сам герой. Для начала своей деятельности он обратился к населению с воззванием на русском и арабском языках: «Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы — храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь и к вам, воры и разбойники. Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.

Все же, кто еще не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимхан!

Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты мог пойти на войну, там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака. Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя, как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия и, если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со

всей твоей шайкой, и, чем больше в ней разбойников, тем лучше. Даю тебе честное слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Кровникам твоим не позволю вмешаться в наше дело. Довольно между вами крови.

Но, если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным.

Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавказ...»

Согласился Зелимхан. Но на такую встречу, в которой были бы один на один. Через одного, другого, третьего договорились. Место назначили. На лужайке, что около Ведено. Согласился Зелимхан и в ночи пришел на опушку леса. И утром увидел, как выходят из крепости войска, чтобы оцепить лужайку.

—Эх ты, царский сукин сын! Посмеялся и ушел Зелимхан.

Написал письмо Вербицкому, ответ написал. Письмо Зелимхана пришло в редакцию «Терека». «Терек» по обстоятельствам, от него не зависящим, письмо не опубликовал, переслал Вербицкому...

В грозненском клубе выспрашивали у войскового старшины:

— Как ответил Зелимхан?

— Вот как, — показывал письмо Вербицкий.

— Принимаете?

— Конечно, принимаю, — ответил храбрый войсковой старшина и продолжал доигрывать преферанс.

Начальник области генерал-лейтенант Михеев выработал инструкции Вербицкому. Вербицкий выработал инструкции для чинов своего отряда. В них герой раздевался донага.

«Нам нужно помнить, — говорил он, — что наше дело не пугать разбойников, идущих на разбой, а истреблять их по возможности до одного, чтобы не повадно им было, когда действует отряд, разбойничать и проявлять пренебрежение к нам.

Если разбойники засели в сакле, то в саклю отнюдь не бросаться, а, засев от сакли подальше, занять ее огнем; засесть надо так, чтобы можно было стрелять по выходам (по дверям, по окнам) и наискось: тогда разбойник в нас из сакли попасть не может. Один из выходов, устроив против него засаду, оставить без обстреливания и заставить таким образом выманить разбойников, чтобы бежать, и как только они из сакли будут выскакивать — подстрелить. Если выманить разбойников из сакли не удастся, то, заняв огнем с одной стороны, с другой — поджечь саклю. По мере того, как они будут выскакивать, — убивать.

Всякий выстрел есть верный шаг к победе и, наоборот, каждый промах ободряет противника, отчего силы его удесятерятся. Поэтому каждый стрелок должен пристреляться к своей винтовке и знать, куда именно нужно целиться, чтобы попасть в лоб противнику при всяком его положении. Для этого будет пройден особый курс по указанию и под руководством помощника моего штабс-капитана Григорчука.

Разрешается попасть противнику не в середину лба, а, например, в бровь, в висок, но следует твердо помнить, что всякое отклонение вниз и вверх поведет к промаху обязательно...

Гуманное на первый взгляд нежелание оружием подчинять себе каких-нибудь мерзавцев или мерзавца может привести только к излишнему кровопролитию. Раз сопротивляется или не исполняет законного вашего требования, да еще вооруженный — бейте.

Люди не скотина, и, если они не повинуются словам, то против них должны быть пущены в ход штыки, шашки или пули, а не плети или кулаки»

Борьба с разбойниками зачиналась широко и точно. Во имя Пророка, Корана и имама Шамиля. Единственной поблажкой для разбойников было разрешение чинам отряда

попадать им (при всяком их положении) «не в середину лба, а, например, в бровь или в висок».

Вербицкий доигрывал партии преферанса в грозненском клубе. Вербицкий уехал во Владикавказ за самоновейшими сведениями о месте пребывания Зелимхана. А в это - время сформировавшийся временно охотничий отряд начал свою гастроль.

Дело было спешное. С грабежами надо было покончить к наступлению теплого периода, и штабс-капитан Ардабьевский был избран Вербицким как «человек боевой, выдающийся, известный своим мужеством, выдержкой и распорядительностью». И штабс-капитан оправдал высокое доверие. Премьера была дана на гудермесовском базаре. Войска под его командой нагрянули на базар внезапно, не предупредив хотя бы местные власти. Дорвавшись до базара, войска дорвались вообще.

—Давай оружие! Давай кинжал!

«Офицеры и казаки наносили удары плетью и прикладами ружей вначале тем, которые не могли быстро снять кинжалы, а потом стали бить всех подряд», — написано в официальном протоколе.

Старшину селения, который, прибежав на шум и увидев на земле трех лежащих без чувств, спросил офицера Яицкого: «Что такое?» — спросили:

—А ты кто?

И узнав, что он старшина, побили плетью и прикладами и, кстати, матерно выругали. Данную отряду инструкцию чины его еще не усвоили (люди не скотина). Они вспомнили ее час или два спустя, когда дело, начавшееся с прикладов и нагаек, дошло до огнестрельного оружия. На опустевшем базаре остались трое убитых и десять тяжело раненных чеченцев. Число легко раненных, которых родные развезли по домам, — неизвестно. Как неизвестно и то, сколько раненых не считали себя ранеными, отделавшись выбитыми зубами или ударами нагаек.

Впоследствии Вербицкий объяснял, что Гудермесская бойня вызвана была полученными агентурными сведениями, что на базаре должна быть шайка абреков с трехлинейными винтовками и краденым скотом. Но ни одной винтовки отряд не отобрал на базаре. Чтобы доказать абречество убитых, запросили справку об их судимости, поведении и образе жизни. Справки показали, что двое из убитых «под судом и следствием не были, поведения хорошего, занимались честным трудом», и один семнадцать лет тому назад был в административной ссылке на Чечен-острове.

Зелимхан снова трагически передумал события. Так же, как убийство 17-ти в 1905-м. Зелимхан десять лет абрек, Зелимхан за десять лет столько зла не сделал, сколько Вербицкий за один день 14 марта.

Вербицкий — начальник. Вербицкий на весь мир обесславил Зелимхана, назвав его бабой, трусом. Письмо Вербицкого газеты напечатали. Зелимхановский ответ ему — нет.

Ладно. Все равно убьет его Зелимхан. Чтобы легче убить, Зелимхан поселился в Чечен-ауле. У Анаевых. Он послал Джемалдина в Грозный, в станицу Грозненскую к братьям Налаевым. Просил их проследить приезды и выезды Вербицкого во Владикавказ.

Налаевы проследили. Налаевы сообщили, что приедет через два дня Вербицкий из Владикавказа.

В Чечен-ауле сели в арбу. Воловью. Скрипучую и медленную. На которой далеко не убежишь. В ней приехали на грозненский базар, а ночью пробрались в станицу, и два дня выходили на станцию Зелимхан и Аюб встречать владикавказские поезда.

Накануне третьего Зелимхан увидел недобрый сон. Может быть, утром третьего он проснулся с недобрым предчувствием. И отказался от мысли убивать Вербицкого в этот раз. В грязь и слякоть ушел на Курумовские хутора.

Аюб Тамаев (Атагинский) — юноша. О нем рассказывают, что был грамотен и хорошо знал по-русски. И был красив, женственно красив был. Тонкие черты лица, хрупкое тело. Был изрядной противоположностью Зелимхану, у которого длинные предплечья и широкие мясистые кисти рук, у которого левое веко приспущено над

зрачком. И еще — Зелимхан был добродушен, остроумен и разговорчив. При встречах с людьми Зелимхан умел говорить так, чтобы они, не понимая еще, чего он хочет, соглашались с ним. Зато Аюб молчал, будучи застенчив, точно он не женствен только, но женщина. Чеченская — скромная и робкая.

Временно-охотничий отряд торопился, между тем, с наступлением на воров и разбойников. Чтобы закончить операции до тепла. Воров и разбойников обнаружилось много. Через десять, после Гудермеса, дней хорунжий Яицкий уже рапортовал Вербицкому: «Выдача и арест порочных людей в Хасавюртовском округе приостановлены за неимением мест в Хасавюртовской тюрьме... Ввиду необходимой экстренности арестов прошу об удалении из Хасавюртовской тюрьмы лиц, отбывающих по суду наказание, в тюрьмы других городов».

Состав команд отличался деловитостью и энергией. «Мне, как человеку, не имеющему отца, матери и семьи и находящемуся не у дел, — писал Вербицкому один сотник из казаков, — жизнь не представляет особой ценности. Возможность же заслужить ваше внимание и через то впоследствии снова занять подобающее мне по чину и образованию место, в котором мне бывшим генерал-губернатором было отказано, заставляет меня просить вас о зачислении в ряды бойцов с хищниками. Напишите — когда, к кому и в какое место мне явиться, и вы будете иметь в своих рядах не лишнего здорового и преданного человека... Правда, репутация замарана, был под судом, сидел не раз на гауптвахте и т. п. Молодость была буйная».

Другой проситель, мещанин, имевший «азиатскую физиономию», азиатскую форму, «риск» тоже имевший, «большой на все подвиги», даже один мог пойти, «куда начальство мое прикажет, даже хотя бы к самому Зелимхану в лес», изъяснял в своем заявлении: «Я могу все секреты горцев узнавать и донести вам, ввиду этого я могу быть полезительным во вверенном вам отряде и принести большую пользу и интерес в поимке разбойников и заслужить себе честь и славу и быть для вас по долгу верноподданного честным гражданином».

Нашлись даже поэты временно-охотничьего похода: «Я люблю эту охоту по зверю, обороняющемуся равным-оружием», — просился терский хорунжий. По таким признакам подбирались охотники в отряд. На кого еще могла опереться великодержавная государственность? На что, кроме силы, торжествовавшей, точно свинья, на территории четырех округов и сопредельных районов!

Сила! Сила опустошала горские сундуки, сила хамила, обыскивая женщин, сила, походя, арестовывала и расстреливала горцев, пока Вербицкий или кто другой еще ознакамливался с «делом». Жалобы на насилие и грабежи, чинимые отрядом, атаман Вербицкий называл дутыми. Еще бы! Ведь он утверждал авторитет власти, церкви и овцеводов. Власть, церковь и овцеводы не оставались в долгу. В порядке круговой поруки.

И Вербицкий благодумствовал. «В одно приблизительно время с нашими родственниками были задержаны некий Осман Дудаев и Вураман Гумыхов, которые при препровождении их до Владикавказа казаками были убиты возле Тарского хутора, — писали в прошении начальнику области несколько ингушей. — Хотя казаки, сопровождавшие их, и говорят, что убиты, были Дудаев и Гумыхов при попытке бежать, но в народе ходят упорные слухи, что никакой попытки бежать сопровождаемыми сделано не было и что убийство это произошло совсем при других обстоятельствах... Ввиду упорных слухов о том, что случаи, подобные происшедшему около Тарского хутора, часто повторяются при сопровождении арестованных, почтительнейше просим ваше превосходительство ради человеколюбия...»

По поводу Гумыхова было несколько строк в «Терских Ведомостях». — «Отдельные лица из ингушей, надевая маску невинности, возбуждают жалобы, якобы на неправильные действия некоторых команд из временно-охотничьего отряда войскового старшины Вербицкого. Так поступил недавно и Уму Хаджи Гусинов Гумыхов, который подал прошение, жалуясь, что команда его напрасно притесняет, требуя оружия, которого ни у

него, ни у его сыновей нет. Через несколько дней после жалобы у него оказалась трехлинейная винтовка пехотного образца № 71669. Интересно знать, откуда у этого невинно притесняемого винтовка и для чего она у него?».

Сын Уму Хаджи, как это видно из прошения, лишился возможности отвечать не только «Терским Ведомостям». Немного спустя те же «Ведомости» под заголовком

«Нарушение присяги» сообщили: «Начкоманды, производившей обыск в доме Хаджи Гумыхова, сказал ему, что прекратит обыск, если тот присягнет, что в доме у него нет оружия. Хаджи присягнул, и в это самое время нашли у него винтовку. Вскоре после этого Гумыхов заболел и умер».

Так старый, христиано-мусульманский чудодей-бог наказал клятвопреступного Хаджи, быть может, сам же подбросив винтовку пехотного образца № 71669.

А Зелимхан? Зелимхан, близкие его, в Экшкун-юрте живут. Месяц живут, два живут. Три. Это можно. Это хорошо. Четыре тоже ничего. Пять. Шесть. Семь тоже можно. А почему год нельзя?

Глаза у людей зоркие. И разные. Забеспокоился Зелимхан. Узнают — хозяевам плохо будет. Разорят. Сошлют. Лучше на

горы уехать. В Экшкун-юрте хорошо. Хозяева хорошие. А раз хорошие, можно ли подводить? Уедем, Бици! Уедем, Зезык! Можно ли подумать, что вы во вражьи руки окажетесь? Мэдди, Энист, Магомет и тот, который должен только появиться... Солтамурадовский Ломали. Лучше Зелимхан сам в тюрьму пойдет. Лучше Зелимхан сам под расстрел пойдет.

—На горах лучше. Там тоже хороший народ есть. Везде хороший народ есть. И плохой.

Поехали опять. Но задержались в дороге — на хуторе Ляж-кэ: второй сын родился у Зелимхана — Омар-Али. На целую неделю задержались из-за маленького в Ляж-кэ.

В Кэ-кэ друзья, кунаки в Кэ-кэ. Сподвижники. Обосновались у них. Целый год прожили. В Кэ-кэ народ на подбор: все одной фамилии и предавать некого: предать Зелимхана — своих предашь.

На плоскости продолжал разбойничать атаман Вербицкий, Зелимхан потратил на него месяц — не убил. Нехорошо. Зелимхан, 10 лет абрек, столько вреда врагам не сделал, сколько Вербицкий за три месяца сделал. Убить его надо. Иначе люди смеяться будут над Зелимханом. Зелимхан приехал в Грозный. Приехал, чтобы рассчитаться с Вербицким, сполна рассчитаться.....В Грозном прибежал вечером Саик к Д-беку.

—Около Гранд-отеля Зелимхан. Вербицкого убьет сейчас.

Д-бек на ходу втиснулся в пиджак. Побегал. Увидел на мосту Зелимхана: стоял, смотрел в окна гостиницы. На улице ли воскресные проповеди читать? На улице ли отговаривать? Прошел мимо и на ходу, веря в свой авторитет старшего, друга и интеллигента, бросил:

—Микирдац (нельзя)!

И ушел Зелимхан, опять не убив.

В Кэ-кэ ехал через Чечню. В Сенсире встретил на улице доносчика, ябеду встретил. Убить надо ябеду. Но даже ябеду не убьешь спроста.

—Танцуй лезгинку! — Зелимхан ябедке сказал. Начал танцевать ябеда. Трудно без музыки. Просит Зелимхана:

— Ты хоть посвисти.

— Сам свисти, сам танцуй.

Сам свистит, сам танцует ябеда, опять его убить не за что. Придумал еще

Зелимхан:

— Теперь ты, как баба, танцуй.

— Я с самого начала, как баба, танцую.

Засмеялся Зелимхан и тронул коня. Уехал: смешной человек ябеда — смешного человека убивать не за что.

Побывал в Харачое Зелимхан. В Харачое Бийсултан к Зелимхану вышел. Маленький, четырнадцать лет ему: еще год прожить надо, чтобы винтовку можно было носить.

— Когда Гушмазуко из дому к Зелимхану ушел, когда Солтамурад ушел, Бикату с семилетним Бийсултаном к своим ушла. К Элсановым. Четырнадцать лет теперь Бийсултану. Узнал он, что в Харачое Зелимхан — вышел к нему.

— Отца убили, брата убили. Трудно мстить, когда ты один. Я пойду с тобой.

— Ты маленький. Тебе со мной тяжело будет. Подожди, когда тебе пятнадцать лет будет.

— Ты один брат у меня.

Взял с собой Бийсултана Зелимхан. Проехал до Ке-кэ Чечню и Ингушетию от Края до края. Тяжело. Измы-

ваются над чеченами солдаты и казаки. В каждом селе экзекуции. За что недавно же Зелимхан сам начальника области просил простить его. Хитрый генерал: написал, что не может. Недавно даже в Государственную думу жаловался Зелимхан. Где Тохтамыш сидит—туда. Дума тоже ничего не может. Неужели Зелимхан сильнее генерала, сильнее думы. Какое такое начальство, которое ничего не может?

— Дали бы мне власть...

— Тебе не дадут. Зелимхан. Когда революции нету—тогда генералы командуют, когда революция — тогда... Как в Персии. Теперь Саттархан там.

— Хороший Саттархан, молодец Саттархан!

— Когда в России революция будет, ты как Саттархан в России будет.

— Это очень хорошо будет. А революция скоро будет?

— Теперь не скоро.

— Плохо... А почему во Франции: революции нет, а царя все равно выбирают.

— Там уже была революция. Даже три раза была.

— У нас пока один раз была.

— Жалко. Значит — когда три раза революция, тогда царя не будет.

— По-разному бывает..!

Чечню, Ингушетию от края до края проехал Зелимхан. Тяжело. Измываются над чеченами из-за него. Из-за Зелимхана. Почему генерал не простил его, почему Дудников не простил его. Неужели зло, которое они делают, лучше того, которое Зелимхан делает?

— Уо!

В Ке-кэ сказали: пронюхали, что здесь Зелимхан. Собрался из Ке-кэ. Четыре коровы было — двух отдали соседям. В пастушеские коши переселился Зелимхан: там молока — реки...

Жили у пастухов. Лепешки пастухам склеивали. От дыма глаза в шалашах слезились — у больших и у маленьких. Грудных.

Из Харачоя новая весть: Дудников отряд в Харачой привел и окружил дома оставшихся еще в Харачое родственников:

— Где Зелимхана жена, Солтамурада жена где?

— Не знаем.

Дудников сложил около стен солому.

— Сожгу. Где Зелимхана жена?

— Не знаем.

Арестовал Дудников всех и разжег один костер:

— В Сибирь сошлю... Где Зелимхана жена?

Не выдержал кто-то: сказал, что у ингушей, на Ассе. А где точно — не знает.

Пришла такая весть из Харачоя. Значит — Зелимхану глубже в горы уходить надо.

Туда, где и пастухов нет. Бродил Зелимхан день по горам. Два бродил. Вернулся радостный:

— Красивое место для вас нашел. Зелимхан не ошибся.

В апреле Вербицкий опять ехал во Владикавказ. С ним Дудников. Он говорил Вербицкому, что по приезде сообщит ему «особенно секретные сведения об общем деле». Во Владикавказе (в вагоне нельзя было) Дудников показал «оригинальный, начерченный чеченцами план или скорее схему долины р. Ассы». План этот был результатом Дудниковской экспедиции в Харачой. На плане лес. В лесу поляна (версты две в квадрате), «а на этой поляне стоят две жилые башни, в которых и сохраняется семья Зелимхана; может случиться, что и сам Зелимхан будет там».

Секретные сведения капитана Дудникова те самые, на основании которых помощник наказного атамана кн. Орбелиани дал ему для экспедиции на Ассу сотню, казаков и роту пехоты.

Дудников, чтобы захватить двух женщин и пятерых детей, просил больше и теперь открыл свои планы Вербицкому только в расчете на пополнение своих войск частями из временно-охотничьего отряда. Больше: Дудников даже отказывался от чести быть героем предстоящего события. Все равно с таким количеством людей ничего не сделаешь. Предлагал Вербицкому принять экспедицию под свою атаманскую руку. Вербицкий отказался. Заболел. Но пропорциональное участие офицеров своего отряда в предприятии принял.

Экспедиция выступила, имея на одну роту и одну сотню девять офицеров. Неинтересно, как ночевал отряд в станице Тарской. Раз в станице — значит хорошо. Без больших неприятностей для обеих сторон. Наоборот. С большими удовольствиями.

Из Тарской экспедиция взяла направление к горе Борахчи. Но по дороге попался хутор Цорх. Капитану Дудникову пришла неожиданная мысль — сделать обыск, т. к. он получил сведения, что именно «здесь находится постоянный укрыватель Зелимхана Габисов и легко допустимо присутствие самого Зелимхана».

Взяв по несколько казаков и наметив себе пункты, офицеры «с места в карьер бросились к хутору». Из одной сакли нападающих встретили выстрелами: «Очевидно, там засели абреки». Войска знали, что делать, войска хорошо помнили инструкцию — «если разбойники засели в сакле, то в саклю отнюдь не бросаться, а, засев от сакли подальше, занять ее огнем...»

«В непродолжительном времени перестрелка утихла, и оставалось только решить, перебиты абреки или затаились, ожидая удобного случая закончить достойным образом последние минуты. Посланный в расстрелянную саклю ингуш возвратился с извещением, что все убиты; тут же выскочила из сакли обезумевшая от страха и ярости женщина, которой и было приказано выносить оружие». Герои не рисковали войти сами, чтобы собственноручно захватить трофеи.

Классическое описание атаки дал в своем рапорте штабс-капитан Григорчук.

«Не доскакав шагов ста до нижней сакли, куда я держал направление, конь мой, не перескочив камней, преграждавших тропинку, полетел через голову вместе со мной, перебив при этом ложу моего ружья. Оправившись и поскакав дальше, я увидел, что сакля эта окружена даже в более чем достаточном количестве, а напротив, близ левой сакли,— беспорядочная толпа людей и лошадей; верхняя же и вовсе не оцеплена, а потому я выскакал

сюда, и в эту же минуту началась стрельба. Не разбирая в точности, из какой именно сакли открыт огонь, я, подьесаул Вертепов и Медяник решили, переправившись через Ассу, обскákat со стороны леса, дабы не дать возможности абрекам уйти по Алкунской дороге. Однако от речки я увидел, что, забравшись в лес, мы вовсе лишимся кругозора, а потому, выскакав снова к левой сакле, я бросил там коня казаку и пешком побежал к верхней сакле, которая совсем оцеплена не была. Попавшийся по дороге казак уверял, что из этой сакли производили выстрелы, а потому мы бросились к ней, но, убедившись, что, кроме перепуганных двух женщин и мальчугана, никаких абреков там нет, я солдат оставил здесь в виде оцепления, а сам перескочил к нижней сакле, откуда все время продолжалась по нас стрельба».

Жители притаились в саклях, трепетно ожидая конца перестрелки и последующих новых испытаний своей судьбе. Не выдержали казачьи кони. Тринадцать из них вырвались у

коноводов и ушли по Алкунской дороге. По окончании дела войска погнались за ними, но в версте от Цорха попали под выстрелы. Оказалось, что единственный оставшийся в живых, сын Габисова, призвав на помощь Сарали-Опиевских хуторян, устроил засаду. Тут-то «страх смерти взявшего на себя командование отрядом капитана Дудникова парализовал силы и знания отряда» (Вербицкий). Подьесаул Вертепов в своем рапорте уверял, что страх смерти овладел не только Дудниковым.

«Своим примером, — писал он, — я не мог заставить солдат выйти из балки... солдаты не шли за мной, оставаясь в балке... Капитан Дудников сам не шел с ротой и не пускал коноводов».

После такого конфуза отряд, «вместо того, чтобы уничтожить Цорх и двинуться на юг для овладения семьей Зелимхана, торопливо пошел через роковое ущелье, где был расстрелян разъезд первой сотни Кизляро-Гребенского полка», так как «башни, да и вообще представленный вам (Вербицкому) план действительности не отвечали. По крайней мере, я слышал, что сосновые леса, поляны и самые башни находятся не в этих окрестностях, а в направлении к Хамхинскому обществу».

Прямая цель отряда не была достигнута, зато был поддержан престиж власти и устрашено население. Недаром наказный атаман приветствовал в приказе дорогих терцев «со славным делом у хутора Цорх. Все чины полусотни как бы шеголяли друг перед другом сметливостью и выполняли возложенную на отряд задачу... Вам, живым участникам означенного дела, низкий поклон от всего Терского войска. Спасибо вам, что не посрамили казачества и седой славы предков своих».

Наместник Воронцов-Дашков, который левой рукой разрабатывал проекты земского и иных самоуправлений на Кавказе, твердо и властно предписал правой «жителей хуторов Цорх и Сарали-Опиева расселить по местам приписки и сверх того самые постройки хутора Цорх уничтожить».

В мае месяце Вербицкий выполнил предписание наместника. Как было не похвалить атамана Вербицкого за умелую и энергичную деятельность по умиротворению края!

И все же декабрьские газеты намекнули известием об уходе Вербицкого, трогательное описание дал сам генерал-лейтенант Михеев: «Первого декабря сего года войсковой старшина Вербицкий вошел ко мне с рапортом, в котором ходатайствует... Вполне сознавая всю тяжесть труда... Я, к сожалению, вынужден просьбе уступить... Говорю, к

сожалению, потому... Строгий и требовательный... войсковой старшина Вербицкий завоевал себе горячую любовь не только своих сотрудников, но и всего мирного населения области... От души благодаря... Утешаю себя одной мыслью, что те заслуги... и на новом поприще».

Новым поприщем значилось атаманство войскового старшины над Кизлярским отделом. Заменявший Вербицкого Веселовский обозначил функции отряда, как не имеющего «никаких ни полицейских, ни судебных, ни административных обязанностей; весь отряд и части его должны представлять собой лишь твердую воинскую силу, на которую смело и уверенно могла бы опираться гражданская администрация».

КИЗЛЯР

Под ударами временно-охотничьего отряда выковывались враждебные царской администрации силы Чечни и Ингушетии. Они шли к Зелимхану, чтобы организовать политически. Но по-прежнему недоверчивым, по-прежнему сторожим оставался Зелимхан. Как мюрид, требующий от посвящающегося в мюриды богоугодности, требовал Зелимхан от приходивших к нему доказательств такого ухода от мирного житья, после какого нет возврата к нему. В свое время полицейскому Сулейману он предложил убить Стрижова. Вновь обращающихся он экзаменовал набегами: добивался того, чтобы создать кадры абреков-профессионалов.

И мрачные дни похода Вербицкого ознаменовались рядом дерзких абреческих налетов во Владикавказе. На мельницу Проханова. На купца Резакова. На склад Кролика. На магазин Симонова. На часовых дел мастера Шихмана... Но все это было не то. Природа Зелимхана требовала мести крупнее. И 8 января 910 года в два часа ночи на платформе Грозненского вокзала неожиданно появилась шайка абреков. Сбили с ног уда ром приклада приемщика поездов, поставили своих часовых и бросились в помещение вокзала. Железнодорожный стражник выскочил им навстречу с криками о помощи, но тут же был тяжело ранен. Абреки открыли стрельбу по окнам, ранили другого стражника и принялись хозяйничать на станции. Оставив в покое телеграфистов, смиренно расположившихся под столами, они стали разбивать ломом железную кассу. Лязг железа, тревожные свистки паровозов и выстрелы нападавших разносились по мирно спавшей станице (Грозненской).

— Скорее, скорее,— торопили часовые,— паровозы свистят!

— Ничего, они всегда свистят,— отвечали им. Верхняя крышка кассы, наконец, была пробита, но под ней оказалась другая. Разбойники сломали лом и вытащили зубила хорошей кузнечной работы. Одна за другой были вскрыты две кассы, из которых взято 18 тысяч, и шайка скрылась через окно, высаженное молотом.

Некоторые казаки Грозненской станицы успели проснуться и встретили разбойников выстрелами, но в ответ раздались залпы из трехлинейных винтовок, которыми вооружены все абреки. Шайка уходила вдоль забора, перешла полотно дороги у будки, давши еще один залп на оклик, и усакала на лошадях, поданных товарищами.

Первым прибыл на место происшествия атаман Кизлярского отдела войсковой старшина Вербицкий, затем явились начальник отряда и начальник Грозненского округа. Организована была погоня, но, несмотря на присутствие самого воинственного Вербицкого, злоумышленники скрылись бесследно.

Корреспондент «Откликов Кавказа» описал налет, скупясь на слова и краски: «Окружив вокзал в два часа ночи, Зелимхан убил проходившего по станции машиниста, ранил двух стражников и, разбив кассу, увез 18 тысяч рублей».

Но разве эту меру отмерить Вербицкому? Сколько зла сделал Вербицкий Чечне, сколько зла сделал! Хорошо проучит его Зелимхан. Узнает Вербицкий, какая баба Зелимхан. Теперь Вербицкий в Кизлярском отделе атаманом, Зелимхан в Кизляр придет. Напиши, Аюб, письмо Вербицкому: «Жди меня, баба-атаман в Кизляре!»

Зелимхан задумал большое дело. Для него нужно совершить воинский марш, достойный, пожалуй, хорошего военачальника. И через Аюба и Саламбека крикнул клич по

Чечне и Ингушетии Зелимхан:

— В Кизляре банк есть, в котором много денег!

Местом сбора назначили лощину Чилы-Эрзы. В лесу за новыми Атагами. Подъезжающих из аулов встречал Зелимхан. Он один знал всех. Каждому давал он условное имя, заставлял укутать лицо башлыком и тогда направлял в лощину. Чтобы в случае плена или раны чьей-нибудь не выдавали друг друга, т. е. тех, которым удастся уйти от русских.

60 воинов собралось. Зелимхан, Аюб и Саламбек лучшие из них. Перед выступлением огласил абреческие правила Зелимхан:

—Ночью не курить.

— Винтовку держать в чистоте. — Лошадей под седлом.

—Мало говорить — много слышать.

— Никому не верить.

— Бороться со сном.

— Помнить, что всякая опасность может продолжаться самое большее полчаса: или тебя убьют, или ты убьешь — иметь терпение на полчаса.

На три части разбил Зелимхан отряд. Одну себе взял, вторую Саламбеку отдал, третью — Аюбу. Еще раз условился: в камышах около Кизляра встретиться. В Гари-Эрзы. Зелимхан через Гудермес пошел, Саламбек по нагорной Чечне через Наиб-юрт и Хасавюрт-Аюб за Саламбеком следом. Таков был зелимхановский рейд через земли кумыков, казаков и ногаев на Кизляр. Пьяный, виноградный Кизляр. Переезжая железнодорожную линию у Гудермеса, Зелимхан перерезал семафорный провод. Так, шутки ради. Под Кизляром, вдоль Терека, камыши, которые скрывают не хуже Ичкерийских лесов. В камышах поляны. Тоже, как в лесах.

Остановились. Ждали Саламбека. Аюба ждали. Из хурджина вынул погоны Зелимхан. Синие. Казачьи. С литерами: КГ — Кизляр-Гребенского полка. Для себя офицерские погоны достал Зелимхан.

—Будем въезжать в город по три человека в ряду.

Я впереди буду. Я за всех отвечать буду, если кто-нибудь спрашивать будет. Когда - какая-нибудь неудача — я выстрелю. Следом стреляйте все. Куда хотите, как хотите, все равно.

Въехали 9 апреля. Как условились — по три в ряду; Зелимхан впереди. Полковником. Встречные военные отдавали честь, и полковник принимал. Как условились, оставили заграждения на трех улицах, ведущих к казначейству. И каждый четвертый держал трех лошадей трех спешившихся товарищей. Вспомнили про возможность неудачи.

—В плен возьмем тогда... Кого-нибудь потолще... Чтобы выкуп тоже потолще.

— Держись, Вербицкий, теперь! Посмотрим, как ты меня у себя в зубах словишь?!

В 12 дня спешился Зелимхан у казначейства. Аюб и Саламбек с ним. Вошли:

—Руки вверх! — конечно, и еще: — Деньги!

В казначействе народ. Деловая публика, чиновники. Казначей Копытко сообразил. Смеялся же он совсем недавно над грозным письмом Зелимхана Вербицкому. С Вербицким смеялся. Решил посмеяться еще: захлопнул кладовую и выбросил ключи на улицу:

— Ищи — свищи, Зелимхан!

Зелимхан убил Копытко. Которые оставались на улице, решили, что надо стрелять. Уговаривались же. Вдоль трех улиц, протянувшихся от казначейства... Сотню лет не слышал сонный Кизляр такой пальбы. С тех пор, как подступал к стенам его первый имам Кази-Мулла.

Вербицкий принял письмо Зелимхана за шутку. Вербицкого не было в городе. В атаманстве. Начальник гарнизона выслал на тревогу две команды пехоты: одну на мост, перерезать путь к отступлению, другую к казначейству — на выручку перебитой уже казначейской охране. Но только Копытко и солдаты были перебиты там. Неугомонные Аюб и Саламбек, не глядя, стреляли по залу, пока выпрастывал Зелимхан в хурджины новенькую

медь. Заниматься кладовой было некогда.

Убитыми тоже.

—Стреляй, чтобы страшнее было!

Подоспевшая команда напоролась на засаду и, потеряв трех, остановилась. В этот день Кизляр потерял убитыми 19 и ранеными 4. За что? В казначействе не оказалось такого, кого стоило бы пленить. Вышли с двумя хурджунами денег, вскочили на лошадей. Поскакали

— На мост.

Занят мост. Солдаты на нем. Пострелялись с чеченами солдаты, и Зелимхан взял влево. Чтобы вплавь через Терек. Пустил в волны своих, сам на берегу остался: отбивать наступающую роту. Не оглядываясь, взывал к своим:

— Все переплыли?

— Джемалдин в реке еще!

— Пусть торопится. Ла илла-га иль-алла¹! — запевал Зелимхан, спуская курок. И опять: — Все?

— Все, все!

—

---

¹ Ла илла-га иль-алла (араб.) — нет бога кроме аллаха — первая часть формулы символа веры мусульман.

Ла илла-га иль-алла! — направил коня в Терек Зелимхан. Не останавливаясь, скакал Зелимхан до Акса. Там остановились делить добычу и, прощаясь, дали друг другу клятву не выдавать, что бы ни случилось.

—Волла-ги! билла-ги! талла-ги!

Кизлярский набег кончился неудачно. 60 человек унесли всего на 5 000 меди. Зато вновь восторженно заволновалась Чечня, которая умеет ценить каждый хороший удар по начальству.

—Зелимхан набег сделал. Зелимхан среди дня в город вошел. Зелимхан днем среди города стрельбу открыл. Зелимхан, пока переплывали Терек товарищи, один на том берегу стоял, один роту солдат отбивал. Молодец Зелимхан! Харачоевский Зелимхан! Слава ворочала ущелья, перекликалась с хребта на хребет. Полковник Вербицкий отсиживал кизлярское нападение в Грозном, в том же клубе, за картами опять же. И опять хвалился зелимхановским письмом:

—Думает — дурака нашел. Так я ему и поверю. Святослав, подумаешь, нашелся: «Иду на вы». Эти времена, милостивые государи, давно прошли. Не Зелимхану в Святославы играть.

Быть может, именно в этот момент зелимхановцы нашивали погоны Кизлярско-Гребенского полка на свои черкески или мирно спали в кизлярских камышах. К обеду настойчивый телеграф выстукивал ошеломляющее: «Днем... Шайка в 60 человек под предводительством... Примите...»

Меры приняли. Из самого Кизляра следом за абреками поскакал пристав Вариев. Дорогою и через мост. Как полагается всем уважающим себя честным людям. В Александрийской присоединился атаман станицы с 20 казаками. Тоже нагонять. Нагоняя, нашли печатку с надписью: «Магомет Али». Магомет Али — абрек Хасавюртовского округа. Был на каторге и бежал. Пополнил, значит, теперь зелимхановские кадры. Кизлярские городовые и александрийские казаки выбились из сил. Им на помощь подбросили все боевые силы Грозненского, Веденского и Хасавюртовского округов, Они заняли дороги и тропы, ведущие из Кизлярского отдела и Кумыкской плоскости в горную Чечню. Команда штабс-капитана Ардабьевского нашла след. Потребовала у старшины попутного селения содействия. И старшина посодействовал: направил Ардабьевского в сторону. По ложному

следу.

Абреки ушли, не потеряв ни одного из товарищей убитыми или плененными. Власти арестовали, правда, каких-то незадачливых горцев в Кизляре, в Хасавюрте, в Сагопше. Но из этих «участников нападения» не удалось сделать даже маленького дела о кизлярском ограблении. А немного дней спустя прислал Зелимхан благодарность участковому начальнику Абдул-Кадырову.

— За что?

— Твои люди разожгли костры у своих становищ и помогли ему не напороться на них. Баркалла, Абдул Кадыра сын!

Баркалла — чеченское спасибо. Это спасибо Зелимхан мог прислать не только Абдул-Кадырову. Вербицкому мог прислать. Аверьянову — помощнику его. Кто из них, так или иначе, не помогал Зелимхану?.. Вербицкий выждал в Грозном помощника начальника области князя Орбелиани и прокурора Зайцева, чтобы вместе с ними прибыть на место происшествия. Марш Зелимхана из Чечни в Кизляр изумил терских военачальников. А реакция Чечни на этот марш выростала в политическую угрозу. И канцелярия начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска поспешила объявить «во всеобщее сведение, что деньги, собранные населением Веденского округа в сумме 8000 рублей и предназначенные в награду за поимку или уничтожение разбойника Зелимхана Гушмазукаева, до сего времени хранятся полностью в депозитах начальника области, о чем неоднократно объявлялось населению. Несмотря, однако же, на то, что прошло уже более двух лет, а до сего времени не нашлось такого лица, которое выполнило бы эту задачу, а потому признается необходимым с одобрения наместника его императорского величества на Кавказе вышеназванную сумму, в случае поимки или уничтожения Зелимхана Гушмазукаева и его сотоварищей, выдать не одному лицу, а всем тем, кто тем или другим способом будет содействовать его поимке или уничтожению, по справедливой оценке их трудов и риска, которому они подвергались».

Терских военачальников поразил не только марш Зелимхана. Молодеческая беспечность атамана Вербицкого поразила их тем более: живьем же можно было съесть в Кизляре Зелимхана. А Зелимхан ушел, не потеряв ни одного убитого.

И Вербицкого предали суду. Не за насилие и расстрелы, чинившиеся им в Чечне. Не за грабеж и разорение Чечни. За бездействие власти. Аверьянова и Абдул-Кадырова тоже.

АССА

После Кизляра Зелимхан вернулся к семье, чтобы передохнуть. Но мысль о Турции тревожными предупреждениями стучалась в одинокую башню на пастбищах. Думал, что Кизлярское дело — последнее, что уйдет из России с кизлярскими деньгами и вернется, как Саттархан. Но от Кизляра, от 5000, что могло достаться каждому из шестидесяти! Новое удумывать надо. И Зелимхан сел на коня. Уезжал. Зелимхан разрабатывал новые планы. Говорил о них со старым волком Юсупом Датыхским, и однажды вдруг прекратил разговор:

—Волла-ги, билла-ги, Юсуп, я видел во сне, что ты скоро пойдешь мириться с русскими и предашь меня.

Юсуп кругленький, Юсуп весельчак. Он посмеялся зелимхановским словам и, расставшись с Зелимханом, через доверенных заторопил начальника округа:

—Скорее надо. Знает откуда-то Зелимхан...

Поиск капитана Дудникова кончился неудачно. Последующий майский поход Вербицкого имел целью выполнить предписание наместника: «Сверх того самые постройки хутора Цорх уничтожить»... Князь Андроников — новый начальник Назрановского округа. Новый начальник затеял новый поход. Князь — гвардейский офицер. Он только что прибыл к округ, за какую-то провинность, будучи лишен права продолжать службу в гвардии. Традиция установила для таких выходцев службу по министерству внутренних дел. Но старая гвардия умела сохранять свои привилегии: выходцы из гвардии направлялись на

Кавказ, управляющийся министерством военным.

Гвардейский князь подошел к вопросу, как военный. По его стратегии в горную Ингушетию войска должны были пройти со всех четырех сторон света. Чтобы отрезать Зелимхана от этих четырех сторон. Далее, так как опыт показал, что ни казаки, ни охотники, ни, тем более, пехота не приспособлены к условиям горной войны, гвардеец решил заменить казаков конными же дагестанцами. Сотней регулярного Дагестанского полка. Ведь преимущество дагестанцев еще в том, что, убей Зелимхан одного из них, остальные будут считать себя его кровниками. И в дальнейшем будут ловить Зелимхана как своего кровного врага.

Андроников развивал свои планы начальнику области. Начальник области — наместнику. Наместничество областям — Дагестанской и Терской. В письме к приятелю Андроников идеологически обосновывал свой поход:

«Мой святой долг, во что бы то ни стало, хотя бы и ценой жизни, уничтожить этого подлого труса — Зелимхана, нападающего из-за скал и горных тущоб».

В продолжение нового похода летом 1910 в Чечню перекочевала сотня Дагестанского полка с командиром штабс-ротмистром Данагуевым. Зелимхан опять писал письма. Перестань, мол, не дагестанское это дело — меня ловить. Все лето наместничество вкупе с областями провело в подготовке к походу. По просьбе Данагуева тифлисский губернатор, чтобы отрезать Зелимхану путь со стороны Артвин-Магала, откомандировал в Бийснийское ущелье пристава, стражников и летучий отряд. Общее наступление на Зелимхана повели 25 сентября. Из Владикавказа через хребет Шанкохж прошла рота Апшеронского полка, через Ассинское ущелье — сотня Дагестанского конного и сотня Кизляр-Гребенского полка, сотня милиции и пулеметная рота; из Грозного и Ведено через реку Фортангу прошли по две роты ширванцев и самурцев, из Тифлиса через Тионетский уезд был двинут батальон гренадеров, а из Телава — эскадрон драгун. К апшеронцам придали взвод саперов, чтобы взрывать зелимхановские башни-крепости, непокорные аулы и мосты, по которым смог бы уйти Зелимхан. Самый поход приурочили к осени. Ко времени, когда обнажатся горные леса, чтобы не укрыться под их одеялом ни Зелимхану, ни его семье.

Разве знали Бици и Зезык, что над ними собираются тучи? Они жили на Ангушт-Берче в хижине, выложенной для них мелхинцами. С высоты Ангуш-Берча видели они дальние аулы, безжизненные, серые. Дороги. Тропы. И близкие вершины гор. Зелимхан уехал, и с ними оставался маленький Бийсултан, которому без одного 15 лет, но который уже носил винтовку.

Ночью Бици услышала свист. Услышала и разбудила Бийсултана:

—Послушай, свистит кто-то.

Бийсултан за мужчину в этом доме. Бийсултан вышел из хижины. Прислушался, всмотрелся... Звезды. Очертания хребтов. И рокот. Ветра и волн. И больше ничего. Что еще видно и слышно в горскую ночь?

—Показалось.

Но зашуршал щебень на откосе, и насторожился Бийсултан. В черной ночи выплыл черный человек. Молчаливый. Только шуршавший щебнем. Он не ответил на оклик Бийсултана, и Бийсултан. выстрелил в него. Тайный человек скрылся в тайной ночи. Утром приехал Зелимхан. Утром рассказали ему там о ночном госте.

— Хорошо. Я буду сегодня около вас. День и ночь.

На следующее утро опять сказал Зелимхан:

— Еще три ночи я буду ждать гостя.

Когда еще три ночи не вернулся гость, Зелимхан перевез своих в лес. Еще две недели жили в лесу в наспех собранном шалаше. Жизнь брала свое: Бици шила новую черкеску к приезду Зелимхана, который сказал» уезжая:

—Не знаю, как без меня вы будете? Я, может, завтра умру; может, ночью. Отомстить бы только тем, что брата и отца убили.

Бици шила черкеску, Бийсултан пас коров и двух лошадей, а осень, хмураясь,

раздевала деревья. Встревоженный, прибежал домой Бийсултан. Рассказал:

—Пас. Влез на дерево... Посмотреть. Вижу в бинокль, что идут русские. Куда нам идти от них? Прибежала Фатима из Мелха:

— Идут русские!

Наскоро собрали вещи в хурджины. Хурджины на лошадей. Что не смогли, бросили в яму и засыпали камнями и травой... Как 60 лет назад их матери и бабушки. Когда собирались, подошел Эльберт. Тоже из Мелха. Помог. И тронулись. С детьми на руках, с детьми, державшимися за подола. До ночи прошли немного. Версты три. К подножью новой горы. Не подняться на нее ни детям, ни с детьми... Сбросили с лошадей вещи, сунули в хурджины ребят:

—Не бойтесь, милые! Сейчас приедем к отцу.

Утром хотели отдохнуть, и Бийсултан опять влез на дерево:

—Поедем дальше. Следят.

Ехали опять день, опять ночь. А за ними ползли солдаты: на заре снова увидел их Бийсултан... Их хватило на то, чтобы предъявить Дорийскому и Хамхинскому обществам требование выдать. Но разве могли выдавать цоринцы? Юсуп выдал четырех товарищей Зелимхана, бывших своих товарищей. Юсуп выдал их, старшины селений по его указанию задержали их. Князь Андроников призвал этих четырех к себе, князь окружил их штыками и пулеметами:

—Повешу! Как собак повешу! Как Нукку Домбаева повешу! Где Зелимхан?

Четверо посоветовались. Они знали, что нельзя предавать Зелимхана. Зелимхан — мужчина. Абрек Зелимхан. Женщин можно. С ними сейчас Зелимхана нет. А начальство все равно с женщинами ничего не сделает. Нет такого закона. Даже у царя нет.

В новое утро остановились женщины на берегу реки Ассы. Не перейти: бурная. А если переправиться, можно бы уйти, туда на гору — ни к ингушам, ни к чеченцам. Стояла на берегу высохшая от отчаяния Бици. Зезык стояла. Дети плакали, чуя опасность... Подошел человек. Не ингуш, не чеченец (так рассказывала мне Мэдди, до сих пор не знающая имени хевсуров), сказал, что русские будут стрелять. Попросили его не говорить, что видел их. Дали ему три рубля.

Над ущельем нахмурились тучи, в ущелье просыпался снег.

— Ой, беда! Безысходная беда!

— Попробуем вернуться. Быть может, найдем тропу, которая поведет за горы.

Были в галошах. Сбросили. Обмотали себе и коням ноги тряпками, чтобы солдаты не нашли по следам. Усталые шагали вверх. Нашли ложбину. Остановились в ней — скрыться от ветра, от снега.

—Развести костер — увидят, не развести — замерзнут дети. Ой, беда, безысходная беда!

Когда доставали из хурджинов остатки еды, увидели, как подошли к Ассе солдаты.

—Хорошо сделали, что мы ушли оттуда. Теперь бы мы попались им.

К вечеру русские развели костры. Пели песни.

—Разведем мы тоже. Они подумают, что это ихние костры.

Бийсултан долго

смотрел на костры русских, на своих около своего костра. Надумал:

—Что я буду с вами, как баба? Я уйду от вас. Не буду же я вместе с вами в тюрьме, а брат на воле. Уйду. Или его найду, или смерть.

Наконец, заплакала Бици. Зезык. Мэдди. — Останься! Как мы одни женщины да дети без мужчин будем? Кто знает, что с нами сделают? Не послушался Бийсултан: ушел в ночь с Эльбертом вместе. До утра плакали женщины, чтобы утром увидеть солдат совсем близко. Внизу, вверху, направо, налево. Всюду. Увидели, что окружены солдатами, у которых ружья на прицеле. На зелимхановских мальчиках шапки...

— Мама, сними их! Не то русские подумают, что с нами отец, и будут стрелять.

Сняла. Обвязала детские головы платками Бици. И села на камень.

— Будем ждать, что будет. Никуда не пойдем больше.

Скатали камень сверху.

— О, мама! Они боятся, что с нами отец. Скажи им, что мы одни женщины. Не то они убьют нас камнями.

— Я ничего не буду говорить. Убьют— пусть убьют. Хотя камнями.

— Если ты не будешь кричать, крикну я — они убьют мальчиков.

— Мальчиков?

Бици очнулась: что скажет Зелимхан, если она не сохранит мальчиков? Что сделает Зелимхан? Он уже потерял братьев и отца. Закричала Бици, но не отозвался никто: сидели, неподвижные. И закричала опять Бици:

— Если есть среди вас мусульманин — пусть придет. У нас нет ни ружей, ничего. Мы одни женщины.

Тогда скатились сверху двое. Ингуши. Бици встретила их:

— Я не ждала такой минуты. Эта — самая последняя и трудная минута для нас.

Ингуши были мусульманами. Ингуши — горцы. Они успокоили Бици:

— Не бойся, не так страшно, что вы попали. Где Зелимхан теперь?

— Мы не знаем, кто такой Зелимхан. Мы никогда не видели Зелимхана.

Подошли дагестанцы. Ингуши взяли на руки детей, дагестанцы — вещи. В их хурджинах пропала навсегда черная черкеска Зелимхана.

— Наконец-то мы вас взяли в плен.

— Это не большое дело, что вы нас взяли. Мы женщины. Мы дети. Попробуйте Зелимхана взять.

Когда подходили к Андрониковскому становищу, один дагестанец выбежал навстречу. К Мэдди, к пострадавшей семилетней Мэдди:

— Потанцуй-ка теперь, — начал он напевать и хлопать в ладоши. Мэдди отвернулась.

Бийсултану повезло. Абреческое такое счастье. Он встретил брата на склонах главного хребта, за которым ни ингуши, ни чеченцы. Брат не один. Четверо арестованных Андрониковым с ним. Бежали. Еще в Чечне узнал Зелимхан о походе. Он заторопился к своим, стремясь перегнать и не перегнал идущих через Фортангу конных дагестанцев и кизляр-гребенцев. Пеших ширванцев и самурцев. На Ассе он не смог пройти к семье: солдаты высмеивались по тропам; кишели на склонах. Он пробрался к Эшкал, в котором штаб отряда. К себе в саклю он вызвал ингушского офицера Шабадиева, который при отряде. Еще один ингуш был при отряде — капитан Курдиев. Его не вызывал к себе Зелимхан.

К себе в саклю вызвал офицера Шабадиева Зелимхан.

— Я — Зелимхан, решающий народные дела. Я - абрек Зелимхан, ты — офицер Шабадиев. Я служу народу, ты служишь царю. Я — чеченец, Шабадиев, ты - ингуш, Шабадиев, но мы оба мусульмане, горцы мы оба. Я хочу знать, кто ты больше: офицер ты больше или ингуш ты больше?

— Я — ингуш, Зелимхан. Я — горец, Зелимхан. Горец больше всего, Зелимхан!

— Это хорошо, что горец больше всего, Шабадиев. Ты знаешь, что я не убиваю горцев.

— Знаю, Зелимхан. Знаю, что ты не убиваешь горцев. Ты сам не убиваешь горцев. Но из-за тебя убивают горцев другие. Ты много зла сделал горцам, Зелимхан!

— Я много зла сделал?

— Ты много зла сделал. Сколько зла из-за тебя Вербицкий сделал! Сколько горцев расстрелял он! Сколько горцев из-за тебя в Сибирь послали! Ты знаешь, что теперь они добиваются выселить нас всех. Из-за тебя, Зелимхан!

— Ты образованный человек, Шабადиев. Если бы ты образованный не был, ты офицером не был бы. Верно? Разве они только теперь хотят выселить нас? Разве, когда мы были смиренные, они не выселяли нас? Разве с тех пор, как они пришли, они не хотели сделать нас смиренными только для того, чтобы быть хозяевами над нами? Ты образованный человек, Шабадиев, ты офицер. Шабадиев! Это очень хорошо. А твой отец кто был?

— Мой отец? Ингуш.

— Твоя жена тоже ингушка?

— Тоже ингушка.

— Твои дети тоже ингуши?

— Тоже ингуши.

— Что твой отец сказал бы, если бы увидел, что ты не по-ингушки делаешь? Что твои дети скажут, когда услышат, что ты не по-ингушки делал?

— Разве я не по-ингушки делаю, Зелимхан? Разве я не желаю счастья своему народу? Ты не знаешь, Зелимхан, что если бы меня при отряде не было, сколько зла еще Андроников сделал бы. Я в отряде, как заложник своего народа.

— Конечно, это хорошо, что ты, как заложник в отряде, но только для тебя хорошо это. Ты думаешь, что наши рады отряду?

— Было бы хуже для наших, если бы меня с отрядом не было.

— Было бы хуже для наших, если бы ты с нами был, Шабадиев? Было бы лучше для наших, если бы мы отряд совсем не пустили сюда.

— Было бы лучше, Зелимхан. Но что сделаешь? Россия — большой петух, мы маленький петух.

Э, Шабадиев, ты совсем свой народ забыл, ты не знаешь, что наши отцы говорили. «В лесу много кабанов», — пели они. Правильно это. «Но один волк разгоняет их», — пели они еще. Это тоже Правильно. Ты поел черного хлеба, Шабадиев — ты будешь плохой волк. Не мешай нам быть волками

— Я не мешаю, Зелимхан. Если бы я мешал, не я бы сейчас разговаривал с тобой.

— Если бы ты ингушом не был, я не говорил бы сегодня с тобой. Я не с офицером говорю. Я с Шабадиевым говорю. Я знаю, что теперь русских две тысячи в горах, а я один. Я все сделаю, чтобы не выпустить отсюда их.

— Что ты хочешь?

— Что я хочу? Если бы я мог донести две тысячи патронов. Я хочу донести две тысячи патронов.

— Не донести тебе, Зелимхан, две тысячи патронов.'

— Значит, ты не ингуш, Шабадиев.

— Ты что хочешь?

— Я хочу донести две тысячи патронов. Мы впятером донесем две тысячи патронов.

— Как впятером?

— Я и четверо, которые в отряде. Мы впятером.

— Ты хочешь, чтобы эти четверо помогли тебе. Но как я могу это сделать, Зелимхан? Если четверо попадут к тебе, я пойду под суд. Ты знаешь, что сделает царский суд с ингушским офицером...

— Кто посмеет тебя под суд отдать?.. Кто посмеет тебя пальцем тронуть, если мы за тебя?

— Князь. Андроников князь.

— Знаешь, Шабадиев, князь первый на божий суд пойдет...

...Бийсултану повезло. Он встретил брата на склонах главного хребта, за которым ни

ингуши, ни чеченцы. Четверо, арестованные Андрониковым, с ним. Бежали.

— Уо, тишаболх, Юсуп.. Не даром говорил мой старый волк, что он предаст меня. Не даром я сон такой видел, что он предаст меня. Зачем я его тогда не убил? Зачем я его только вчера убил? Мне давно надо было заплатить три копейки за его проклятый язык.

Семеро промерзли остаток ночи в соснах, которые низкорослы и корявы на этих высотах. Шел снег. Из-за снега развела костер Бици. Из-за Бици не разводил костер Зелимхан. А утром он срубил две сосны себе, он срубил две сосны Бийсултану. Он попросил остальных срубить по две сосны. Потом он взял Бийсултана и тиснул ему за пояс заостренные концы сосен. Спереди и сзади. Он втиснул себе за пояс заостренные концы сосен. Спереди и сзади. Он попросил остальных втиснуть себе за пояс по две сосны. Спереди и сзади. Склон кишел войсками. Вздрыбленные утесы, с которых кругозор, кишели ими. Они высматривали Зелимхана и восемнадцать тысяч рублей. К восьми чеченским начальство прибавило десять своих. Восемнадцать тысяч наследства оставил Юсуп, которого убил Зелимхан, которому три копейки положил он на губы:

— Пусть они будут платой ему.

Оставшиеся от Юсупа восемнадцать тысяч высматривали другие и не замечали, что сосны движутся. Не каждый из них читал «Макбета». Зелимхан тоже не читал «Макбета». Зелимхан только укрывался от пикетов, чтобы устроить отряду хорошую засаду...

...Андроников допросил Бици. Андроников допросил Зезык. Писарь, как полагается, записал все в протокол. За неграмотных расписались.

— Ты Зелимхана жена?

— Я Зелимхана жена.

— Сколько тебе лет?

— Я родилась, когда турецкая война была.

— Когда началась или когда кончилась?

— Когда началась, я совсем маленькая была: когда кончилась, я немного больше была.

— Сколько же тебе лет?

— Не помню.

— Поди поговори с нею. Все равно... Пишите 35.

— Где Зелимхан?

— Зелимхан уже месяц с нами не был. Не знаю, жив ли он; не знаю, умер ли он.

— Расскажи кому-нибудь другому... Где Зелимхан?

— Зелимхана уже месяц с нами не было. Не знаю, жив ли он; не знаю, умер ли он.

— Я повешу тебя и расстреляю твоих детей. Ты скажешь нам или нет, где Зелимхан?

— Начальник говорит, что он повесит тебя и расстреляет твоих детей, если ты не скажешь ему, где Зелимхан. Но ты не бойся; он не имеет права повесить тебя; не имеет права расстрелять твоих детей. Что он — бог, что ли? Я русские законы тоже немного знаю.

— Скажи ему еще раз, толмач, что я не знаю, где Зелимхан. Не знаю — жив он; не знаю — умер он.

Переводчик растерянно улыбнулся князю: что, мол, с этакой бабой сделаешь — не понимает.

— Ваше сиятельство! Она опять то же самое говорит: «Не знаю», — говорит.

— Ну, ладно. Заговорит в городе.

Бици и Зезык неграмотны. Если бы даже они грамотны были, они думали бы, что заработанное

Зелимханом — зелимхановское добро. Собственное, кровное. Так как зелимхановский труд — тягчайший. Они сказали Андроникову:

— У нас в лесу много вещей брошено.

С тремя сотнями людей пошел Андроников в лес: быть может, Зелимхан тоже в лесу. И с Бици тоже, чтобы указала. Выпростили из-под камней и трав захороненное. Андроников записал вещи в книжку и пообещал отдать все во Владикавказе: сейчас не может.

— Сейчас не надо.

Когда вернулись в Эшкал, Андроникова позвал ингуш Даут-гирей из Озига. Он что-то говорил князю, и князь позвал Данагуева. Они двое долго разговаривали с ингушами, с Даут-гиреем. И улыбались.

— Андроников приказал собираться, завтра утром в 9 часов. Андроников приказал еще: одному офицеру пойти в Нелх и в Эрш. Офицер взял немного солдат (маленький начальник, вероятно, был офицер) и ушел, даже ружей не взяли солдаты. Так пошли. А потом в Эш-кале слышно было, как гром ударил.

— Переводчик сказал, что маленький офицер большое зло сделал. Что маленький офицер разломал все дома в Нелхе и в Эрше.

— Как?

— Порохом.

Утром вышли из Эшкала. Дагестанцы впереди пошли с Бици и Зезык. Дагестанцы пели. Потом солдаты шли. Солдаты пели. В самом конце казаки ехали. Казаки пели. Все пели. Радовались.

— Наконец-то мы вас в плен взяли.

— Это ничего, что вы нас взяли. Мы женщины и дети. Вы Зелимхана возьмите.

— Зелимхана тоже возьмем: он там поджидает внизу, чтобы мы его тоже взяли.

— Где поджидает?

— Внизу поджидает. Вчера Даут-гирей Андроникову сказал.

— Уо, уо, что будем делать? Князь, не ходи туда! Он не такой человек... Он войска не испугается.

— Ничего... Сегодня я узнаю, каков твой Зелимхан. Он против царя пошел. Он царской власти признавать не хочет. Он царских доверенных признавать не хочет... Что он? Не знает разве, что когда он нас не слушается, он царя не слушается. Добился теперь своего: жену отобрали. Какой он горец, если у него жену отобрали. Сегодня его тоже возьмем...

...Говорил тебе, Бийсултан: молодой ты еще абреком быть. Чтобы абреком быть — волком надо быть. Ты еще щенок. Волчий щенок еще.

Семь пар сосен вползли на гребень скалистых гор, тех, которые перед главными. Перед снежными, за которыми ни ингуши, ни чеченцы. За скалистыми горами — казаки, русские станицы, города, тюрьмы, Сибирь...

— Только влезем, чтобы не видели они нас никак. Тогда Эльберт в Хамхи пойдет, тогда Эльберт лошадей приведет. Торопиться надо, чтобы хорошую засаду устроить. Эльберт привел коней. Верхами торопились по гребню горы, не спускались к Ассе, на дно ущелья.

— Уо, Эльберт, ты свободный человек, мы все абреки теперь. Тебе, Эльберт, на хутор надо пойти, ружья достать. Все равно какие. Винтовку никто не даст — возьми, какие дадут. Если крымские ружья будут давать—все равно бери.

Ехали шагом, но летели будто. Под ногами коней горы, и не висят над спиной серые скалы, летели будто.

—О, если бы отбить удалось. Отомстить—что! Отомстить всегда удастся.

Ранняя ночь настигла на скалах. Утром поехали дальше и остановились скоро:

—Здесь.

Внизу перекинулся через Ассу четвертый мост. Если с того берега от моста прямо идти, то на пригорок, на котором памятник. За пригорком хорошо сидеть, за памятником

хорошо сидеть. Совсем хорошо. Еще лучше будет, если на том берегу, на тех скалах тоже кто-нибудь сядет. Поделится. Трое здесь, трое туда пойдут. Если на пригорок, на скалу с памятником солдаты захотят приступом пойти, вы им в спину стрелять будете. Если не пойдут, тоже им в спину стреляйте. Дорогу вот мало видно. На этот кусок сколько их может войти.

— Сидели в засадах молча. О чем можно говорить в засаде? Ждать надо, рогатку для ружья строгать можно.

— Зелимхан, этого длинного черта я убью.

— Данагуева ты убьешь?

— Нет, Андроникова убью.

— Андроникова я убью. Андроников — начальник. Андроников моих в плен взял.

— Дагестанцы твоих к Андроникову привели — дагестанского Данагуева ты убить должен. Нас Андроников арестовал, нас Андроников ругал матерно, нас Андроников повесить грозился... Андроникова я убить должен. Воллай лазун, биллай лазун, я его убью.

— Воллай лазун, биллай лазун, ты Андроникова убьешь; воллай лазун, биллай лазун, я Данагуева убью.

— Правильно, Зелимхан. Волла-ги, я его убью, лишь только его лошадь передними ногами на мост встанет.

Поделились и замолчали опять. Кто знает, когда ряд пойдет. Эльберту сверху лучше видно, но не сверху кричать Эльберт. Не слышно. Асса громче кричит... Почему узнали, что приближаются солдаты? Солнце, что ли, темнее стало? Асса, что ли, по-новому крикнула?

— Тиш-ш-ш...

Насторожились". Съежились. Песню расслышали русскую. От песни Асса по-новому крикнула.

— Уо-о-о-о-ех-ех-ех!

— Не бойтесь... Мы будем стрелять в начальство!

Услышала Бици. Взмолилась Бици:

— О, алла, алла!. пожалей нас!

— Не вас мы будем стрелять, а начальство мы будем стрелять.

Лошадь Андроникова уже ступила передними ногами на мост. Азмат Цариев уже убил седока. Когда на поле война, тогда выстрелы, как плети удары; когда в горах, тогда будто всеми утесами черти швыряются. Данагуев скользнул с коня. Упал. Убитый будто. В офицерское сердце метил Зелимхан. Попал будто в офицерское сердце. Хитрый Данагуев. Упал так, чтобы голову за камни. Чтобы только голова не была видна Зелимхану. И пока стрелял Зелимхан в других, которые в засаде на этом берегу, расстреливали тело Данагуева из дробовиков. Полковника Курдиева убил бы еще Зелимхан. Ингуша, который за царя, за начальство. Потому что за царя он, потому что за начальство он, потому что за свой живот он, Курдиев еще в Эшкале зелимхановского Магомета пожалел; посадил на своего коня. Впереди посадил и теперь выставял Магомета вперед.

— Уо, Курдиев, ты у русских воевать учился!..

Точно горы рушатся, когда в горах война. Поначалу успели поставить Бици и Зезык за утес. И чтобы не убежали, дагестанца — около. Маленькие плакали. Дети потому. Дагестанец, у которого красные брови и зеленые глаза и в одной руке винтовка, другой рукой, корявой рукой, гладил Мэдди, утешал.

— Не плачь, не плачь... Скоро кончится война. Патронов не хватит у твоего отца... Не лохань же патронов принес твой отец...

Точно ледники рушатся, когда в горах война. Когда ледник обрушивается, тогда в ущелье льда глыбы. Сейчас в ущелье льда глыбы тоже. Солдаты, казаки, которые становились. Которым ни взад, ни вперед. Война впереди. С Зелимханом!

Один Афанасьев-поручик, который Эрш и Нелх взрывали, один Афанасьев

вперед ринулся. Думал, что Зелимхан, как Эрш и Нелх. Но как горы был Зелимхан, как рушащаяся скала придавил он Афанасьева. Убил. Когда в горах война, тогда скачет от хребта к хребту эхо. Война!.. — кричит.

На этот крик никто не прибежал. Зелимхан сам с русскими справится. Русские сами с Зелимханом не справятся. Зачем нам бежать? На этот крик никто не прибежал. Курдиев надумал ингуша послать за хаджи, которые в зеленых халатах, за стариками, которые ежатся сединой. Пусть придут, пусть Зелимхана просят не стрелять больше. Мало разве ему. А Мэдди заметила дагестанца, того, который ее в ставке Андроникова встретил. Заметила и подбежала к нему из-за скалы.

—Теперь ты потанцуй лезгинку,— в ладоши хлопала.

Хаджи пришли. Старики пришли... С вершины хребта смотрел Зелимхан. Внизу собирали убитых, раненых подбирали... Не лохань патронов принес он.

— Уо, Эльберт! Баркалла тебе, что крикнул ты. Разбил бы нас дагестанец этот. Как прополз он ложбинкой, что не заметили мы? Абреку нельзя об одном деле думать. Абреку сразу много думать надо. Вперед надо думать, назад надо думать, направо, налево думать надо. Молодец дагестанец этот! Хороший волк был бы в стае нашей. Один догадался со стороны к нам подлезать, другой никто не догадался. Две тысячи чертей было.

Когда посланный во Владикавказ прискакал, генерал Михеев рассердился очень и усы крутить начал:

—Я,— говорит... Потом ногами стучать начал об пол: Сломаю,— говорит, - Зелимхана не взяли, ингушей-абреков не взяли! Андроникова отдали, Данагуева отдали (куда он родится теперь?). Пять дагестанцев убито! Это ничего, на их место другие придут. Казак убит! Юсуп убит! Когда я на его место другого человека найду? Уо, волк и волчий сын Зелимхан! Тебя не взяли - тебя, как барана на блюде, принесут мне!

Так Михеев-генерал кричал. Все кричали тогда. Только не слышно было. В горах не слышно было. И Михеев-генерал, чтобы слышно было, приказал всех сельских старшин к себе собрать. В дом свой. Там одна комната есть. Большая и длинная. В ней дверей много. В одну дверь Михеев входит. В другую народ входит. В одну дверь Михеев уходит. В другую дверь народ уходит. Еще там стеклянные ящики есть. В этих ящиках черкески, медали, кресты. Волла-ги, билла-ги, золотых медалей и крестов много там. Это они за нас получили. Ну, ничего.

Когда Михеев-генерал старшин собрал, сказал Михеев-генерал старшинам:

— Я,— говорит,— вас назначил старшинами, и теперь вы отвечайте мне за весь ингушский народ. Царь и закон никогда не притесняли,— говорит,— ингушский народ. Наоборот. Царь льготы давал ингушам... А вы что делаете? Вы ни одной повинности не несете, вы много денег нам должны. А вы еще воруете, а вы еще грабите, вы еще грабежи и разбои устраиваете. Уо, аллах, аллах!.. Этого тоже мало. Харачоевский Зелимхан, абрек, у вас в гостях был, а вы начальству ничего не сказали об этом. Сам пророк Магомет сказал, что Зелимхан плохой человек, что Зелимхан нехороший человек. Разве это человек, пророк говорит, который правоверным столько зла делает, из-за которого столько несчастий правоверные терпят.

Волла-ги, билла-ги, русский Михеев-генерал так говорил:

— Вы против пророка идете,— говорил.— Вы харачоевскому Зелимхану, абреку, помогаете, вы вместе с ним на царские войска напали. Разве Магомет-пророк говорил, что на царские войска нападать можно? Около Цорха напали, на Ассе теперь тоже напали. Плохое дело вы делаете. Такое дело нельзя делать. Я любил вас, теперь не люблю. Наместник любил вас, теперь не любит. Довольно! Все довольно! Довольно, что мы с вас недоимки не брали. Довольно, что вы казачью землю в аренду берете. В две пятницы вы все недоимки заплатить должны. Если не заплатите, я опять к вам царские войска пошлю.

Казакам арендные деньги вы платили. Я все равно приказываю этот контракт порвать, все равно всех ингушей с казачьих земель вышлю. Если сами не выселитесь, я знаю, что я сделаю. Я войска опять пошлю, чтобы они все сломали у вас, как Цорх сломали, как Эрш и Нелх сломали...

— Михеев-генерал ногами стучать начал. Об пол. Потом усы крутить начал.

— Я требую,— говорит,— чтобы Зелимхана мне за две пятницы живого или мертвого отдали. Как барана на блюде.

— Уо, аллах, аллах!

— Какое дело такое дело? Вы просили меня, чтобы я вам хорошего пристава дал, я вам князя Андроникова дал. А вы что сделали? Вы Андроникова убили, а Зелимхану патроны даете. Какое дело такое дело? За это я вас... За это я вас старшинского звания лишаю. Снимайте цепи ваши старшинские, шашки снимайте, револьверы снимайте. Все отдайте помощникам своим и через две недели мне Зелимхана принесите. Если не принесете...— Михеев-генерал опять ногами стучать начал.

— Все, что я вам сказал, за две недели сделайте. Довольно! Так Михеев-генерал своим старшинам говорил. Тогда нам тоже слышно стало. Только наше какое дело? Пускай сами Зелимхана берут, если могут. А мы разве враги себе?

САЛАМБЕК ГАСАОДЖЕВ

Имели всего две недели сроку ингуши. На уплату недоимок. На выселение с арендованных казачьих земель... На поимку Зелимхана... Михеев-генерал не удовольствовался одним ударом, хорошим ударом по всему народу — начал бить по отдельным сельским обществам, придавленным весенней судьбой Цорха. Осенней судьбой Эрша и Нелха. К Сагопшу тоже:

— Выдать Саламбека или будет уничтожен Сагопш!

Склонились стариковские головы. Колючие, бритые.

— Выдать... Как же Саламбека выдать можно - наш он. Наш он — Саламбек, и не виноват он, что абреком стал.

Склонились стариковские головы. Уничтожат. Цорх уничтожили. Эрш и Нелх уничтожили.— Сагопш уничтожат. Разве им нашего добра жалко? Разве им наших жен и детей жалко?

— Пойдем к саламбековской жене... Подумаем.

Когда идешь в абреческий дом, думаешь, что это совсем иной дом, что даже свет в комнатах иной. Это мы так думаем. Старики нет. Старики знали, что саламбековский дом как все дома. Что за высоким плетнем двор, и во дворе сапетки для кукурузы, конюшня, хлев. Что плетнем низеньким,— перешагнуть через который,— отгорожен дворик чистый, в котором деревья и который перед домом, перед террасой, что вдоль дома. Над террасой навес, и под этим навесом вся летняя жизнь. Саламбековский дом как все дома.

Пришли старшие. Думать пришли. Рассказали. Молчала саламбековская жена, старики молчали: жене ли за мужа говорить? Старикам ли говорить, чтобы ингуш в царскую петлю пошел? Какой ингуш еще! Саламбек! Настоящий мужчина, абрек настоящий. Это — не воришка-абрек, это не убийца-абрек. Это такой абрек, который, когда убивает, точно сам аллах убивает.

Что могли сказать старики саламбековской жене. Рассказали только, что начальство говорило. На сходе. И разошлись. В октябрьские сумерки, которые еще теплы и ласкаются мягкими ладонями паутин. Старики рассказали жене, люди рассказали самому Саламбеку. И ночью пробрался к себе Саламбек.

— Жена, ты завтра в город поедешь.

— Зачем поеду? С кем поеду? Можно ли женщине одной в город ехать?!

Ты завтра в город поедешь. С братом поедешь, к Баширу-адвокату приедешь. Скажи ему... За что наши женщины будут страдать? За что наши дети будут... Как смеет

бить беззащитных начальство?! Только я не хочу, чтобы меня, как собаку, повесили. Как мужчина, я хочу умереть. К Баширу-адвокату приедешь, Баширу-адвокату скажи: пусть он пойдет к генералу, пусть генералу скажет, что я, Саламбек, не хочу, чтобы невинные страдали, что я, Саламбек, сам приду. Пусть только генерал слово даст, что не повесит он меня, что расстреляет он меня.

Саламбек сделал, как генерал сказал. Генерал сказал, чтобы Саламбек к начальнику участка явился. Саламбек явился. Генерал сказал, что Саламбека в город начальник участка привез. Саламбека в город начальник участка привёз. Все так выходило, как генерал обещал. Врал всякий, который говорил, что такой-сякой, нехороший Михеев-генерал. Седоголовый и черноусый.

Говорили еще друзья, что по дороге расстреляют Саламбека. Тоже неверно: живого привезли его в город. Наверное, чтобы на людях расстрелять Саламбека, чтобы показать, как начальство с разбойниками расправляться умеет. Ничего... Героем умрет Саламбек. Так умрет, чтобы начальству даже жалко его было. Если бы Зелимхан тоже так умер! Так тоже не хочет умирать Зелимхан! «Пока я все начальство...» — говорит. И к осетинам уехал: тяжело сейчас ингушам, новые доказчики у ингушей будут.

Зелимхан к осетинам уехал. В Алагир. Кто может подумать, что там Зелимхан. Саламбека во Владикавказ привезли. Чтобы расстрелять. Кто ждал, что Саламбек сам к начальству явится.

Башир-адвокат горец. Башир-адвокат мужеству цену знает. Горскому мужеству, которое может в черные глаза винтовкой смотреть. Молодец Саламбек! Настоящий мужчина Саламбек!

— Подумайте только.

— Да-а! Станный народ. Своеобразный народ. Михеев-генерал знал тоже мужеству цену. Когда еще кавалерийским юнкером был. С тех пор знал. Судьи тоже знали цену мужеству. Все они военные погоны носили. Тоже были юнкерами когда-то. Все знали цену мужеству. Разве есть человек, который ему цены не знает?.. Бесстрашный волк — Саламбек сагопшинский...

Саламбек в сердце города въезжал на черном коне.

Саламбек ужасом насыщал дома.

Саламбек, как ветер, тряс листву солдатских сердец.

Саламбек пристава Богуславского убил.

Саламбек на грозненскую станцию нападал.

Саламбек на кизлярский банк тоже нападал.

Саламбек сам на смерть пришел.

Бесстрашный волк, Саламбек сагопшинский.

Рыжим телом славит солдатские пули!

...Генерал обещал расстрелять Саламбека! Не значит это, что своими руками расстреляет он. Когда даже генерал смерть обещает — через суд обещает он ее. Какой бы большой генерал ни был, больше самого большого генерала — царский закон, книги которого как семьдесят семь Коранов.

Михеев-генерал приказал судить Саламбека. Военный полевой суд имел право назначить генерал. Расстрелять только не имел права. Военный полевой суд генеральское обещание выполнить.

Как на праздник, пришел на суд Саламбек. Знал он, что он герой.

— Они нас трусами называют — пускай посмотрят, как мы умирать умеем?

Все рассказал суду рыжий волк. И когда судьи совещаться ушли, или раньше еще, в их маленькие сердца стукнула зависть. Из их маленьких сердец большая зависть вылилась.

— Помилуйте... Расстрел — почетное наказание. За что этому зверю такой почет? Я понимаю, если бы еще он был военным... Даже по закону мы не имеем права.

Во дворе владикавказской тюрьмы повесили палачи бесстрашного Саламбека сагопшинского. Как собаку...

В Сагопше тоже образованные люди есть. Бывший переводчик есть. К нему пришла жена Саламбака.

— Как же так, что повесили мужа? Разве есть такой закон, чтобы генерал слово не выполнил? Разве есть такой закон, чтобы повесили человека, когда его убить должны?

Долго объяснял переводчик, какие-то законы у русских есть.

— Но разве есть такой закон, чтобы повесили человека, когда его убить должны?..

— Странный народ... странный народ... — переводчик сказал, саламбакаевой жене вслед глядя.

АЮБ ТАМАЕВ.

В феврале 1911 года из Ростова-на-Дону во Владикавказ приехали какие-то два студента из анархистов.

Студенты приехали во Владикавказ. Рискуя попасть под одну крышу с Бици и Зезык, они связались с ингушами. С Зелимханом, который был в Алагире.

Не понимал долго Зелимхан, зачем он нужен студентам, — шпионы, может быть.

— Нет, это такой народ, который бунт делает.

— Против царя?

— Против царя, против начальства, против купцов.

— Значит, русские тоже такие есть, которые их не любят?

— Сколько хочешь. Студенты — все.

На хуторе под Владикавказом Зелимхан долго не выходил к гостям. Послал разведчиков на Владикавказскую дорогу, на Тарскую дорогу послал.

— Не спрятаны ли где-нибудь войска?

Войск не было, и Зелимхан приехал на хутор. Долго оглядывал непривычных людей, которые как обыкновенные люди. Переводчик рассказывал Зелимхану:

— Они много слыхали о тебе. Про тебя вся Россия знает. И удивляется. Молодец, говорит, Зелимхан, который царское начальство бьет. Они тоже царское начальство бьют и говорят, что в России таких много. Царь не только чеченцам зло делает. Царь всем, которые много денег не имеют, которые фабрик и заводов не имеют, всему трудовому народу плохо делает. Царь с генералами и купцами заодно. Им всем выгодно, чтобы трудовому народу плохо жилось. Поэтому весь трудовой народ добивается, чтобы царя не было, чтобы генералов не было, чтобы приставов не было, чтобы купцов не было. Тогда трудовому народу легко жить будет, когда их не будет. Чтобы их не было, их всех убивать надо. Когда всех убьют, тогда хорошо будет.

Зелимхан соглашался с этой нехитрой логикой нехитрых людей. Ведь и сам он бедных людей не трогал. Сам он только начальство убивал. Анархисты показали ему, как бросать бомбы. Анархисты дали ему печать и свой красно-черный флаг. На печати: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан».

Зелимхан и анархисты расстались друзьями. Зелимхан только теперь почувствовал свою связь с тем, что глухо рокотало в России. Но остался тем же Зелимханом, не знающим твердых организационных форм революционного движения.

Организации не научили Зелимхана анархисты.

Когда Зелимхан Андроникова убил и Данагуева негодным человеком, сделал, наместник испугался очень и Казаналипова позвал.

— Плохое дело такое дело, — так говорил. — Что будем делать?

— Плохое дело такое дело. Что будем делать, не знаю, — Казаналипов сказал.

— Когда не знаем, что будем делать, тогда еще хуже дело. Ты дагестанский человек, ты лучше знаешь, что надо делать. Я не здешний человек. Я русский человек. Ты тогда сказал, что одну сотню надо, чтобы Зелимхана поймать. Я так думаю, что целый полк надо.

Казаналипов дагестанский человек был. Бек. Говорят люди, что он самого московского царя в лицо видел. Ему стыдно, что один чеченец столько дагестанцев побил.

«Один полк тоже мало будет»,— Казаналипов так подумал. Так подумал и потом наместнику так говорил:

—Надо Моргания-полковника позвать. Он дагестанскому полку начальник. Он лучше знает,

Пришел Моргания-полковник.

— Плохое дело такое дело, когда наших солдат Зелимхан-джигит бьет. Надо такое дело придумать, чтобы нам Зелимхана убить.

— Зелимхана трудно побить, потому что такой весь народ там, как Зелимхан.

— Трудно такое дело сделать,— наместник так говорил.

— Теперь трудно — потом легко будет. Дай мне дагестанский полк, я тебе Зелимхана поймаю. Дай мне казаков еще таких, которые верхом ходят, таких, которые пешком ходят,— я тебе в сто раз скорее Зелимхана поймаю.

— Возьми,— наместник говорил.

Взял Моргания-полковник и в Чечню пошел. Месяц прошел — Зелимхана не поймал, два месяца прошли — Зелимхана тоже не поймал.

—Плохое дело такое дело,- так думал.- Трудно—так думал.- Весь народ абрек здесь,- так думал. - Доказчиков надо искать,— так думал.

Пришел доказчик к полковнику, вытер порог у полковника своим языком.

—Сколько заплатишь, полковник? — Я узнаю, где Аюб будет.

—Ничего не заплачу, доказчик. Нам не нужен Аюб — нам Зелимхан нужен.

—Сколько заплатишь, полковник? Мне много не надо за Аюба.

— Ничего не заплачу, доказчик... Нам не нужен Аюб.

— Сколько заплатишь, полковник? Мне много не надо за Аюба.

— Сто рублей заплачу, доказчик. Больше не дам ни одной копейки.

—Ты хороший человек, полковник. Ты кавказский человек, полковник. Ты наш. За сто рублей я дам тебе Аюба.

День прошел, два прошли — не идет доказчик.

—Мало я ему дал,— полковник, так говоря, думал.- Надо было больше денег пообещать, тогда пришел бы доказчик.

А к Зелимхану из Владикавказской тюрьмы пришли, которые у Кеклхоевых были, которые у Нелхоевых были. Кеклхоевы и Нелхоевы тоже в тюрьму пошли,— Кеклхоевы, Нелхоевы за Бици и Зезык в тюрьму пошли, за Зелимхана. Начальство так сказала:

—Все равно им теперь жить негде. Домов нет теперь у них.

Которые у Кеклхоевых и Нелхоевых были, к Зелимхану пришли.

—Твоих в тюрьме кормят плохо. Твоих в тюрьме мучают. Спрашивают, где твой муж Зелимхан.

Зелимхан ничего не сказал. Только губами задергал. Зубы показал, засмеялся.

Переводчик хороший попался, сам ей говорит: - Не говори, говорит. Все равно ничего не сделают. Не думай, говорит, что если офицерские погоны положил на свои плечи, так он, как все равно бог.

— Ты знаешь, кто у вас грамотный человек. Позови ко мне грамотного человека.

Пришел грамотный человек.

— Уо, селям алейкум, Мухтар! Пожалуйста, письмо надо написать к Михееву-генералу. Напиши ему, чтобы не мучил моих детей.

— Так нельзя, Зелимхан. Хотя он генерал, ему вежливее письмо надо написать. Я ему так напишу: «Милости государь».

— Хорошо. Вежливое письмо напиши ему.

«Милости государь терском области начальник заявляю вам известная человеку котора выдают ужасы кавказ».

—Ты что написал?

— Я написал: «Милостивый государь, начальник Терской области. Я известный человек, из-за которого много ужасов видел Кавказ».

— Очень хорошо написал, Мухтар. Дальше еще пиши.

«Царистских вополна поченонимы которая нарушают волосты во головия их стоит твоимат».

— Что ты написал?

— Я написал: «Царю, которые вполне подчинены, нарушают власть, и во главе их ты...»

— Очень, хорошо написал, Мухтар. Дальше пиши.

«Устроют жезна толка себе не люде. Ми мирна хотел. Ты сажая наших жена плен и мучат моих бедных людей. За то я твой дочка, котора Реданте борцы Шалакс плен».

— Ты что написал?

— Я написал: «И устраиваете хорошую жизнь только себе — не людям. Я хотел жить мирно, а ты взял в плен мою жену и мучаешь моих бедных детей. За это я твою дочь, которая ездит на Редант с борцами, вместе с самим Шарлем Аксом возьму в плен».

— Уо, Мухтар, хорошо написал! Очень хорошо. Скажи, пожалуйста: этот Шарь Акс сильный человек? Смешно будет, когда такого человека в плен возьмем. Пускай сам Михеев за него выкуп платит. За зятя. Уо, ха-ха-ха-ха! Теперь печать надо поставить. Еще бумага есть?

Достали еще бумагу и обожгли печать.

— Вот тебе, Михеев-генерал, одна печать; вот тебе, Михеев-генерал, еще одна печать. Письмо пошло во Владикавказ. Пришло к Михееву, а к Бици пришел Степанов-генерал, Михеева помощник.

— Генерал просит узнать, не плохо ли вам здесь?

— Кто-нибудь говорил здесь, что хорошо ему?

— Генерал просил узнать, может быть, вам надо что-нибудь?

— Нам все надо. У нас все вещи пропали... Андроников сказал, что во Владикавказе отдаст... И не хотим черный хлеб есть.

Генерал сказал, чтобы дали им все...

...К Моргания-полковнику доказчик опять пришел.

— Скоро — хейт-байрам¹. Каждому человеку по-праздничному поесть хочется.

— Ну, а мне какое дело?

— Аюбу тоже по-праздничному поесть хочется. Аюба отец быка резать будет.

Моргания-полковник горский князь был. Из Абхазии. Он не любил, когда человек за праздничную еду предает.

— Ты тоже хочешь к хейт-байраму быка зарезать?

— Я завтра буду к хейт-байраму быка резать.

— Я сегодня денег тебе не дам. Когда Аюб будет - тогда и деньги будут.

— Знаю, полковник. Ты думаешь, мне деньги на быка нужны, ты думаешь, у меня лишнего быка без твоих денег нету? Когда Моргания узнал, что доказчику деньги не на быка нужны, сказал он:

— Я своему атагинскому офицеру скажу, чтобы он, когда ты придешь, за тобой пошел.

Доказчик к атагинскому офицеру вечером пришел. А лицо башлыком укутал.

— Пойдем,— сказал.

Кибиров-офицер по тихой тревоге казаков собрал. Приказал тихо идти. Чтобы никто не видел, идти. Чтобы никто не слышал, идти. Приказал еще в другую сторону идти. За село. Тамаевские дома на краю селения тогда были.

— Мы кругом стогов пойдем к Тамаевым.

Хейт-байрам (тюрк.) -- Мусульманский праздник

Тамаевские дома на краю селения тогда были. Хейт-байрам — жертвенный байрам.

Тамаевы утром быка зарезали, быка выпотрошили, освеживали. Большой праздник, хейт-байрам. Обычай, чтобы мясо беднякам раздавать. Роздали Тамаевы, доказчик у себя дома тоже роздал. Благочестивые мусульмане Тамаевы. Доказчик тоже мусульманин был. Он Кибирова-офицера к тамаевскому дому привел и рукой указал:

— Здесь.

И ушел потом, не развязав башлыка на голове. Офицеры не видели его лица. Казаки не видели. Как тихо подошли, так тихо окружили казаки дома. За плетнями спрятались. В кустах. Утром выглянула в дверь женщина. Абреку нельзя из дому выйти, чтобы прежде не выглянул кто-нибудь. Выглянула в дверь женщина и отпрянула. Заперлась опять. Насторожились казаки. Сто пятьдесят их было, а как будто никого не было, не знали Аюб это, не Аюб это, когда он дверь распахнул и посмотрел. Чтобы узнать, бежать куда. Казаки узнали, что Аюб это, когда винтовку у него увидели.

— Стой!- Долидзе-офицер крикнул.

Если бы Аюб сейчас Долидзе-офицера убил, тогда убежал бы сразу. Может быть. Но Аюб сейчас стрелять не мог. В доме за спиной женщины были, дети, старики. И прыгнул с балкона под дерево Аюб.

— Сдаться тоже нехорошо — повесят.

И побежал Аюб. К соседям во двор. Чтобы от них к другим соседям. От других соседей к другим соседям. Через плетень, еще через плетень, еще, еще. Под деревьями. Аюб бежал между двумя рядами казаков, которые залегли под деревьями тоже.

Уо, трах-тах-тах. Уо, уо! уо!

— Э, гяур!- Аюб тоже стрелял.

Аюб бежал. Казаки сзади за ним гнались.

— У-лю-лю!

Одна пуля Аюба пронзила. Другая пронзила. Третья. Но бежал Аюб. Через плетни. Мимо сапеток. И приглушенных ставнями праздничных домов.

— Хейт-байрам — жертвенный байрам.

И когда Аюб пять дворов пробежал уже, из земли перед ним два казака выросли. В упор. После этого Морганья-полковник начальнику области такое письмо написал:

«Прошу,— написал,— разрешить мне препроводить командиру Кизлярского Гребенского полка,— написал,— для украшения полкового собрания,— написал,— как память о доблестях казаков 6-ой сотни,— написал,— трехлинейную винтовку № 14148,— написал,— найденную при убитом ими 1-го марта абреке Аюбе Тамаеве».

Так Морганья-полковник написал, и начальник области разрешил ему, а Кизлярского Гребенского полка командир винтовку в офицерском собрании повесит... Чтобы знали люди, что герои они.

КЕРКЕТ.

Теперь Зелимхану сказали, что скоро его жену в Сибирь пошлют. Его детей тоже в Сибирь пошлют: Муслимат. Энист, Магомета, и Омар-Али, Ахмата, который в тюрьме родился, тоже в Сибирь пошлют. И Зезык с Солтамурада сыном — Ломали. И Кеклхоевых. И Нелхоевых. Сказали еще, что в тюрьме лучше, когда деньги есть. Зелимхан сам знал, когда лучше в тюрьме. И к Бетыр-Султану приехал. Потому, что письмо написать надо.

— В Грозном купец есть богатый. Шавелов-купец. Ему надо писать, чтобы деньги прислал.

Пришло назначенное число, и Зелимхан в назначенное место пришел. У подножия Сюра Керт, около хуторов Курумовских.

Не прислал Шавелов денег. И Зелимхан к Бетыр-Султану приехал, чтобы Бетыр-

Султан опять письмо написал. И опять Шавелов не прислал денег.

Тогда Зелимхан к Джемалдину пришел. Сказал, чтобы Джемалдин волов в арбу запряг.

— В Грозный поедем.

Тогда Бетыр-Султан верхом на коня сел и тоже в Грозный приехал. В городе он коня к дереву привязал. На бульваре, который межой был для станицы. А сам в сторону отошел. В городе Зелимхан около базара с арбы слез и через мост к городскому саду пошел. Зелимхан около шавеловского дома остановился. В открытые окна ковры и зеркала видны. Видел еще черный ящик, который ребром стоит и на котором играют русские. Картины видел.

Грохот Зелимхан уже позади себя слышал. Когда на коня вскочил, тоже грохот слышал. Коня на чеченскую сторону погнал — еще слышал.

— Жалко, что мало дали мне студенты бомб. Хорошо стреляет. Сильнее, чем пушка стреляет.

Народ к городскому саду бежал, Джемалдин и Бетыр-Султан на волах к горам ехали.

— Хорошая бомба была. Я на базаре ее так слышал, будто около меня она выстрелила.

— Если б мы образованные были, какие бомбы мы делали бы. Все это они придумывают.

— Уо, Бетыр-Султан! Воллай лазун, биллай лазун, ты верно говоришь.

— Недаром, Джемалдин, я в тюрьме сидел и грамоту знаю немного... Остановись, скажут за Зелимханом. Ярмо надо быкам поправить...

...Под одеялом родных лесов нашел Зелимхана другой Джемалдин. Пшемах-Джемалдин.

— Есть дело, Зелимхан.

— Хорошее дело?

— Хорошее дело.

Джемалдин рассказал. Пшемах-Джемалдин. И Зелимхан на Джемалдина долго смотрел.

— Какой такой Джемалдин стал? Раньше абрек был. Потом мирный стал. Теперь абреком опять хочет. В сторону тоже посмотрел Зелимхан.

— Если такого человека, который самому наместнику зять, в плен возьмем, тогда Бици и Зезык обратно приедут.

— Хорошее дело, Джемалдин. Большое дело. Спасибо, Джемалдин. Вместе сделаем.

Джемалдин от Зелимхана слух понес по Чечне — царское шоссе инженерная комиссия осматривать будет. Инженерная комиссия много денег везет. В инженерной комиссии один инженер — наместника зять. Зелимхан его в плен возьмет. Зелимхан за него большой выкуп возьмет. Такой слух от Сеида тоже шел. Сеид на дороге мастером работал. У Сеида в доме Кибиров-офицер жил. Если Сеид говорит — знает, значит.

— Инженерная комиссия...

А 1911 года сентября 11 дня: «Я, помощник начальника Гумбетовского участка, коллежский регистратор Саадиев, составил настоящий протокол в следующем:

В 2 часа ночи на 16-ое сентября мною получена записка от делопроизводителя Андийского окружного управления Башкова, что на Андийской пастбищной горе Азал, около 2-ой казенной будки от Ботлиха в Ведено, на инженерную комиссию и команду Дагестанского полка напала шайка Зелимхана и ограбила их... Вследствие этой записки я выехал на место происшествия, тотчас же выставил по всей границе Терской области строгий вооруженный караул. Прибыв к 4 часам утра на место, нашел в закрытой со всех сторон горными гребнями ложине, в одной версте дальше от 2-ой инженерной будки и в

1700 шагах от границы Терской области, т. е. на Хоевских общественных покосах по царской дороге... Убиты: производитель работ, контролер, ротмистр Дагестанского конного полка, 10 всадников и 1 разбойник, две лошади. Ранены две лошади, вахмистр Дагестанского конного полка, дорожный мастер и два ямщика.

Допрошенные пастухи-андийцы, находившиеся в 3—4 верстах от места происшествия, жители селения Анди, показали, что в 10 часов утра 15 числа на Хоевских покосах и на вершинах Абдул-Индук видны были верховые всадники, разъезжающие по хребту. В полдень они исчезли. Спустя часа два послышались выстрелы. Растерявшись и боясь, что баранта их будет похищена, они не смогли оповестить о происшедшем жителей Анди и помощника начальника Гумбетовского участка.

В 5 часов утра 16 сентября с рассветом я отправился по следам: разбойники с места происшествия вернулись той же дорогой, по которой пришли—до самой вершины Абдул-Индук, где остановились и перевязали раненую ногу брата Зелимхана. Вся дорога от самого Ботлиха до места происшествия видна с вершины этой горы. Когда комиссия проехала 2-ю будку, разбойники спустились с вершины в ту лощину, где была устроена засада.

Далее от Абдул-Индука следы разбойников дошли до селения Ихарой. Отсюда они спустились в Хоевское ущелье. В селении Ихарой я узнал, что подполковник Чикалин освобожден из плена и бежал на инженерную будку Эйзенам, расположенную у селения Хой. Прибыв к подполковнику Чикалину, я застал там сотню Дагестанского конного полка с ротмистром Котиевым. Чикалин показал: освобожден он от разбойников в одном из ближайших к будке селений, воспользовавшись темнотой и суматохой, происшедшей между разбойниками и жителями селения, которое оказалось селением Макажой. Писарь этого селения Мусалов и почетные люди •Яса Галаев, Гамзат Омар-Оглы и другие видели около 7 часов вечера, что из с. Ихарой спускаются разбойники, и вышли к ним навстречу, стараясь задержать их. Безоружные, они ничего не могли сделать с ними, но освободили подполковника Чикалина. По их словам, разбойники направились далее на запад к Шару-Аргуну, но по доносам тайного доказчика, они приняли направление из Макажой на север, в селение Арой-Аул: по дороге до этого селения были найдены те же следы, которые вели с места происшествия. С вершины покосов селения Арой-аул дорога разветвилась: на селение Ригахой и вершину горы Кашкат. Следы разбойников пошли на вершину; не поднявшись до вершины, следы спускались по крутой балке на хутора селения Ригахой прямо на север. Далее следы были доведены до центра селения Ригахой и далее к селению Мохки, где застали убитыми брата Зелимхана и другого разбойника. По словам всадников, охранявших трупы, разбойники наткнулись на поджидавшую в этом месте команду 2-ой сотни Дагестанского конного полка, и в перестрелке были убиты эти два разбойника, 2 лошади их и одна лошадь всадника, отбито 9 винтовок, чемодан и 2 лошади. Зелимхан с остальными товарищами пустился бежать по маленькой тропе, ведущей в селение Хотины, а команда возвратилась в селение Мохки по другой дороге. Ввиду того, что ротмистр Котиев отправился не по следам разбойников, а в селение Мохки и сотник Гасанилов не пожелал отправиться без разрешения командира далее по следам разбойников, я, ввиду приближения ночи и за неимением с собою всадников, взял направление на восток на Ригахоевские хутора, где переночевал. На 17 число, утром рано, объехав все Ригахоевские, Чермоевские и Харачоевские хутора, прибыл на 1-ю будку от Керкетского перевала на Ведено. Дорогою от разных пастухов узнал, что с 11 сентября до 13 разбойники находились на Чермой Ламе и на горе Ара и 14 числа оттуда исчезли.

Зелимхан, будучи оповещен кем-либо из агентов о проезде комиссии инженеров, заранее, еще с 11 числа, появился на высотах Чермоевских и Ригахоевских гор, посылая своих товарищей и агентов узнать, где лучше и надежнее ему устроить засаду. Увидев, что до озера Эйзенам дорога оберегается строгим караулом, Зелимхан нашел также через своих агентов удобное место и, перейдя 14 числа через Макажоевскую землю на Хоевские покосы,

переночевал там и с утра 15 числа с вершины Абдул-Индук наблюдал за проездом комиссии из Ботлиха. За полчаса до прибытия комиссии на вторую будку он с шайкою спустился в лощину, где устроил засаду. Как инженерная комиссия, так и все дорожные служащие были оповещены об устройстве засады, но ни она, ни находившиеся в горах, пастухи не дали знать своевременно об этом начальнику участка».

Так написал Саадуев-пристав. В «деле» еще больше написано. Там так написано, что инженерная комиссия из Ботлиха 17-го утром выехала. Долидзе-офицер с нею был. Двенадцать дагестанцев с нею были. Чтобы не видно было, что дагестанцы это, Долидзе на них вольную одежду надел. В первом фаэтоне пять дагестанцев сидели. В последнем фаэтоне тоже пять сидели. И по одному на двух фаэтонах сидели, на которых инженеры ехали. Когда из сторожки выезжали, русский подрядчик Илев вахмистра Магомаева позвал.

— Эй, кунак, надо вперед дозорных послать. Вахмистр сказал, что надо послать, и двух дагестанцев позвал.

— Впереди засада есть. Вам надо на разведку пойти.

Вахмистр так сказал, и дагестанцы пошли. Двое. Долидзе-офицер увидел. Долидзе-офицер рассердился очень.

— Не надо,— говорит. Садитесь, и поедем,— говорит. Когда к повороту подъехали, из-за поворота Зелимхан вышел. В очках, бороду покрасил.

— Ложись! Винтовки бросай! Стрелять будем!

Долидзе храбрый офицер был. Только думал мало.

— Не такие мы! — крикнул и на дорогу спрыгнул.

И в Зелимхана выстрелил. В это время Джемалдин сзади к Зелимхану подошел. Джемалдин Зелимхана сзади схватил.

— Конец тебе, Зелимхан! Славный харачоевский Зелимхан!

Джемалдин думал, что глупый Зелимхан. Но сверху в Долидзе выстрелили, сверху в Джемалдина тоже выстрелили. Долидзе упал. Джемалдин упал. И Зелимхан к своим вскарабкался.

— Эх, вы, неба враги! Вы меня обманом поймать хотели?!

Другие ушли бы, офицера потеряв. Чеченцы тоже ушли бы, если бы Зелимхана убили. Но дагестанцы крепкий на войну народ; горский народ. Два часа они стреляли, два часа Зелимхан стрелял. Пока не полегли на дороге и в лощине, что около нее, все враги его. Один полковник Чикалин жив остался. В протоколе так написано:

«Полковник Чикалин был ранен и, теряя сознание, заявил, что он умирает».

К нему подошли абреки и на освободившегося джемалдинского коня посадили:

— С нами поедешь. Который из мертвых заместника зять?

— Наместника зять в Карадахе остался. Не поехал с нами дальше заместника зять. Заболел.

Потом бежал полковник, когда за Зелимханом дагестанцы гнались. Всех убитых в Ведено привезли и доктора тоже туда приехали. Убитых смотреть. Ротмистра Долидзе — умеренного телосложения и хорошего питания был. Статского советника Войтченко — умеренного телосложения и довольно хорошего питания был. Инженера Орловского — крепкого телосложения и довольно хорошего питания был.

Трупы всадников дагестанского полка — телосложения крепкого и питания довольно плохого были. Труп не известного абрека, прозванного Пшемахо Ирбахиевым, имел 28 огнестрельных ран, из которых только 11 на задней стороне тела. И спереди стреляли в Джемалдина. Сзади стреляли в Джемалдина. Для всех чужой Джемалдин был.

Когда Зелимхан в Мохки на разъезд наткнулся и когда убит был Бийсултан, для которого Зелимхан единственным братом был, Зелимхан с коня спрыгнул и в пропасть бросился. Скользнул по склону на травянистое дно ее. Засада вперед стреляла. Вдоль дороги. А Зелимхан низом уходил от нее.

Коня своего оставил, винтовку, сумку. В сумке нашли: смену белья, бинокль,

электрический фонарик, печати и лом. Удобства абреческого житья.

Керкетские дни обозначались поворотом на пути борьбы с национально-освободительным движением. С абречеством. В разгар керкетских событий приехал в Грозный Шатилов. Помощник наместника по военной части, которая управляла горскими народами. Начальник Дагестанской области в Грозный приехал. Начальник Терской области тоже приехал.

В Шатиловском вагоне устроили военный совет. На котором Данагуев был. Другой Данагуев. Второй. Который за брата мстить приехал. Моргания был. Все офицеры были. И начальники округа, отделов, участков.

До сих пор в борьбе с Зелимханом использовались казаки, охотники, регулярные войска, кровники, туземные части. Кавалерия, артиллерия, пехота. И Зелимхан оставался неуловимым. Молчаливые силы оказывались могущественнее всех мер государственного воздействия, из которых самоновейшая, изобретённая в Грозном, была высылка семи «наиболее вредных шейхов».

Мера эта, кстати сказать, своим острием обратилась на придумавших ее. Год 1912 был — восстания фидаев в Персии; напряжение политической обстановки на Балканах, обострявшейся результатами триполитанской войны. Чеченская потенция устремлялась в Персию. Чтобы там сразиться с отрядами царя, верноподданными которого чеченцы по формальной профессорской логике должны были бы являться. В керкетские дни была Персия, терзаемая царским орлом и королевским львом, и вагонный военный совет постановил выслать в Сибирь не причины, но следствия. Семь шейхов. Следствия оказались не твердокаменными. Уже очень скоро. Сугаипп-мулла и Аббас Аут воззвали к Чечне.

«Мы, нижеподписавшиеся, извещаем вас, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев, происходящий из селения Харачой, очень вредный для всего населения, и действия его совершенно противны шариату и недопустимы. Деяния Зелимхана безумны. Великий всемогущий бог наградит того, кто избавит народ, пострадавший от разбойников».

Одновременно и убедительно опубликовывался список абреков, убитых чеченцами же. Кровниками чеченскими. Геха старогортовский, Успа азаматюртовский, Джебраил ишхаюртовский, Висахан автуринский, Гада истисинский, Мусса урусмартановский, Мусса Сератиев, Мута-Али назрановский с братом, Магомет ингушский, Эски старостагинский, Зелимхан гелдыгенский, Эльса-нуко цацаюртовский, Эдиль-Гирей экажевский, Элихан и Селихан энгельюртовские, Гамзат-Хасанбек гехинский, Бери черменчугский, Абу-Бакар шалинский, Бийсултан шалинский, Гушмазуко и Солтамурад харачоевские.

Этими двадцатью тремя шейхи подводили базу расслоению чеченской деревни, достигнутому полицейской опекой. Расслоению по линии кровавых счетов межкровнической провокации.

Но сила шейхов не только в воззваниях. Сила шейхов в постоянной близости к пастве. В постоянном учете настроения паствы. В регулировании отношений экономических групп. В поддержании вражды между группами. В личном обогащении.

И шейхи заходатайствовали. Об оставлении их. Обещаясь использовать своих мюридов для поимки Зелимхана. При условии, что мюриды будут вооружены.

Перед властью открылись перспективы долгожданные. Заветные перспективы. Чечня вот-вот кончала с собой. Самоубийством. И мюриды были вооружены. В лохмотьях, с винтовками за спинами, они разъезжали по Чечне. Перемежаясь с частями военного отряда. Бывало, что они призывались для содействия чинами отряда. По части обысков. Гостей встречали хозяин и... Зелимхан. Хозяин и Зелимхан водили гостей по комнатам. Те уезжали, не найдя. И Зелимхан весело перемигивался с оставшими мюридами...

Старо-сунженская история подоспела к моменту шатиловского доклада наместник Предание утверждает, что целью ее было покрыть 100 000 руб., взыскание которых было предрешено Шатиловым на удовлетворение жертв керкетского побоища. Официальные источники не вникают в причины. Они кратки.

«В ночь на 15/X начальник военного отряда Морганя получил известие, что Зелимхан скрывается в ауле Старо-Сунженском, чтобы днем напасть на Грозненскую ярмарку. Полковник Морганя взял три роты Дагестанского пехотного полка, две сотни казаков и шестнадцать дагестанцев. Оцепили весь аул и добавочно саклю Адуевых, в которой скрывался Зелимхан... «Первую весть о прибытии войск подали собаки, на лай которых поднялся весь аул.

Зелимхан выскочил из сакли, чтобы уйти черным двором. Там сидели на корточках солдаты. («Точно гуси», — смеялся потом Зелимхан.) Зелимхан кинулся на улицу, занятую командой поручика Епифанова. Зелимхановский ореол святости, слухи о его заговоренности оказались действительными не только для Чечни. Завидев Зелимхана, солдаты побежали, точно стадо тех же гусей. Зелимхан смешался с ними, Зелимхан перегнал их. Перегоняя, заметил блестящие погоны офицера. Убил его. Убил рядового.

Потеряв офицера, команда отстала от Зелимхана. И он пошел шагом, соображая, куда свернуть. На площади Зелимхана окликнули черные силуэты дагестанцев. Зелимхан не ответил, и дагестанцы открыли огонь. Он опять побежал, жертвуя черкесской, которую решетили пули. На краю аула за Зелимханом увязалась собака. По началу он отогнал ее от себя, но потом предпочел ее общество. Она помогала ему казаться охотником. Так охотником дошел он до самых гор, чтобы укрыться в их раскинутых трущобах. Миллионные обороты ярмарочного отделения остались неприкосновенными. Торжество сжигания старо-сунженских домов обставили с соответствующей помпой.

Согнали население аула Старо-Сунженского, войска и пожарную команду. Не поленился приехать Михеев. Со свитой адъютантов и приставов. Предстоящее зрелище было единственным в истории: пожарная команда подошла дома, пожарная команда проследила правильность их горения, Михеев-генерал тоже смотрел, как старый профессор за операцией молодого ассистента, И потом сказал старосунженцам:

— Я велел собрать вас сюда, чтобы вы видели, что так будет поступлено со всеми теми, кто осмелится укрывать разбойников и стрелять в царские войска. Ваш старшина не мог не знать, что в ауле ночует Зелимхан, иначе он был бы плохой старшина. А потому с сегодняшнего дня он и его помощники отрешаются от должности, и вам будет назначен правительственный старшина. Отныне я вас лишаю права выбирать своего старшину. Я бы мог сделать гораздо больше, чем сжечь эти два дома ослушников, но мне жаль ваших детей и женщин, и потому я на сей раз воздерживаюсь от более крупных мер.

...Благодарное население разошлось со слезами любви и умиления, — мог бы прибавить газетный корреспондент.

ЧУДО СВЯТОГО ЗЕЛИМХАНА

Тотчас после Керкета Данагуев возвещал:

— Не взойдет еще два раза луна на небе, как абрек абреков — Зелимхан — будет убит.

И либеральный, даже кадетствующий «Терский Край» делал хорошие дела жирными заголовками, вроде. «Накануне ликвидации зелимхановской эпопеи».

«Терский Край» по обязанности приветствовал вовлечение в ликвидацию Зелимхана самого населения. Ведь у него были бы новые основания настаивать на реформах, которых с таким нетерпением ждет...

И однажды газета убила Зелимхана руками чеченцев, спрятавших его труп, чтобы трофеи победы не достались дагестанцам. В другой раз атаковала отрядом мюридов в горах Андийского округа. Но, увы, наместник приказал все-таки выслать шейхов; но, увы, власть не уверовала в самодеятельность населения. Так как «если были случаи выдачи отдельными ингушами или чеченцами абреков, то только тех, которые являлись их кровниками. Но этого мало». Власть не уверовала и разоружила отряды мюридов. И не напрасно. Уже 11 декабря

газеты печатали под заголовком «Зелимхан окружен»:

«Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, что нашел Зелимхана и окружил в харачоевских горах, где он заперся в пещере. С 8 часов утра идет перестрелка. К вечеру с нашей стороны убито двое, ранено четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. Начальником области предложено полковнику Моргания немедленно выехать в селение Харачой. О дальнейшем сообщим по мере получения сведений».

Дальнейшее было чрезвычайно скромно. Полковник Мокрицкий телеграфировал: «Окруженный ночью со всех сторон разбойник скрылся. Начальник округа воинского отряда всадниками преследует». Полковник Масленников телеграфировал: «9 декабря во время перестрелки с Зелимханом убит один казак, ранено три. Абрек скрылся. Поиски по следам производятся». Полковник Моргания тоже телеграфировал: «По докладу командира пластунского батальона сегодня при осмотре пещеры около 9 ч. утра Зелимхана не оказалось. При столкновении с ним убиты... поиски продолжаются».

Как началось и как кончилось в действительности? 8 декабря к командиру харачоевской экзекуционной и пластунской сотни явился «друг Зелимхана» Махмед Аскабов. Он назвал командиру место, где скрывается Зелимхан со дня старо-сунженской истории: в пещере, в трех верстах от Харачой, в 10 от Ведено, бряцающего оружием.

Харачоевский командир дал знать в укрепление, и ночью из Ведено выступила сотня пластунов, рота пехотного полка и казаков. По скату, по обледенелому гребню, взобралась часть отряда на вершину горы, откуда через ущелье на противоположной обрывистой скале была видна пещера.

«По распоряжению начальника Веденского округа на скалу против пещеры было послано несколько человек охотников и кровников Зелимхана. Взобравшись на вершину скалы, охотники увидели, что пещера чем-то заложена, и сделали по ней залп, на который из пещеры последовал ответ».

«В подкрепление к первой партии охотников были посланы еще: одна команда пластунов и один кровник Зелимхана. Через ущелье можно было рассмотреть, что выход в пещеру заделан плетнем, а рядом в скале устроены бойницы».

«Видя безуспешность стрельбы и невозможность открытого подступа к пещере, один из казачьих офицеров взобравшись на вершину скалы, начал бросать над входом в пещеру солому и хворост с целью зажечь, но скат был настолько крутой, что ничто не удерживалось около пещеры, и все скатывалось в пропасть».

«К вечеру пещера была окружена сторожевыми постами. К утру 10-го на скалу ввезено полевое орудие, из которого и решено было начать стрельбу по пещере».

Пока окружали пещеру, пока наводили на шемаханскую царицу орудие, начальник округа ездил в Грозный за подкреплением и похвалился: «Зелимхан у меня в кармане».

Начальник округа был без пяти минут герой. Завтрашнего дня. Послезавтрашнего. Того, в который он вытащит Зелимхана из своего кармана и покажет многоуважаемым грозненским нефтепромышленникам. Те спорили. Держали пари.

— Поймают.

— Не поймают.

Из Грозного выехали в Харачой фотографы. Снимать.

Начальник Андийского округа писал экстренно военному губернатору Дагестанской области:

«10 декабря ночью помощник начальника Гумбатовского участка сообщил мне частной запиской, что в пещере у селения Харачой осажден войсками абрек Зелимхан, и он, помощник, со всадниками и вооруженными жителями выезжает туда, дабы не допустить переход абрека, если бы он бежал, в пределы округа, и принять по обстоятельствам необходимые меры. С получением записки тотчас же командировал восемь всадников на усиление названного помощника и предложил начальникам участков учинить надзор за

всеми подозрительными пунктами в округе и на границе. 11 декабря возвратившиеся из Чечни через Харачой рассказывали мне, что Зелимхан действительно был окружен один в пещере, у самого селения Харачой, по ту сторону речки, что протекает через селение, но, убив двух казаков и одного жителя, скрылся, никем не замеченный. В селение Харачой, по словам очевидцев, прибыли войска и направлены в разные стороны для розыска бежавшего. По тем же источникам, помощник начальника участка с обществом селения Анди занял линию границы и, учинив надзор за всеми хуторами, остается на горах».

12 декабря Саадуев доносил:

«К семи часам вечера мы, объехав все горы и подозрительные места, приехали к Харачою, т. е. к той пещере, где был окружен Зелимхан. Были уверены, что он или задержан, или окружен. Оказывается, что его выпустили на рассвете 10-го числа. Дело было так: вечером на 9-ое число начальнику округа сообщил один из харачоевцев, что Зелимхан в пещере, что он-де спит сейчас в пещере и чтобы пришли и взяли его. Начальник округа приехал к рассвету и, окружив пещеру, послал одного пастуха узнать, действительно ли Зелимхан там. Зелимхан предложил пастуху передать начальнику:

«Я здесь. Иди сам и приведи войска. Русские только, не мусульманские». Тогда начальник приказал стрелять в пещеру, Бомбардировка продолжалась до заката солнца. Зелимхан же сидел спокойно и не стрелял. Когда войска перестали стрелять, Зелимхан произвел четыре выстрела, которыми убил двух и поранил двух. Тогда начальник округа стал посылать для переговоров людей. Зелимхан ответил:

«Скажи начальнику, чтобы он сейчас по телеграфу просил прощения всем, кто сослан и арестован из-за меня. Если к полуночи не передадут мне ответа, что они помилованы, то я уйду из пещеры, хотя бы все русские войска ее окружили».

— И действительно ушел,- заканчивает свое донесение Саадуев.

Поиски, о которых телеграфировал Морганья, ни к чему не привели. Зелимхан ушел. Просто. Почти как из дому, почти как тогда, когда не был еще абреком. Перед зарей. Когда лег в ущелье туман.

Когда лег в ущелье туман, Зелимхан скользнул из пещеры. Вниз. На дно. Он омылся в речке, сделал намаз и пополз вверх, по скату, на котором оцепление.

— Два пластуна сидели. Один направо сидел, другой налево сидел. Я иду — смотрю, они сидят — тоже смотрят. Тогда я на середину пошел между ними, тогда они скалам прижались. Чтобы, как скалы, быть. Я пришел, ничего не сказал. Я прошел, они ничего не сказали. Баркалла! В каждом деле на полчаса надо терпение иметь.

Власть меньше всего предполагала такую гениальную упрощенность ухода и, сконфуженная, ударилась в версетворчество. Были спешно созданы три версии:

«Прежде чем открыть стрельбу из орудия, в пещеру был послан переговорщик, один из родственников Зелимхана. Войдя в пещеру, он быстро вышел оттуда и начал кричать, что в пещере никого нет.

По словам очевидца, крик этот удручающе подействовал на весь отряд, считавший на сей раз Зелимхана своим трофеем.

Прежде чем начальник отряда отдал приказ об осмотре пещеры воинскими чинами, к пещере со всех сторон начали ползти якобы любопытные чеченцы, и этого муравьиного нашествия нельзя было остановить никакими приказаниями. По осмотре пещеры одни из любопытных остались в ней до прибытия воинских чинов, другие же быстро разошлись по разным направлениям скалы. В этой проделке переговорщика, как говорят, и кроется секрет побега. Говорят, что Зелимхан, когда вошел переговорщик, был в пещере, и все это якобы не сдержанное любопытство чеченцев было заранее придумано и подготовлено.

Всех чеченцев, которые ползли к пещере, как муравьи, никто не догадался сосчитать, а еще в лучшем случае остановить, а потому с ними на обратном пути беспрепятственно мог выползти разбойник. Версия вполне вероятная. Ввиду именно этой версии, переговорщик и часть чеченцев, оставшихся в пещере, и были арестованы. По

другой версии, Зелимхан скрылся из пещеры ползком, вверх по скале. И действительно, кровавые следы до вершины горы были, но чьи они, этого определенно, конечно, нельзя сказать. Сильный же туман горный не давал возможности часовым разглядеть ничего на расстоянии даже нескольких шагов. Сама природа как будто приходит на помощь к Зелимхану, и туземное население это учитывает как покровительство свыше.

По третьей же, чисто народной, версии исчезновение Зелимхана произошло значительно проще. Перед рассветом, после того, как стихла стрельба, из пещеры внезапно вылетел закутанный в башлык и обвязанный кругом бряцающим и звенящим оружием чеченец—стремглав бросился под кручу. Стоявшие на часах и ошеломленные в первую минуту казаки бросились за ним. На всех постах и в отряде поднялась суматоха. Крик, шум, выстрелы. В результате же оказалось, что бесстрашно бросившийся в бездну, закутанный абрек была кукла, сделанная Зелимханом из бурки, самовара внутри и других побрякушек. Все бросились ловить куклу, а Зелимхан в это время скрылся. Версию эту проверить трудно, но она далеко проще и, пожалуй, правдоподобнее других.

СМЕРТЬ ЗЕЛИМХАНА

«Когда восемь месяцев прошло, Бици и Зезык в Сибирь отправили. Кеклхоевых — Нелхоевых отправили. Когда восемь месяцев прошло с тех пор, как Зелимхану Андроникова убил. Бици и Зезык в Минусинске были. В Минусинск писал им Зелимхан:

— Хорошо живется или плохо живется? Если плохо живется, я пойду в Турцию и оттуда с войском вернусь забрать вас.

— Отцу мы не могли писать. Мы так просто... знакомым писали. Что ничего — хорошо живется нам. Мы так писали, а начальство иначе писало. Начальство иначе писало. Начальство вместо наших писем свои письма вкладывало, и писало начальство:

«Нам плохо живется из-за тебя, страдаем мы. Зачем ты заставляешь страдать нас, дорогой отец? Лучше было бы, если бы перестал ты абреком быть и пришел бы к начальству».

Отец знал, что Бици такое письмо не захочет написать. Что чужое письмо — такое письмо. В газете мы прочли, как отец из пещеры ушел, и которые в Минусинске русские жили, приводили к себе нас... Чтобы мы об отце рассказывали..

Потом написали знакомые, что наш дом в Харачое пластуны сломали. Что по бревнам разнесли дом. Мать тогда сказала:

— Разве можно дом ломать? Ведь его строили. Потом у нас Ахмат умер. У Зезык Ломали умер.

Мать плакала тогда, когда Ломали умер.

— Мужу,— говорила,— жалко будет. Если муж за Солтамурада не отомстит, кто теперь за Солтамурада, отомстит? Потом написали знакомые, что сто девять наших родственников в Сибирь выслали. Потом написали знакомые, что отец в плен взял брата Буцуса Беноевского, Меджида. И сказал, чтобы 1260 рублей заплатили. Когда не заплатили, отец убил его. Потому, что за Солтамурада мстил.

Потом нам сказали, чтобы мы вещи собирали:

— Домой поедете.

Тогда мы собрали вещи, и нас в Грозный привезли. Там нас в мирозоевском доме поселили, и начальство нам 25 рублей в месяц платило, и конвой около ворот поставили.

Тогда Мухтаров из Баку приехал. Он сказал, чтобы мы Магомета и Энист учиться отдали. Что он за них платить будет. Энист заболела, а Магомет в реальное училище поступил. Потом Энист утром на базар пошла и скоро прибежала оттуда: А! Мама,— говорит,— что говорят, нашего отца убили. Мать не поверила, и сказала, что газету надо купить. Магомет газету купил, а в газете про отца нашего ничего напечатано не было.

Тогда к нам скоро генерал приехал.

— Отца вашего убили,— говорят,— но мы не знаем, он это или не он.

И сказал, чтобы мать с ним в Шали поехала, посмотреть — он это или не он? Мать больная была. Тогда генерал уехал и с доктором вернулся. Доктор тоже сказал, что больная мать. Генерал подумал и сказал, чтобы Зезык с ним поехала. Я тоже попросилась. Магомет тоже.

На автомобиле нас в Шали привезли. Отец там на базарной площади лежал. Базарная площадь черная от людей была. Отовсюду люди приехали. С гор. С плоскости. Из Грозного тоже много русских приехало. Посмотреть. Нас к отцу подвезли. Он на земле, на рогоже лежал. Я сказала, что не отец этот. У отца борода стриженная была. У мертвого борода большая была. У отца руки чистые были, мягкие (не работал он долго в поле, отец) — у мертвого руки черные были и большие стали. Такие руки, которыми убивать только. А когда он ласкал нас, у него всегда чистые руки были. Мягкие руки были. Потому я не узнала отца, что чужой он лежал.

А Зезык говорит, что отец это.

Когда Зезык сказала, что отец это, дагестанцы и казаки народ разгонять начали. И отца в правление перенесли. Нам говорили, что резать его будут. Мало им было, что убили его. Нас не пускали, когда его резали. Потом дагестанцы и казаки опять разогнали народ. И тогда его во дворе правления закопали. Похоронили. Как будто не человек он был. А нас в Грозный привезли. Мать нас спрашивала все время, он это или не он? Я говорила, что не он. Зезык говорила, что он. Мать ей поверила. Потом сказали, как похоронили его. И мама сказала:

— Что же это? Сами из него абрека сделали, нас в тюрьму посадили. А теперь похоронили его, точно не чеченец он.

Утром мать к начальнику округа поехала. Просить, чтобы тело отдали. А начальник округа говорит:

— Я,— говорит,— ничего не могу сделать. Вам,— говорит,— надо к начальнику области поехать.

Мухтар нас во Владикавказ провожал. Во Владикавказ мы к начальнику области пришли, а его дома нету. Нам сказали, что он в Кизляр уехал. Нам сказали, чтобы мы к Степанову пошли. Что он вместо начальника области. Мы к Степанову пришли. Ему сказали, что это жена и дочь Зелимхана пришли. Он сам не узнал нас. Тогда он спросил:

— Что вам еще надо? Чего вам недостает? Ведь его убили.

Мать по-русски плохо знала и на меня посмотрела. Я сказала Степанову.

— Хотя отец нам ничего хорошего не сделал, мы все-таки просим отдать его тело. Нам стыдно, что его так похоронили. Надо по-чеченски.

— Я ничего не могу сделать. Я не начальник области.

Потом Степанов к окну подошел. Думать начал и сказал:

— Подождите,- сказал он.— Я сейчас приду. И вернулся с дамочкой.

— Вот,- говорит,- жена генерала, а вот жена и дочь Зелимхана.

Дамочка посмотрела на нас, и плакать начала.

— Зелимхан! — говорит.

Я схватила ее руку и просила, чтобы нам тело отдали.

Тогда дамочка сказала:

— Хорошо,- говорит.- Я сделаю все, что могу. Я помогу, как своей дочке. Мой муж сейчас в Кизляре. Оставайтесь на ночь. Я обещаю, что будет хороший ответ.

Мы не остались и уехали в Грозный. Утром к нам - пришел милиционер и сказал, что, кажется, хорошая бумага для нас пришла, и что нас начальник округа к себе зовет.

Когда мы пришли, начальник округа сказал, что вы, -говорит,—можете хоронить Зелимхана, где угодно. Только, говорит, начальник области написал, чтобы мало народу было.

Потом начальник округа дал нам бумагу, и мы в Шали поехали. Люди вырыли отца

и завернули в белое полотно. На стол положили и кругом дагестанцев поставили. Дагестанцы радовались:

— Наконец!.. Ведь он у меня брата убил.

Мать не говорила ничего. Потом сказала:

— Если бы он живой был, не стояли бы вы так, а прятались бы.

Я заплакала тогда. Тогда мать сказала:

— Убью, если будешь плакать. Нельзя на людях плакать. Он многих убивал. Теперь их родные увидят и будут радоваться.

— Начальник округа сказал, что на кладбище можно проводить только сорока чеченцам. Но все-таки отовсюду приехали.

Шли и молчали.

Когда похоронили, они подходили к матери и говорили:

— Спасибо тебе. У такого молодца такая жена должна быть.

...Зелимхан ушел из пещеры 11 декабря 1911 года. Убит 27 сентября 1913 г. На два года затих Зелимхан. Только Меджида в плен взял и убил. Наместник в отчете писал тогда, что успокоение края можно считать достигнутым.

190 человек, которых после пещеры выслали, были последними в списке, подбиравшемся к тысяче, и княгиня Караулова, супруга начальника округа, занялась просвещением Чечни. Ученики на школьной елке наизусть читали «Петушок, петушок», и княгиня умилялась. Столица прислала своих корреспондентов. И профессорские «Русские Ведомости» сообщили о переезде Зелимхана в Урмию, где он сел в турецком посольстве. А корреспондент «Голоса Москвы» в это же время видел Зелимхана в Грозном, в чайной, содержимой двумя ингушами из рода тавлин.

А Зелимхан болел.

Он простудился в намаз, сделанный на дне ущелья. Когда скользнул из пещеры. Чеченский лекарь поил его настоями, в которых было много арабских заговоров. Иногда казалось Зелимхану, что умирает.

«Не дожил я, когда революция будет. Умру в волчьей шкуре...»

Болезнь отпускала, и веселым делался Зелимхан.

— В Турцию уеду. Там снимусь и одну карточку начальнику области пришлю. Приеду, когда революция. Волчью шкуру сниму. Мы все тогда волчью шкуру снимем. И наказывать нас не будут. Мы даже самые первые тогда будем.

Осенью выправился Зелимхан. В судах Терской области слушались тогда дела сподвижников и сообщников. В Кизляре тоже слушалось, и Зелимхан в Парабочский лес поехал. Его посланный остановил фазтон адвоката:

— Пожалуйста, Ахмет. С тобой Зелимхан разговаривать хочет.

Адвокат согласился, и скоро Зелимхан подъехал на коне.

— Уо, селям алейкум!

— Уо, алейкум селям!

Студенчества, адвокат мечтал о культурной работе в Чечне. Об обществе просвещения чеченцев. О двух стипендиях такого общества в университетах, пяти стипендиях в средних... Но Зелимхан расстроил все адвокатские планы, из-за него начальство не разрешило никаких обществ.

И адвокат обрадовался встрече. Он расскажет Зелимхану о деле. Он еще скажет Зелимхану, как много зла сделал Зелимхан Чечне.

Чтобы не слышал извозчик, ушел с Зелимханом в лес и выговорился. Зелимхан умел слушать. И выслушал. И сказал:

— Два года назад мне такие слова Шабадиев-офицер говорил. Теперь я целый год ничего не делаю. А они позволили тебе твое общество открыть? Я еще год ничего не буду делать, и ты увидишь.

Расстался с адвокатом Зелимхан. Адвокат в город уехал. Зелимхан в Чечню уехал. И в Чечне заболел опять. С 1908 года, с тех пор, как отца и брата убили, Зелимхан плохо жил. Он так жил, как волк, которого травят. Который знает, что его травят. Он спал, как все равно не спал. Все слышал. Четыре года так жил Зелимхан и один год еще хуже жил. Когда в Чермой Ламе Бийсултана убили. И теперь он болен был такой болезнью, что ходить не хотел, ездить не хотел, есть не хотел.

Весной об этом Бойщиковы услышали. Зелимхан из ихней фамилии одного убил. Когда Добровольского убивал. Один Бойщиков офицер был, другой Бойщиков подрядчик был; еще один Бойщиков старший был. Над всем домом Бойщиковский шейх в Аксае жил.

Когда Бойщиковы о Зелимхане услышали, они в Аксай поехали. Потом во Владикавказ поехали и сказали начальнику области, что Зелимхана найти могут, если он им 20 000 заплатит. Начальник области ответил, что не может 20 000 заплатить, что может только 18 000 дать. 8 000, которые царь дал. 10 000, которые он сам от чеченцев взял. Бойщиковы сказали, что мало. Сказали, что они из этих денег другим еще платить должны. И уехали.

Тогда начальник области Кибирову-офицеру написал, чтобы не отставал от Бойщиковых, чтобы разговаривал он с Бойщиковыми, чтобы дешевле уступили Зелимхана.

— Все равно больной, он и сам умереть может. Тогда ни вам, ни нам ничего не достанется. Когда пошли дожди и надо было дома сидеть, Бойщиковы решились:

— Отдадим за 18 000. Все равно. Не то умереть может, не то другой предать может.

И пошли к Кибирову-офицеру.

— Хорошо. Согласны мы.

— Теперь нам надо так сделать, чтобы он в наших руках был.

В это время Зелимхана из Бачи-юрта в Цацан-юрт привезли. Чтобы еще лучше доктор лечил его. И гонец в Цацан-юрт приехал.

- Уо, селям алейкум, Зелимхан! Зелимхан, тебя Бойщиковы к себе просят.

Говорят, что в Шали русский доктор есть, который хорошо лечить может. Будет лечить тебя, как будто родственника ихнего, и не будет никто знать, что ты — ты.

Зелимхан на гонца посмотрел и:

— Хорошо,— сказал.

Но не знал он, что гонец тоже не знал, чего Бойщиковы на самом деле хотят. Когда Зелимхана гонец взял, сказал ему хозяин:

— Скажи Абдул

Муслиму, что за Зелимхана он передо мной отвечать будет. Скажи ему, что еще перед Гаккай Моллой и Ассаем он отвечать будет.

Одну ночь пролежал Зелимхан у Бойщиковых, а утром они Дока позвали.

— Заметили, что Зелимхан у нас. Надо на хутор увезти его. Свези его к Юмурзе на хутор и приезжай назад. Вечером совет будет.

У Муссы Алдимова в лавке совет был. Мусса заднюю комнату на две части красной занавеской разделил. За занавеской Кибиров-офицер и другие офицеры были. Один

Бойщиков еще был. А с этой стороны два Бойщикова были. Сначала они на свою часть Дока ввели, и офицеры спросили его, видел ли он Зелимхана сегодня. Дока сказал, что видел. Только Бойщиков не позволил ему сказать, куда он Зелимхана отвез.

Потом Бойщиков Доку вывел и Абу-Езида привел. И офицеры опять из-за занавески спросили его, когда он Зелимхана видел. Абу-Езид сказал, когда видел. И вышло так, как Бойщиконы офицерам рассказывали. Кибиров-офицер приказал тогда коней седлать и ехать. И Шагай Бойщиков сам впереди поехал. На сером коне.

...Зелимхан у Юмурзы на хуторе лежал. Хутор маленький. Два дома на речке Шали-Ахк. Поляна там в лесу, и поэтому хутор там. На поляне кукуруза посеяна.

Зелимхан в комнате лежал. Один. Лампа жестяная горела, и он одетый лежал. В бешмете суконном, в шароварах сатиновых. Босиком только был. Намаз перед этим делал.

Зелимхан больной лежал. И слушал. Слушал, что на дворе делается. Он всегда слушал и винтовку в руках держал. На дворе дождь был, и он услышал, что снаружи кто-то на чердак ползет. Это Шагап на чердак полез. И Зелимхан патронташ схватил.

Когда Зелимхан мокрый двор перебежал и около другой сакли в дверях задержался, Шагап в него из чеченского ружья выстрелил. И в плечо ранил.

- Пришел твой час, харачоевский Зелимхан!

Тогда Зелимхан опять через двор побежал. Туда, где кукурузная копна стояла. Дальше не мог бежать Зелимхан. На копну облокотился и Кибирова-офицера увидел. И выстрелил в него. И в руку ранил. Кибиров крикнул, чтобы легли все, и сам тоже лег. Кибиров крикнул, чтобы со всех сторон легли. Так, чтобы не мог бежать Зелимхан. Не знал он, что не может бежать Зелимхан, что ранен Зелимхан. И команду дал, Кибиров-офицер, чтобы стреляли. Тогда Зелимхан ясын¹ запел.

— Ясын вель кран иль хаким ин нага ля минал мирсалим. Аля сир а ати мыштаким. Танзи ляль ази зир рахим.

Так Зелимхан пел. Пел и стрелял.

— Ли тун зира каумен ма ин зира са баа ыгым.

Так Зелимхан пел. Он долго пел. Сколько часов бой был, столько часов Зелимхан пел. Бой в 9 часов вечера начался.

— Фегим ги филь люш.

Уже небо бледное стало. Уже дождь перестал идти. И только деревья тряслись слезами. Последними каплями.

— Ли кад хаккал кау ле. А ла ек сер игим фегим. Ла е минуй.

Уже бледное небо стало. И трава серая от дождевых капель была.

— Ин на джаал на фи агна кигим. А глалал фегня ил лял азы ко оны.

Уже видел шапки врагов в траве Зелимхан. И тогда он встал на ноги. Винтовку уже не мог поднять Зелимхан. Браунинг поднял. И в последний раз еще двух ранил.

— Фегым. Мок мехуи. Ва джаал на.

¹ Ясын (араб.) — отходная мусульманская молитва, которая читается на смертном одре и на могиле покойника для «успокоения душ умерших».